Рой Дженкинс

РУЗВЕЛЬТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Франклин Делано Рузвельт — одна из центральных фигур мировой истории XX века. Единственный американский президент, избиравшийся на этот пост четырежды, Рузвельт возглавлял США в период Великой депрессии и Второй мировой войны, внеся значительный вклад в создание антигитлеровской коалиции и ООН. Написанная видным британским биографом Р. Дженкинсом для знаменитой книжной серии, посвященной американским президентам, биография Франклина Рузвельта изложена «кратко для занятого читателя, понятно для студента и достоверно для ученого».

- Рой Дженкинс
  -
  - Примечание
  - Глава 1 Кузены Рузвельты
  - Глава 2 Картина брака, который дал трещину
  - Глава 3 Путь из Олбани в Белый дом
  - Глава 4 Первый срок: победы и поражения
  - Глава 5 Неудачи: политические и экономические
  - Глава 6 Опять война
  - Глава 7 Ожесточенная борьба: декабрь 1941 — июль 1944 гг
  - Глава 8 Смерть на пороге победы
  - Основные вехи жизни Франклина Рузвельта
  - Избранная библиография
  - Об авторе
  - Примечания

Рой Дженкинс
Франклин Делано Рузвельт

Franklin Delano Roosevelt: The American Presidents Series: The 32nd President, 1933-1945
by Roy Jenkins

Из серии «Американские президенты»
Перевод: Татьяна Лукьянова

Примечание

Книга завершена с помощью Ричарда Нойштадта

Незадолго до завершения работы над этой книгой Рой Дженкинс внезапно скончался от сердечного приступа. Разрыв в тексте (< … >) в последней главе указывает на последние слова, которые он написал. По просьбе его вдовы Дженнифер Дженкинс главу закончил друг семьи Ричард Нойштадт из Гарвардского университета, с которым лорд Дженкинс обсуждал эту книгу.

Глава 1 Кузены Рузвельты

Франклин Делано Рузвельт был тридцать вторым президентом Соединенных Штатов и единственным, кого избирали больше двух раз. За место в рейтингах американских президентов с ним могут соперничать не более трех его предшественников и ни один из его преемников.

Хотя по своему социальному происхождению он и принадлежал к самым верхам американского общества, превосходя в этом всех остальных президентов в истории страны, за исключением разве что Джорджа Вашингтона и своего родственника Теодора Рузвельта, нельзя сказать, что его путь в Белый дом был усыпан розами. Его избрание было встречено высшими слоями общества с беспрецедентной враждебностью. Поначалу он казался чересчур легкомысленным и в молодости был известен среди ровесников как Feather Duster [1], между тем в его жизни было несколько неудач и одно очевидное крушение.

И в мирное, и в военное время на его долю выпало больше испытаний, чем на долю любого другого президента Соединенных Штатов, за исключением, пожалуй, Линкольна. Несмотря на то, что среди профессиональных политиков Рузвельт выглядел аристократом, он, по всей вероятности, был из них самым квалифицированным. Более того — зачастую он был настоящим первопроходцем. У ФДР [2] было очень много преданных соратников, и он пленял окружающих огромным личным обаянием. Тем не менее, некоторые из его сторонников, в свое время помогавшие ему прийти к власти, позднее отвернулись от него и стали его противниками. Следовательно, он был человеком столь же неоднозначным, сколь сильным и интересным.

Франклин Рузвельт, подобно Протею [3], был человеком, который быстро менял свои мнения и поступки, и поэтому понять его весьма нелегко. Будучи героем, он обладал совсем не героическими качествами. ФДР был почти полной противоположностью лорда Биркенхеда [4] — лучшего друга Уинстона Черчилля, которого тот рисовал следующим образом: «В любом деле, общественном или личном, если он был на вашей стороне в понедельник, то останется там и в среду, ну, а в пятницу, когда все будет выглядеть из рук вон плохо, он по — прежнему, наперекор всему, будет идти с вами вперед». Если же Рузвельт в понедельник убеждал сотрудника или партнера взяться за некое небесспорное задание, то в среду он вполне мог разделить это задание с кем-то еще или перебросить его на кого-то другого, а в пятницу, когда все пошло не так, полностью

отказаться от этого проекта или отложить его на неопределенное время. И все-таки ФДР был выдающимся человеком, и им, по зрелом размышлении, нельзя не восхищаться.

И вот еще парадокс: хотя Рузвельта и считали лидером, который реализует некую программу (его «новый курс» оказывает серьезное влияние на историю США вот уже более семидесяти лет), в нем, на самом деле, было больше от политика — импровизатора, который быстро приспосабливается к меняющимся условиям, чем от выразителя некоей системы взглядов. Он двигался по избранному пути небольшими шажками. Если что-то не срабатывало, ФДР всегда охотно пробовал другой вариант. После трех триумфов на выборах и почти девяти довольно сложных лет в Белом доме Рузвельт привел страну к победе в самой масштабной в американской истории войне. Да, несомненно, на долю Линкольна выпало больше испытаний, поскольку тот был, как никто другой, близок к поражению. Однако, является бесспорным и то, что в 1941–1945 годах Рузвельт осуществил беспримерную мобилизацию всех сил Америки, как промышленных, так и военных. Так, в Европе к началу 1945 года американская армия по численности в три раза превосходила британскую, а на Тихом океане американское превосходство было во много раз большим. Но прежде всего сила Америки проявилась в ее индустриальной мощи. Преобразуемая в пушки и танки, самолеты и корабли, она стала восьмым чудом света и за относительно короткий период в три с половиной года сделала неизбежной победу над грозными военными машинами Германии и Японии. Рузвельт, которого в его первый и второй сроки так сильно критиковали представители деловых кругов, будучи избранным в третий раз, достиг выдающихся успехов в развитии американской промышленности, которая хоть и полностью контролировалась крупным капиталом, все же оставалась под пристальным надзором государства.

Еще один парадокс Рузвельта: несмотря на то, что он был жителем Нью — Йорка, потомком первых голландских поселенцев и богатым землевладельцем из долины Гудзона, то есть представителем не центральных районов США, а Восточного побережья страны, больше всего ориентированного на Европу, он все же достиг небывалых успехов в «преодолении географии» и объединении континента. Кстати, самую сильную поддержку Рузвельт получал вовсе не на Восточном побережье. Так, во время выборов 1936 года, на которых он одержал победу с подавляющим преимуществом, лишь два американских штата поддержали его оппонента из Республиканской партии — это были расположенные на восточном побережье штаты Вермонт и

Мэн. И на последних, самых трудных для Рузвельта выборах 1944 года он победил именно благодаря поддержке западных штатов, результаты в которых объявлялись позднее, ибо по первым результатам, результатам, полученным на востоке страны, не было ясно, кто побеждает.

Рузвельт, к тому же, являет собой уникальный пример лидера, который, не будучи интеллектуалом в полном смысле этого слова (ибо он больше коллекционировал книги, нежели их читал, да и в Гарварде не блистал высокими баллами, из чего следует, что сегодня ему было бы непросто попасть в этот храм науки), все же обладал выдающейся способностью вдохновлять интеллектуалов. Эта черта была свойственна и его родственнику и предшественнику в ряду американских президентов Теодору Рузвельту, и Джону Кеннеди. Но Теодор, представлявший из себя причудливую смесь лихого ковбоя и нью — йоркского аристократа, по крайней мере, был силен в истории и литературе, чем не мог похвастаться Франклин Рузвельт. Тем не менее, любой серьезный историк или политик оценит президента Рузвельта 1933–1945 годов гораздо выше, нежели президента Рузвельта 1901–1909 годов. Хотя оба они достаточно долго находились в президентском кресле (ФДР беспрецедентно долго), чтобы претендовать на первенство в рейтинге президентов. Но если Франклин Рузвельт войдет в число лучших президентов безоговорочно, то Теодору Рузвельту придется, пожалуй, удовольствоваться серебряной медалью или даже бронзой.

Понять Франклина Рузвельта невозможно (или сложно), если не учитывать влияние в первые тридцать восемь лет жизни этого его дальнего родственника. Хотя шестиюродные братья Рузвельты состояли не в таком тесном родстве, как два Адамса, два Гаррисона или два Буша, они оказали на американскую историю влияние гораздо большее, чем все остальные пары вместе взятые.

Теодор и Франклин — американцы в восьмом поколении, потомки Клауса Мартенсена ван Розенвелта, который приехал из голландского города Харлем в Нью — Амстердам лет за двадцать до того, как в 1664 году этот город был переименован в Нью — Йорк. Оба президента — прямые потомки его сына Николаса, родившегося в Америке в 1658 году. Впоследствии семья разделилась: старший из двух сыновей Николаса основал семейную ветвь, обосновавшуюся в городке Ойстер — Бей на Лонг — Айленде (именно там через двести лет родился Теодор Рузвельт), а младший поселился в долине Гудзона, где в родовом поместье Гайд — Парк через двадцать три года после рождения Теодора появился на свет Франклин Делано Рузвельт. Родственные связи стали еще запутаннее, после того как в 1905

году Франклин женился на дочери младшего брата Теодора; Теодор был в то время в Белом доме, однако приехал на свадьбу, чтобы дать новобрачным свое президентское благословение. За плечами у обоих президентов Рузвельтов, бесспорно, лучшие семьи Нью — Йорка, достигшие процветания и успеха на протяжении многих поколений. И если американская аристократия и существует (а многие историки это убедительно доказывают), то Рузвельты являются ее неотъемлемой частью.

В самом деле, центральная часть долины Гудзона, особенно восточный берег к югу от Олбани, тянущийся через Тиволи, Гайд — Парк, Покипси, Гаррисон до Пикскилла, была плотно застроена впечатляющими особняками, которые стояли друг за другом, как жемчужины в ожерелье. Такой концентрации богатых поместий не знали ни Англия, ни Франция; британские поместья северо — западного Ноттингемшира, так называемые «Герцогства», где некогда находились поместья нескольких герцогов, на фоне американских выглядели спорадичными. При этом образ жизни здешних богатых землевладельцев был не показушным, но поистине приличествующим джентльмену.

Джеймса Рузвельта, отца Франклина, описывают как «высокого человека с бакенбардами, похожими на бараньи отбивные, который редко появлялся без хлыста. Он разводил рысаков и создал знаменитое стадо Олдернейской породы крупного рогатого скота, который скрещивал с коровами Джерсейской и Гернсейской пород. Каждый год он отправлялся на лечение на воды в Германию, ездил охотиться в По во французских Пиренеях, стрелял куропаток в Шотландии и, как настоящий глава общины, был среди тех, кто решал, кого допускать в нью — йоркское высшее общество, а кого нет. В политической жизни он не участвовал, считая это занятие недостойным джентльмена, но, выполняя долг эсквайра, участвовал в добровольной пожарной команде, был церковным старостой и членом приходского управления, а еще председательствовал на городских собраниях Гайд — Парка. Как президент небольшой железнодорожной компании он имел право ездить в личном вагоне… в любую часть страны».

Он и люди его круга жили в Нью — Йорке только поздней осенью, остальное же время предпочитали проводить в своих поместьях на берегу Гудзона, наезжая в город раз или два в неделю, чтобы проверить, как обстоят дела с их немалыми, но в основном унаследованными капиталами. Однако же, они не слишком напрягались, чтобы эти капиталы приумножить.

Рузвельты из Ойстер — Бей были, скорее, важными людьми Лонг — Айленд — Саунд, а не долины Гудзона, но они тоже были

членами громадного клана Рузвельтов и ощущали связь не только с двумя его ветвями, но и с множеством других старых семейств Нью — Йорка. Они употребляли обороты «кузен X» и «кузина Y» так, как никогда не пришло бы в голову старым британским кланам Кавендишей и Спенсеров, Сесилов и Стенли. Когда Элеонора Рузвельт в 1903 году обручилась с ФДР, то в письме к Саре Рузвельт — своей будущей свекрови — она неизменно обращалась к той: «кузина Салли». Такая практика напоминает анекдот об армянской семье, у которой столь давние корни, что деву Марию они зовут «кузиной Мэри».

На каком-то этапе две ветви клана разделились по своим политическим воззрениям. Рузвельты из Ойстер — Бей были республиканцами, по крайней мере, со времен Гражданской войны. Отец Теодора Рузвельта откупился от службы в федеральной армии Севера, и в этом можно усмотреть глубокую иронию, поскольку его сын занял впоследствии крайние патриотические позиции. Бескомпромиссные республиканские убеждения ойстербейских Рузвельтов были, однако, типичными для их окружения в конце девятнадцатого века.

Гораздо удивительнее то, что Рузвельты из Гайд — Парка были демократами. Отец Франклина Рузвельта поддерживал Гровера Кливленда — ньюйоркца с правыми взглядами, единственного в истории страны, кто избирался президентом дважды с перерывом между сроками. Джеймс Рузвельт стал демократом, потому что его отец был демократом, а он не любил изменять семейным традициям. Но относился он к Демократической партии примерно так же, как старые виги [5] относились к британской Либеральной партии до ее раскола в 1886 году, когда Гладстоун вынес в Парламент на голосование вопрос по гомрулю [6].

Казалось бы, Рузвельты из Гайд — Парка должны были отличаться более консервативными политическими воззрениями, чем их родственники из Ойстер — Бей. Ведь они жили в заточении сельской местности на своем утесе в долине Гудзона более чем за сотню километров вверх по течению реки от Нью — Йорка и лишь время от времени наведывались в свою резиденцию на Манхэттене и, значит, были в гораздо большей мере изолированы от жизни голосующего главным образом за Демократическую партию «Большого яблока» — и географически, и по степени участия в городской жизни, — нежели их кузены из более близкой к мегаполису части Лонг — Айленда. Эти политические симпатии свидетельствуют скорее об отсутствии четкой идеологической позиции у американских политических партий того времени, нежели о каком-либо подозрении на

социально — экономические разногласия между двумя ветвями клана Рузвельтов. И дело не в том, что тогдашняя политическая жизнь Америки была скучной. Первая дюжина лет двадцатого века, завершившаяся президентскими выборами 1912 года, была наиболее любопытным периодом времени между президентскими сроками Линкольна и второго Рузвельта. Но интерес этот больше все же вызывали конфликты внутри и вокруг отдельно взятых партий, нежели прямые сшибки между республиканцами и демократами.

Показательный пример этого — отношения Франклина Рузвельта со своим дальним родственником, а позднее еще и дядей жены, Теодором. Оба они были движимы во многом одними и теми же побуждениями. Более того, в юности Франклин даже завидовал родственникам из Ойстер — Бей: там царила более бурная атмосфера, нежели в Гайд — Парке. В Сагамор — Хилле — так называлось поместье Рузвельтов в Ойстер — Бей — бурлила кипучая жизнь. В 1898 году у Теодора Рузвельта было шестеро детей от одного до четырнадцати лет, и когда отец бывал дома, все они неустанно занимались физическими упражнениями, играли в спортивные игры и, наверное, веселились и дурачились. Кроме того, там периодически жили многочисленные двоюродные братья и сестры, племянники и племянницы, в том числе Элеонора, которая родилась в 1884–м. По сравнению с ними Франклин Рузвельт в Спрингвуде (почти забытое сегодня название усадьбы в Гайд — Парке) жил одиноко и едва ли не замкнуто.

Когда он родился — 30 января 1882 года, — его отцу было пятьдесят три. Его единственному — сводному — брату Рози Рузвельту было двадцать семь, и он жил не с ними. Мать, урожденная Сара Делано, происходила из рода еще более именитого, чем Рузвельты. Она была властной и авторитарной, но при этом заботливой и нежной, и роль главы семьи сохраняла за собой вплоть до 1941 года — девятого года пребывания Франклина Рузвельта на посту президента Соединенных Штатов. Несмотря на то, что у родителей Сары Делано было девять детей, ее доля в отцовском наследстве составила более миллиона долларов — огромные деньги в девятнадцатом веке. Отец Сары, Уоррен Делано, бросил как-то о муже дочери, Джеймсе Рузвельте, отце ФДР, который был столь же почтенным аристократом, как и он, восхитительную в своей снисходительности фразу: Джеймс был «первым, кто дал мне понять, что демократ может быть джентльменом». И все же Сара не могла заменить сыну друзей, он мечтал общаться со сверстниками своего круга. И поэтому, когда Франклина позвали отпраздновать 4 июля [7] в Сагамор — Хилл,

он, несмотря на некоторое сопротивление родителей, решительно это приглашение принял, а когда оказался там, то обнаружил, что от компании он в полном восторге.

Кроме того, что Теодор Рузвельт никогда не ходил в школу, а занимался с частными преподавателями до самого своего поступления в Гарвард в 1876 году, в жизни двух Рузвельтов было на редкость много и других параллелей — только с интервалом в двадцать три года. Франклин тоже получал домашнее образование, и только в пятнадцать лет его отправили в Гротон, в закрытую привилегированную школу, основанную десятью годами ранее преподобным Эндикотом Пибоди. Школа эта создавалась с претензией на то, что станет американской копией Итона, хотя атмосферой больше напоминала Челтнем или Мальборо. И в учебе оба Рузвельта не слишком отличались. Правда, Теодор, несмотря на свой бойскаутский нрав, все же учился несколько лучше; особенно ему нравилась история. Теодор оказался успешнее и по линии студенческих клубов: его приняли в самый респектабельный клуб Гарварда — «Порцеллиан», тогда как Франклин вынужден был довольствоваться членством в клубе рангом пониже — «Флай клаб». Впрочем, то, что Франклину не удалось вступить в «Порцеллиан», можно считать везением: члены клуба, носившие эмблему — амулет — золотую свинку, в основном плели разнообразные интриги. Зато он отличился в студенческие годы гораздо более интересным способом — стал президентом (по сути, редактором) гарвардской студенческой газеты *Crimson*.

И Теодор, и Франклин лишились отцов, когда учились на первом курсе университета. Теодор пережил утрату тяжелее, но последствия были ощутимее для Франклина: рано овдовевшая Сара Рузвельт переехала в Бостон, чтобы быть поближе к единственному сыну, окружив его материнской заботой и надзором.

После окончания Гарварда сходство жизненного пути двух Рузвельтов проявляется еще сильнее. Теодор Рузвельт, став в двадцать три года членом законодательной ассамблеи штата Нью — Йорк, а затем с треском провалившись на выборах мэра Нью — Йорка в 1886 году, зализывал раны, вначале сделавшись в Вашингтоне уполномоченным по делам государственной службы при президенте Бенджамине Гаррисоне, а затем — шефом полиции города Нью — Йорка (более заметная для публики должность). В 1897 году он был назначен заместителем военно — морского министра в администрации президента Мак — Кинли, но вскоре отказался от должности, чтобы непосредственно участвовать в разразившейся войне с Испанией. На Кубе

полковник Теодор Рузвельт водил свой добровольческий кавалерийский отряд «Лихие всадники» в кавалерийскую атаку в сражении за высоту Сан — Хуан [8] и обрел, таким образом, славу национального героя.

На этом этапе его карьера больше напоминала карьеру Уинстона Черчилля, а не Франклина Рузвельта. Лейтенант гусарского полка Черчилль тоже получил боевое крещение на Кубе во время начавшегося там в 1895 году восстания местного населения против испанцев [9]. Затем Черчилль участвовал в британской карательной экспедиции в северо — западную пограничную провинцию Индии [10], а в 1898–м — в одной из последних кавалерийских атак в британской военной истории — в сражении при Омдурмане [11] в Судане, и об обеих кампаниях написал книги. В 1899 году на войне в Южной Африке он попал в плен и ненадолго оказался в лагере для военнопленных, но сумел бежать. Побег из плена сделал Черчилля знаменитым, он получает несколько предложений баллотироваться в Парламент, и в 1900 году, в возрасте двадцати пяти лет побеждает на выборах. Впрочем, Теодору Рузвельту не нравилось то, что он слышал и читал о молодом и дерзком Черчилле. Дочь Теодора Элис Рузвельт Лонгуэрт через много лет в разговоре с известным историком Артуром Шлезингером объясняла это тем, что они были «слишком похожи».

В 1898 году сорокалетний Теодор Рузвельт воспользовался своей известностью, чтобы одержать победу (пусть и с небольшим преимуществом) на выборах в губернаторы штата Нью — Йорк. Губернаторский особняк в Олбани [12] может быть хорошим трамплином для того, чтобы стать хотя бы кандидатом в президенты США: это показали до него Мартин Ван Бюрен и Гровер Кливленд и после него — Чарльз Эванс Хьюз, Альфред Смит, Франклин Рузвельт и Томас Дьюи. Однако на выборах 1900 года Теодору Рузвельту пришлось довольствоваться постом вице — президента, а на высшую должность в стране Республиканская партия выдвинула действующего президента и бывшего губернатора штата Огайо Уильяма Мак — Кинли. Но в 1901 году, всего через десять месяцев после своего переизбрания, Мак — Кинли был убит, и тогда Теодор Рузвельт стал президентом США.

В 1910 году двадцативосьмилетний Франклин Рузвельт стал сенатором штата Нью — Йорк от Демократической партии, совершенно неожиданно победив в своем округе Гудзон — Ривер, где позиции демократов всегда были слабы. Что касается Теодора Рузвельта, то он двадцатью восемью годами ранее одержал победу на выборах в одном из избирательных округов города Нью — Йорка, по общему мнению, одном из самых фешенебельных

районов города — Верхнем Ист — Сайде. (Тогда этот район был известен как «Район из Бурого песчаника», а с начала двадцатого века, когда превратился в один из наиболее дорогих и престижных жилых районов города, был переименован в «Район шелковых чулок»). В 1913–м Франклин Рузвельт, вновь одержав победу на выборах, был назначен заместителем военно — морского министра в администрации президента Вудро Вильсона. Он занимал эту должность гораздо дольше, чем Теодор, хотя его стремление сочетать работу в Вашингтоне с политической карьерой в Нью — Йорке было такой же ошибкой, как и участие Теодора Рузвельта в выборах мэра в 1886 году.

В августе 1914 года, когда Европу охватил пожар Первой мировой войны и когда логично было бы предположить, что будущий главнокомандующий американскими войсками во Второй мировой войне направит все усилия на укрепление военно — морских сил США (а в то время американский флот, как и его бюджет, был вдвое меньше, чем Королевский ВМФ Великобритании, Первым Лордом Адмиралтейства которого тогда являлся Уинстон Черчилль), ФДР полностью посвятил себя выставлению своей кандидатуры на место сенатора в Конгресс США от нью — йоркского отделения Демократической партии. Тогда на первичных выборах он потерпел сокрушительное поражение от Джеймса Джерарда, посла США в Берлине, которому вообще-то тоже следовало думать о других вещах. Венцом иронии зато стало то, что на основных выборах Джерард проиграл кандидату от республиканцев. Это было единственное (причем довольно унизительное) поражение Франклина Рузвельта на выборах, если не считать провала Демократической партии в 1920 году, и причины его порождены ошибочной стратегией и неуемными амбициями.

Пришлось вернуться к работе в военно — морском министерстве; Франклин Рузвельт служил там вплоть до печального конца администрации Вильсона в 1921 году, когда президент и его политика полностью себя исчерпали. Несмотря на формально невысокий пост, он имел довольно большие полномочия, поскольку его шеф Джозефус Дэниелс, бывший редактор газеты с Юга, слыл пацифистом и был человеком спокойным и миролюбивым. Дэниелсу, несмотря на разницу в политических взглядах и социальном происхождении, Рузвельт нравился, и он с радостью позволил ему фактически возглавить работу министерства.

Рузвельт довольно успешно справлялся со своими обязанностями, хотя и оказался втянутым в разразившийся в 1919–1920 годах в Ньюпорте (Род — Айленд) грязный скандал,

связанный с наркотиками и гомосексуализмом на флоте. Никто, само собой разумеется, не подозревал ФДР в личном участии или в разврате, ибо никаких гомосексуальных наклонностей у него не было. Но он, по — видимому, дал согласие на привлечение к расследованию агента — провокатора из особого следственного отдела. Когда об этом стало известно Дэниелсу и Сенату, следственный отдел закрыли, а Рузвельту вынесли мягкое порицание. Его действия были сочтены «неудачными и опрометчивыми». Этот случай бросил тень на его репутацию, но, на удивление, незначительную. Он не справился с ситуацией, когда сначала принял сомнительное с точки зрения закона решение, а затем попытался неуклюже замять этот факт. Тем не менее, резонанс был на удивление невелик, и эта история практически не повлияла на будущую карьеру ФДР, который обладал очень редким и полезным для политика качеством — к нему не приставало плохое, и это был один из самых ранних тому примеров.

Во время войны Теодор Рузвельт убеждал Франклина поступить так, как он сам поступил в 1898 году, — оставить свою наполовину гражданскую службу и надеть военный мундир. Франклин попытался сделать это, но без особого энтузиазма, в отличие от Теодора, который с воодушевлением принимал участие в военных действиях и раньше, а в 1917 году в возрасте пятидесяти восьми лет засыпал президента Вильсона требованиями: позволить ему возглавить полк во Франции. (Тут можно провести еще одну параллель с Уинстоном Черчиллем, который непродолжительное время находился в окопах в 1915–1916 годах). Вильсон отказал обоим Рузвельтам, что было весьма разумно, по крайней мере, в отношении Франклина. Вряд ли он принес бы больше пользы, уйдя с занимаемой должности и став младшим офицером в армии. Тем не менее, отказ президента расстроил Рузвельта. В качестве помощника морского министра он дважды побывал в Европе — сначала с июля по сентябрь 1918 года, когда война еще продолжалась, а потом в сопровождении жены в январе — феврале 1919–го, уже в первые месяцы после заключения мира. Во время первой поездки он немного повидал поля сражений, а в 1919–м — наблюдал их последствия.

Позднее ФДР был склонен преувеличивать и собственный военный опыт, и свои антивоенные настроения, особенно накануне президентских кампаний 1936 и 1940 года, когда пытался внушить соотечественникам свое представление о международном долге Америки — нерешительно и непоследовательно, боясь отпугнуть избирателей. Так, летом 1936 года, вскоре после начала гражданской войны в Испании, в

своем памятном выступлении в округе Чатоква на западе штата Нью — Йорк он говорил: «Я видел войну. Я видел войну на земле и на море. Я видел, как истекают кровью раненые. Я видел, как харкают своими легкими те, кто отравился газом. Я видел лежащие в грязи трупы. Я видел разрушенные города…» Три года спустя в Белом доме, в беседе с группой сенаторов, ФДР зашел еще дальше, сказав, что во время Первой мировой войны в Европе видел больше, чем кто бы то ни было. Он утверждал, что видел много полей сражений не только во Франции и Бельгии, но и в Италии, — однако это не подтверждено достоверными свидетельствами. Вероятно, Теодор Рузвельт внушил ему убежденность, что в 1917–1918 годах он должен был воевать либо в армии, либо во флоте.

Конечно же, в начале карьеры Франклин Рузвельт находился под сильным влиянием своего прославленного родственника, который его на многое вдохновлял. Это не всегда совпадало с курсом партии, но ни один из Рузвельтов не отличался чрезмерной преданностью своей партии. Каждый из них время от времени делал тактические реверансы в сторону партийной машины, но лишь в тех случаях, когда считал это необходимым для успеха своей политической карьеры. Однако оба рассматривали партию как средство, служащее для достижения их целей, не более того; иногда партии полезны, но никогда не любимы, и если они не служат цели, то партиям бросают вызов, или даже от них отказываются. Рузвельты определенно никогда не делали из партий кумиров, внушающих благоговение и требующих поклонения. И это тоже роднит их с Уинстоном Черчиллем.

И все же между Рузвельтами были и различия. В целом, Теодор менее успешно использовал возможности Республиканской партии, чем Франклин — Демократической. Попытка Теодора в 1912 году вернуть себе пост президента США [13] с помощью собственной Прогрессивной партии, «партии сохатого» [14], созданной в результате раскола Республиканской партии, привела к поражению и единственному перерыву в правлении республиканцев, которое длилось с 1896 по 1932 год. Ну а Франклин настолько укрепил авторитет своей партии среди избирателей, что и после его смерти демократы задавали тон в американской политике на протяжении двух с лишним десятилетий.

Так или иначе, юношеское восхищение и желание подражать старшему Рузвельту было совершенно естественным, особенно если учесть разницу в возрасте почти в четверть века. Первый полувзрослый опыт общения относится к лету 1897 года, когда

совсем еще молодой Франклин приезжал погостить в Сагамор — Хилл и слушал там рассказы Теодора о его работе во главе нью — йоркской полиции, которые затем весело и увлекательно пересказал в школе в Гротоне. Несколько лет спустя, когда ФДР поступил в Гарвард, он уже сознательно начал копировать некоторые черты и манеры родственника. Он стал носить пенсне и активно пользоваться двумя излюбленными словечками Теодора — произносимым врастяжку *delighted (*«восхищен») и *bully в* значении «первоклассный» (как в известном впоследствии изречении Теодора Рузвельта, что Белый дом является *bully pulpit* — «первоклассной трибуной»). Однако получалось это у него пока не слишком натурально. На этом этапе Франклин Рузвельт был далеко не похож на Теодора. Внешние данные у Франклина были лучше, да и голос, в конечном счете, много зычнее, но в молодости ему недоставало энергии и харизмы Теодора.

В то время на ФДР произвели сильное впечатление передовые взгляды старшего Рузвельта на заносчивость и самонадеянность крупного бизнеса и социальных элит. Их отношение к политике напоминало отношение патрициев к плебеям, как его определял Черчилль в пору своих либеральных убеждений: мы защищаем слабых при условии, что сами остаемся хозяевами положения. Тем не менее, Франклину импонировала озабоченность Теодора социальными проблемами и не пугал его ура — патриотизм. Оба они больше верили в старые аристократические семейства, нежели в хищных нуворишей, чье богатство превзошло по размеру и влиянию старые деньги, некогда правившие бал в нью — йоркском обществе.

В 1901 году карьера Теодора Рузвельта совершила невероятный взлет. Всего лишь за год он проделал путь от кандидата на пост вице — президента до президента США, оказавшись в сорок два года самым молодым из всех, кто когда-либо занимал эту должность. Даже Джону Кеннеди, кода тот шестьюдесятью годами позже пришел в Белый дом, было уже почти сорок четыре.

Далеко не все с восторгом отнеслись к тому, что такой молодой человек оказался в наивысших коридорах власти. «Только посмотрите, теперь этот чертов ковбой — президент Соединенных Штатов!» — заявил тогда Марк Ханна, председатель национального комитета Республиканской партии, который в конце девятнадцатого века стал воплощением нарождающегося священного или нечестивого союза между «Великой старой партией» [15] Линкольна, боровшейся в свое время за отмену рабства, и лидерами американского капитализма, находившимися на подъеме. Уильям Аллен Уайт, один из самых

известных газетных редакторов из Канзаса, который более сорока лет был другом (но не всегда верным соратником) обоих Рузвельтов, изрек столь же запомнившуюся фразу: «Тедди был реформой в котелке, самом эффектном, самом залихватском и модном». А Джеймс Макгрегор Бернс отозвался о Рузвельте так: «Некоторым же реформаторам он представлялся в цилиндре» [16].

В течение семи с половиной лет президентства Теодора младший Рузвельт не имел особых сложностей с тем, чтобы поддерживать его, и даже в какой-то степени разделял его взгляды. На президентских выборах 1904 года ФДР без колебаний проголосовал за Рузвельта против умеренно консервативного и быстро забытого кандидата от Демократической партии судьи Элтона Паркера. Тридцать четыре года спустя он со свойственной ему изысканностью объяснил, почему голосовал против своей партии: «Я голосовал за кандидата от республиканцев, потому что чувствовал, что он больше демократ, чем кандидат от Демократической партии».

Когда в октябре 1903 года ФДР обручился (без особой огласки) с дочерью покойного брата Теодора Рузвельта, а затем в марте 1905–го они поженились, то обитатели Ойстер — Бей отнеслись к этому браку гораздо лучше, чем его собственная мать. Бракосочетание состоялось на четвертый год президентства Теодора Рузвельта, и тот даже предложил провести брачную церемонию в Белом доме, а когда свадьбу все же решили устроить, как и планировали изначально, в просторном нью — йоркском особняке Рузвельтов в Верхнем Ист — Сайде, он приехал из Вашингтона, чтобы проводить невесту к алтарю и поприветствовать гостей. «Хорошо, что имя остается в семье», — заявил он тогда Франклину несколько самодовольно. Выбор духовного лица для проведения самой церемонии перед временным алтарем в не очень религиозной обстановке между двумя соседними домами на Семьдесят шестой улице пал на директора Гротона преподобного Эндикотта Пибоди, который, исполнив все необходимые ритуалы, благословил пару на брак, продлившийся сорок лет.

Тем неожиданнее выглядело то, что в 1912 году ФДР не стал поддерживать Теодора Рузвельта, когда тот решил вернуться в политику, после того как безосновательно отказался баллотироваться на второй срок в 1908–м. Это было неожиданно потому, что Теодор затеял свое рискованное предприятие, разочаровавшись в бездеятельном консерватизме своего преемника — республиканца Уильяма Говарда Тафта, которого он сам и выдвинул, и за весь двадцатый век это была наиболее

близкая к успеху попытка разомкнуть железные тиски американской двухпартийной системы. Теодор Рузвельт практически гарантировал себе выдвижение кандидатом в президенты на июльском съезде Республиканской партии в Чикаго, ведь по результатам праймериз он лидировал, но проиграл Тафту, которого упрямо поддержала партийная машина, всего 70 голосов. Рузвельт обязан был смириться с решением съезда, но горячая поддержка сторонников побудила его пойти на раскол партии. Спустя какой-то месяц состоялся съезд недовольных, на который прибыла тысяча делегатов, и на котором родилась новая партия. Официально она была названа Прогрессивной партией США, но получила известность как «партия сохатого» (*the Bull Moose party)* после знаменитого сравнения Теодором Рузвельтом своей собственной силы с силой этого жвачного животного: «Я здоров как сохатый!». «Партия сохатого» планировала принять участие в ноябрьских выборах 1912 года и выдвигала экс — президента своим кандидатом.

Как это обычно бывает в периоды политических разочарований, появление новой партии воодушевило и привлекло многих — и представителей высших слоев, и тех, кто был вне партий. Впрочем, по мнению некоторых, в ней оказалось с избытком генералов, более чем достаточно капитанов и много сержантов, а вот рядовых не хватало. (Автору это напоминает зарождение британской социал — демократической партии в 1981–1982 годах.) Более того, была принята программа партии, едва ли не специально созданная для того, чтобы устроить Франклина Рузвельта. Она предусматривала социальные реформы (охрану труда, избирательное право для женщин, право рабочих объединяться в профсоюзы), была центристской и направлена против политиканства и корпоративных интересов. Заносчивая наглость капитализма должна быть обуздана, провозглашали прогрессисты. Необходимо ввести прогрессивный подоходный налог и налог на наследство, а также дать избирателям право отзывать избранных ими лиц и опротестовывать политически предвзятые решения суда (последнее положение предвосхищало нападки Франклина Рузвельта на Верховный суд США в 1937 году). Свою кампанию Теодор Рузвельт в целом охарактеризовал как «Контракт с народом», как «честный курс» — и эти слова тоже не могли не найти отклика у ФДР.

И все же Франклин Рузвельт не поддержал Теодора. С 1910 года он был сенатором штата Нью — Йорк от демократов, от той территории, которая окружала Гайд — Парк. А это не была вотчина демократов. На своих первых выборах в сенат штата он

неожиданно и еле — еле победил, но ко времени переизбрания двумя годами позже укрепил в округе свои позиции. И хотя его первыми сколько-нибудь заметными действиями в роли сенатора штата стала активная борьба против той кандидатуры на пост сенатора США, которую выдвинул Таммани — холл [17] (сенаторов США тогда все еще выбирали законодательные собрания штатов, а не непосредственно избиратели), теперь он пошел на попятную и на протяжении года налаживал связи с партийным аппаратом. Понятно, что теперь ему, как избранному сенатору — демократу, отдать голос кандидату от другой партии было сложнее, чем в 1904 году, когда он был частным лицом. Кроме того, его очень вдохновляла мысль, что Вудро Вильсон, в то время губернатор штата Нью — Джерси, может получить право баллотироваться в президенты от демократов и выиграть президентские выборы.

У Франклина никогда не было к Вильсону такого глубоко личного отношения, как к Теодору Рузвельту, да и по своему положению в обществе он был весьма далек от более холодного и похожего на пастора профессора права и политической экономики Принстонского университета. Но в 1912 году Вильсон увлекся социальными реформами и призывал вывести политику из-за дверей курительных комнат. К тому же, его шансы на победу были весьма велики, и ФДР уже лелеял честолюбивые планы сменить Олбани на Вашингтон и занять место в новой администрации. Хотя нью — йоркская делегация на съезде Демократической партии в Балтиморе сторонилась Вильсона (Таммани — холл поддерживал выставление кандидатуры более консервативного Чемпа Кларка из штата Миссури, спикера Палаты представителей Конгресса), Франклин Рузвельт, однако, стал активно агитировать за Вильсона вокруг зала заседаний съезда. Свою воодушевленность и смутные надежды на будущее тридцатилетний Рузвельт подытожил в телеграмме, отправленной жене второго июля из Балтимора: «Вильсон выдвинут кандидатом сегодня мои планы неясны блестящий триумф».

Что ж, «дяде Теду» (Франклин и Элеонора после женитьбы стали называть так Теодора Рузвельта все чаще и чаще) пришлось постоять за себя самому. И он сделал это с немалым, если не решающим, успехом. На президентских выборах 1912 года Теодор Рузвельт получил 4,1 миллиона голосов избирателей, оттеснив Тафта — не просто официального кандидата от Республиканской партии, но и действующего президента — на унизительное третье место. Однако при этом он уступил Вильсону, получившему 6,3 миллиона голосов избирателей и полную победу в коллегии

выборщиков, хотя лишь 43 процента (т. е. меньше половины) голосов избирателей. Как бы там ни было, Вильсон стал президентом — первым президентом — демократом после шестнадцати лет пребывания у власти президентов — республиканцев. К тому же он получил большинство в обеих палатах Конгресса. Таким образом, трезвый прогноз ФДР относительно вероятного результата выборов оправдался, так же как и надежда, что ему самому это может обеспечить должность в Вашингтоне.

Сделавшись в марте 1913 года заместителем военно — морского министра (и в качестве такового, единственным), Франклин Рузвельт был рад этому еще и оттого, что «дядя Тед» занимал эту же должность в 1897 году, и что сам он получил этот пост, будучи на девять лет моложе. Правда, был в этом и некий парадокс, ведь произошло это в результате «предательства» по отношению к «дяде Теду». Это было предательство, которое, и этому есть свидетельства, и жена его, и мать (а они редко совпадали во мнениях, особенно когда дело касалось его) неохотно признавали.

И пусть в Сагамор — Хилле и возмущались отступничеством ФДР (а там, несомненно, обижались, хотя и не настолько сильно и долго, чтобы испортить близкие отношения), но четырьмя годами позже это возмущение было заслонено куда более сильным огорчением, которое доставил сам Теодор Рузвельт. Прогрессивная партия США рассчитывала, что он возглавит ее и на выборах пойдет ее кандидатом в президенты. Однако сам Теодор решил, что время таких мечтаний прошло. Он вернулся в лоно «Великой старой партии», по — видимому, в надежде, что ему простят 1912 год и выставят на выборах в президенты его кандидатуру. Однако, когда предпочтение отдали судье Верховного суда Чарльзу Эвансу Хьюзу, Теодор Рузвельт проглотил обиду и поддержал кандидатуру Хьюза, который с небольшим разрывом по голосам проиграл уже непосредственно Вильсону. Когда на втором — и последнем — съезде Прогрессивной партии была зачитана телеграмма Теодора Рузвельта с отказом от выдвижения в кандидаты на должность президента, то многие из тех неофитов, кого он привел в политику, от разочарования плакали: он, на четвертом году существования, погубил свое детище.

Возможным уроком, который можно извлечь из этих двух историй, является то, что политика верности партии порой выставляет на посмешище тех, кто ее придерживается. Однако это утверждение уравновешивается тем фактом, что в демократическом государстве те, кто такой линии поведения не

придерживается, остаются у разбитого корыта. Чтобы получить реальную власть и влияние, необходима доля, но не чересчур большая, тактического оппортунизма и приспособленчества. И ничто эту истину не иллюстрирует более ярко, нежели карьеры двух Рузвельтов — в чем-то очень похожие, а в чем-то резко отличающиеся друг от друга. И все же итог многолетнего чередования взлетов и падений оказался благоприятнее для Франклина Делано Рузвельта.

Глава 2 Картина брака, который дал трещину

Прежде чем детально описывать плоды семилетнего пребывания Франклина Рузвельта в Вашингтоне (1913–1920), необходимо вспомнить не о его грандиозной свадьбе, о которой уже было говорено, а об исключительной природе его брака, который, соединив в себе плохое и хорошее, сыграл существенную роль в его жизни. Элеонора Рузвельт, будучи моложе своего мужа на два с половиной года, являлась представительницей одного с ним социального круга.

Этот факт подтверждался тем, что оба супруга носили одинаковую фамилию и принадлежали к одному из старейших семейств Нью — Йорка, к «Никербокерам» [18]. (Сегодня это имя сохранилось в названии клуба на Пятой авеню [19] и популярной баскетбольной команды [20]). В период их рождения и взросления фамилия являлась отличительным знаком, который таил в себе весьма прозрачный намек на статус, который можно было бы сравнить с наличием родства среди вигов в Лондоне того же времени, или с проживанием в округе Фобур Сен — Жермен в Париже [21] Марселя Пруста, или принадлежности к номенклатуре в СССР времен Леонида Брежнева. Речь не обязательно идет о несметных богатствах, а скорее о высоком благосостоянии (по большей мере гарантированном) и склонности чувствовать себя непринужденно только среди ограниченного круга людей, которые приемлют те же самые нормы поведения (преимущественно безупречные) и те же самые суждения (преимущественно самодовольные).

Тем не менее, во многом другом Франклин и Элеонора существенно отличались друг от друга, а с течением времени их характеры стали и вовсе несовместимы, однако, на публике, как можно себе с легкостью представить, их отношения свидетельствовали об обратном. Франклин был центральной фигурой среди президентов США в двадцатом столетии, а, вероятно, что и за все двести пятнадцать лет существования Республики. Во время его уникального по продолжительности пребывания на посту президента США стали самой могущественной державой на планете. Элеонора была самой независимой и многоуважаемой среди всех президентских супруг. Первая леди Долли Мэдисон [22] могла привнести в историю раннего Белого дома блеск инаугурационных балов. Эдит Вильсон, в последние восемнадцать месяцев пребывания ее

супруга на посту президента, могла обладать беспрецедентной исполнительной властью [23]. Жаклин Кеннеди могла быть законодательницей моды, демонстрируя неизменно чувство стиля и элегантность, являясь кумиром для многих своих друзей. Леди Берд Джонсон могла посвятить себя сохранению природных ресурсов. Хиллари Клинтон смогла достичь наивысшей выборной должности среди других первых леди. Но ни одна из них не может соперничать с Элеонорой ни в силе взглядов, ни в желании всенародно высказывать их таким образом, что они, в целом, неизменно способствовали успешному президентству ее мужа. Ей нет равных и в способности, спустя три десятилетия после смерти мужа, нести (самозабвенно) знамя рузвельтовского либерализма, который нашел отклик во всем мире.

Мало что могло показаться столь же невероятным как свадебная церемония на Семьдесят шестой улице. Детство Элеоноры было трудным, несмотря на то, что она родилась в привилегированном обществе.

Ее мать, миловидная женщина традиционных взглядов, не отличавшаяся особой любовью к детям, скончалась в 1892 году, в возрасте двадцати девяти лет (Элеоноре на тот момент было восемь лет) от сочетания целого ряда болезней, не желая продолжать цепляться за жизнь. Элеонора никогда не любила свою мать, которая считала ее некрасивой и чрезмерно серьезной девочкой, а также уничижительно называла ее «Бабулей». Отсутствие любви к матери ребенок компенсировал сильной привязанностью к отцу, который с 1891 года не жил с матерью. Эллиот Рузвельт был обаятельный, безнадежный и совершенно безответственный алкоголик, который ушел в мир иной вслед за матерью в 1984–м. Элеонора и оставшийся в живых младший брат (их другой брат умер) были переданы на воспитание бабушке по материнской линии, еще одному матриарху долины реки Гудзон, имение которой располагалось на берегу реки, в Тиволи, в двадцати милях вверх по течению от Гайд — Парка. И, конечно, она была хозяйкой резиденции в Верхнем Ист — Сайде в Нью — Йорке. В такой атмосфере росла Элеонора, страдая от синдрома «гадкого утенка» по причине присутствия в доме трех младших сестер ее покойной матери — все три славились кокетством и красотой и уделяли собственному внешнему виду гораздо больше внимания, нежели образованию или невзгодам бренного мира. Два младших брата ее матушки, являясь еще одним неприятным воспоминанием о ее прошлом, страдали от алкогольной зависимости. (Пуританское отвращение к алкоголю, сетей которого не избежал и ее родной младший брат, впоследствии стало одним из препятствий на пути к дружеским отношениям с

супругом, более того, хоть в этом редко возникала нужда, это мешало Элеоноре достойно принимать Уинстона Черчилля.) Последнюю каплю в чашу семейных «добродетелей» добавляла двоюродная сестра Элеоноры по отцу, ее ровесница, Элис Рузвельт, впоследствии Лонгуэрт, которая и в свои девяносто с небольшим сохраняла на удивление острый язычок и которая, по сути, относилась к Элеоноре как к маленькому унылому добродетельному существу.

В возрасте пятнадцати лет «добродетельное существо» с удовольствием променяла атмосферу этого Дома веселья на школу в Англии. Школа Алленсвуд являла собой нечто среднее между институтом благородных девиц и добротным учебным заведением, располагаясь в большом доме викторианского стиля в Уимблдоне, в семи милях к югу от центра Лондона. В ней проходили обучение примерно сорок молодых девушек двадцатилетнего возраста. Элеонора провела в школе три года, и это, как оказалось, пошло ей на пользу. Она стала явной любимицей семидесятилетней директрисы Мари Сувестр, которая, несмотря на преданность делу своей жизни — воспитанию молодых девиц высшего света разнообразной национальной принадлежности, была, в сущности, радикальным вольнодумцем, ревностным атеистом и ярой защитницей буров во время войны Великобритании против бурских республик на юге Африки. Она также являлась последователем Фредерика Гаррисона [24] и английских позитивистов, равно как и приятельницей Беатрис Вебб [25]. До того как получить бразды правления в Уимблдоне, она заведовала школой в Фонтенбло. В обоих заведениях Мари Сувестр занималась воспитанием множества юных леди, включая одну из тетушек Элеоноры, сестру Литтона Стрейчи, двух дочерей Джозефа Чемберлена (с которыми его сыновья, Остин и Невилл, неизменно вели переписку на протяжении всей своей продолжительной политической карьеры). Ее воспитанницей также была некая немецкая *Графиня (*Элеонора была с ней дружна), которая рьяно защищала кайзера в 1915 году и еще более была очарована Гитлером, по крайней мере, до 1939 года. Мадмуазель Сувестр ценила Элеонору за высокий интеллект и считала ее прекрасным примером для подражания для всей школы. Была у мадмуазель одна привычка, которая носила несколько дискриминационный характер: проходя вереницей мимо директрисы во время совершения традиционного ритуала пожелания спокойной ночи, одни воспитанницы получали поцелуй на ночь, другие — сухое рукопожатие. Элеонора всегда заключалась в самые теплые объятия. Мадмуазель Сувестр также брала ее с собой на короткие каникулы в Париж, Флоренцию и

Рим. Вместе с тем школа Алленсвуд не только подарила много счастливых воспоминаний о годах обучения, но также значительно повысила самооценку Элеоноры, когда она, летом 1902 года, вернулась в США.

Несмотря на это, Элеонора была удивлена, польщена и даже смущена, когда через несколько месяцев ее жизнерадостный и утонченный дальний родственник Франклин начал оказывать ей сначала дружеские, а спустя некоторое время и романтические знаки внимания. Все началось во время поездки в поезде вдоль реки Гудзон в лето того года, когда она вернулась из школы. Чувство расцвело и окрепло той же зимой, и увенчалось тайной помолвкой следующей осенью 1903 года. Данное событие было засекречено — и оставалось таковым целый год по причине неприятия со стороны грозной Сары Рузвельт. Ее возражения, подкреплявшиеся аргументами о незрелости влюбленных, не были уж такими ad feminam [26]. Сара Рузвельт, даже за последующие тридцать восемь лет жизни, так и не научилась относиться к Элеоноре с должным почтением; ее отношение основывалось на ревности, вызванной необходимостью делить своего Франклина с кем бы то ни было. Похоронив супруга, Сара превратилась в маниакально — любящую мать. Следует признать, однако, что ее претензии к «молодости» супругов были не безосновательны. Элеоноре едва исполнилось девятнадцать, Франклину — всего двадцать один; он все еще учился на последнем курсе в Гарварде, не имея никаких четких представлений о том, какой род деятельности избрать своей профессией. К тому же он даже не начал обучение на юридическом факультете Колумбийского университета, которое предоставило бы ему базовую квалификацию в сфере юриспруденции. Сара бросила все свои силы на то, чтобы молодая пара забыла о своих чувствах друг к другу. В конце зимы 1904 года она отправила Франклина в пятинедельный круиз по Вест — Индии с товарищем из Гарварда, и, естественно, без Элеоноры. Не успели они вернуться, как Сара убедила Франклина связаться с приехавшим на время Джозефом Чоатом, американским послом в Лондоне при президенте Теодоре Рузвельте. Она тешила себя тщетной надеждой, что он предоставит Франклину место на дипломатическом поприще в трех тысячах милях от родины.

Она безуспешно искала помощи самого президента, который, услышав об этом возможном браке через восемь месяцев, с энтузиазмом поддержал молодых. Он благоволил к Франклину и был рад устроить судьбу Элеоноры, которую, из-за алкоголизма ее отца и обоих дядей Холлов, могли счесть носительницей

«дурной крови». Кроме прочего, Теодор Рузвельт был счастлив внести свою лепту в дело воссоединения всего семейства. Холлы также были довольны, хотя им было искренне жаль отпускать Элеонору из Тиволи, где она неизменно укрепляла неустойчивую психологическую атмосферу. В любом случае, стало очевидно, что на этом этапе намерение Франклина и Элеоноры было окончательным. Если уж Франклин решил противостоять своей матери в этом вопросе, то решение его было неоспоримым. Элеонора была беззаветно влюблена, хотя и не утратила присущей ей серьезности. Его письма были уничтожены ею, вероятно году в 1937–м, когда, перечитав их при подготовке материала для первого тома автобиографии, Элеонора посчитала их слишком болезненными для воспоминаний. Ее письма того времени сохранились и были проникнуты не только всепоглощающей любовью, но также «бабулиной» заботой (определение, данное им, близко перекликается с прозвищем детства, которое она получила за свое умение всех опекать) о его здоровье, работе, устремлениях. Ее романтические устремления не ведали границ, как видно из стихотворения Элизабет Барретт Браунинг, которое она, очевидно, продекламировала Франклину, когда тот делал ей предложение руки и сердца, и которое двумя днями позже записала для него в своем письме.

Не можешь поклясться в любви бесконечной! —
Молчи! О любви — ни полслова!
Не можешь мечтать средь толпы быстротечной,
О том, кто манит тебя снова;
Не можешь любить как ангел небесный,
Когда целый мир между вами;
Не можешь поверить, что он непогрешный,
Будь свят, иль безбожно лукав он;
Утратив любовь, не взываешь о смерти —
Молчи! О любви ты не знаешь! [27]

Это трогательное стихотворение, несмотря на мало изящную строку, — третью снизу, было и оставалось ее философией в отношениях между мужчиной и женщиной. Она никоим образом не подразумевала возможности физического или романтического влечения. Испытывала ли она сильную страсть к Франклину, даже на пике своей любви к нему, представляется весьма сомнительным. Но то, что Франклин вел жизнь, противоречащую ее кредо, нанесло огромную эмоциональную рану, хотя не ослабило ее товарищеской поддержки его в обществе. Вероятно, именно это стало причиной уничтожения его писем через

тридцать пять лет после их написания, а также подвигло ее искать утешение в нескольких очень тесных однополых связях в 1930–е и 1940–е годы.

Остается загадкой, почему Франклин в начале 1900–х годов так сильно увлекся Элеонорой. Было бы ошибочно полагать, что в свои юные годы Элеонора не обладала физической привлекательностью. Она обладала изящной фигурой и грациозными движениями. Красивые волосы были хорошо уложены, манеры — весьма изящны, что, как говорят, привлекало мужчин в возрасте, менее расположенных к плотским утехам. Элеонора была похожа на кроткую лань, тогда как глаза ее и манера говорить выдавали ум и разносторонние интересы, что вряд ли распалило бы огонь страсти в молодых мужчинах. Несмотря на такой большой недостаток как отсутствие чувства юмора, она, помимо Франклина, привлекла внимание нескольких достойных кавалеров. Однако Элеонора мечтала видеть своим спутником только Франклина, но странным представляется иное — почему Франклин, на тот момент, по замечаниям некоторых свидетелей, весьма ветреный Прекрасный принц, пожелал ее. Джозеф Лэш в своем известном исследовании их отношений, опубликованном в 1971 году [28], отвечает на этот вопрос с прямотой, граничащей с наивностью: «Через материнскую заботливость», — пишет он, ссылаясь на переписку от ноября 1903 года. «Влюбляются ли Прекрасные принцы в юных бесконечно заботливых леди? Да, если под беспечным фасадом скрываются неуемные амбиции, для достижения которых необходима поддержка верного союзника, а не возлюбленной подруги».

В первые годы брака Элеонора представляла собой довольно ординарную молодую мать семейства из высшего света. С 1906 по 1916 годы она произвела на свет шестерых детей, пятеро из которых — одна девочка и четыре мальчика — выжили. Первый, Франклин Делано Рузвельт — младший, родившийся в 1909 году, прожил всего семь месяцев; вслед за ним появился Эллиот Рузвельт, а затем еще один Франклин Делано Рузвельт — младший, который появился на свет в 1914 году. В эти десять лет беременностей свекровь и тетя Элеоноры убедили ее отказаться от общественной работы, за которую она с энтузиазмом принялась после возвращения из Англии. Поскольку работа была связанна с урегулированием жилищных и других насущных проблем неимущего населения, Элеонора могла заразить свою молодую семью пролетарскими болезнями (туберкулезом). Она также была замечена в антисемитских суждениях, которые в то время активно высказывали представители общества белых англо

— саксонских протестантов Нью — Йорка.

Что представляло большую важность, так это домашняя субординация, навязанная ей Сарой Рузвельт — не кузиной Салли, как сначала беззаботно называла ее Элеонора, а Мамой, полномочия которой она получила после свадьбы. Гайд — Парк целиком и полностью оставался владением Сары Рузвельт. Вплоть до своей смерти в 1941 году Сара Рузвельт неизменно восседала во главе стола с одной стороны, а Франклин — с другой, вследствие чего Элеонора чувствовала себя между небом и землей. Еще более символичным было расположение спальных комнат. Комнаты домашней прислуги находились в южной части особняка. У Франклина была наилучшая комната, на юго — западе, с живописным видом на Гудзон. У Сары была спальня такого же размера на юго — востоке, но с менее колоритным пейзажем из окна. Элеонору же поместили в комнату, напоминавшую келью, между спальнями свекрови и супруга.

Когда я впервые посетил Гайд — Парк (более сорока лет назад), «спальная» иерархия была одной из вещей, которые надолго врезались мне в память. Еще одно сильное удивление вызвал самонадеянный по своей скромности прием, которого Рузвельты удостоили короля и королеву Великобритании в июне 1939 года. Их разместили в стандартных гостевых комнатах с двумя спальнями, но подготовленных ненадлежащим образом людьми премьер — министра Канады Макензи Кинга, который в то время также находился с визитом в Гайд — Парке на Гудзоне. Расположение комнат было таковым, что пожелай король Георг пройти в ванную комнату ночью, ему пришлось бы добираться туда через спальню премьер — министра. Последующие президенты — Джонсон, Никсон и Рейган — обустроили бы для такого события более пышные покои за пределами резиденции, что, несомненно, могли сделать и Рузвельты — роскошный особняк миллионеров Вандербильтов находился в нескольких милях и на тот момент пустовал. Но Рузвельты твердо придерживались мнения, что то, что хорошо для джентри долины реки Гудзон, будет хорошо и для любой коронованной особы. И главную роль в принятии этого решения, несомненно, играла Сара, поскольку, вплоть до ее смерти двумя годами позже, бразды правления Гайд — Парком целиком и полностью сосредотачивались в ее руках. Это олицетворяет официальная фотография того визита, на которой Сара самодовольно восседает по центру, по правую руку от нее — король и Элеонора, по левую — королева и Франклин.

Элеоноре не удалось избежать контроля свекрови даже за пределами Гайд — Парка. Сначала молодожены проживали в

своем собственном доме в Нью — Йорке на Тридцать шестой улице, однако, пока они наслаждались продолжительным медовым месяцем в Европе, Сара успела меблировать дом и нанять прислугу. После рождения Сары и Джеймса, двух старших детей, появились мысли о необходимости расширить жилую площадь (вероятно, благодаря веянию городской моды), и в 1908 году созрел план о строительстве нового дома по адресу Шестьдесят пятая улица, 49. Однако речь шла не об одном доме. Речь шла о двух смежных домах с общими дверями на нескольких этажах, и Сара была намерена занять второй. Семейный загородный дом на острове Кампобелло, на границе штата Мэн и провинции Нью — Брансуик (на востоке Канады), также находился под единоличным управлением Сары первые четыре года проживания молодых супругов. Ее хватка немного ослабла в 1909–м, когда Рузвельты приобрели отдельный коттедж. Соседка, из сострадания к положению Элеоноры, завещала его ей после своей смерти.

Основная проблема была втрое сложнее. Во — первых, на этом этапе Элеонора была ведомой, а Сара, определенно, — ведущей. Их отношения ясно запечатлены (как и уступчивость Элеоноры) на их общей фотографии 1904 года. Во — вторых, Франклин обладал одним качеством, которое он часто проявлял во времена своего пребывания у власти, а именно, он умел мягко игнорировать конфликтные и сложные ситуации, по поводу которых не желал высказывать свое мнение. В — третьих, Сара Рузвельт эффективно контролировала бюджет молодой семьи. Общий годовой доход молодых Рузвельтов составлял 12 500 долларов на двоих (на сегодняшний день это приблизительный равно 300 тыс. долларов). Этих денег было вполне достаточно, несмотря на то, что доход Франклина, заработанный им на должности младшего юриста (он не имел особых знаний и опыта) в солидной фирме «Картер, Ледьярд и Мильбурн» был не настолько большим, чтобы чувствовать себя достойными молодыми членами высшего общества. Но когда ему было необходимо что-то особенное — дом или машина (Франклин приобрел машину в 1908 году), отдых в Европе, плата за обучение, — не без скрежета зубовного на помощь приходили щедрые (но не безусловные) дотации Сары Рузвельт.

В начале своей политической карьеры, сначала в качестве сенатора штата в 1910 году, а затем чиновника в Кабинете министров в 1913–м, Франклин увидел цель, а перед Элеонорой замелькала долгожданная свобода. Вашингтон был вне досягаемости Сары Рузвельт. Для нее, как и для большинства гранд — дам Нью — Йорка того времени, это был неизвестный

город, построенный на южных топях, в котором упражнялись в грубых политических игрищах. Такая ситуация, безусловно, была на руку Элеоноре, которая начала расправлять крылья, несмотря на шесть сложных лет, связанных с беременностями и заботой о маленьких детях, хоть и не без помощи нянек. Франклин ринулся с головой в новые обязанности с энтузиазмом большого породистого, выросшего, но наполовину обученного щенка. У него не было возможности часто контактировать с президентом (заместители министра любой страны редко видят главу правительства), но в кругах деятелей среднего ранга Франклин стал центральной фигурой в административной и дипломатической жизни столицы, реагируя на волнительные перемены в политическом курсе после длительного пребывания у власти (шестнадцать лет) одной партии. Несмотря ни на что, он поддерживал прекрасные отношения с главой министерства Джозефусом Дэниелсом, судя еще по одной фотографии, на которой Дэниелс участвует в вечере в честь предвыборной кампании Рузвельта на пост вице — президента в 1920 году. То, что отношения были такими хорошими, являлось заслугой Дэниелса. Он не был великим человеком, но у него совершенно отсутствовала зависть.

Дэниелс был доморощенным редактором провинциальной газеты в штате Северная Каролина, а его отец работал корабельным плотником. Дэниелс осознавал, что получил в помощники ассистента с гораздо более многообещающим потенциалом, чем у него самого, потому держался вежливо и терпеливо. Простой, но доброй причиной для такого отношения был частично тот факт, что Дэниелс испытывал искреннюю симпатию к Рузвельту, обаяние и напор которого покоряли больше, чем отталкивала его самонадеянность. Между ними не было согласия практически ни по одному вопросу во внешнеполитической сфере, однако они оба поддерживали идеалы либеральной демократии Вудро Вильсона. Через двадцать лет ФДР отправил своего старого босса послом в Мексику с миссией проведения политики добрососедства, и это стало одним из самых успешных его назначений. В правительстве Вильсона Дэниелс был младшим партнером Уильяма Дженнингса Брайана, который до Вильсона трижды безуспешно баллотировался на пост президента США от Демократической партии и который в администрации Вильсона занял пост государственного секретаря. Вместе они представляли популистскую не — восточную ветвь среди сторонников Вильсона и были полезны ему в этом качестве. Они также были представителями пацифистского направления, вследствие чего после начала Первой мировой войны в августе

1914–го стали позиционировать себя как сторонники нейтралитета. Брайан на самом деле подал в отставку в июне 1915–го, поскольку полагал, что Вильсон выказывает чрезмерное сочувствие Франции и Британии.

Эта отставка, с политической точки зрения, сделала Дэниелса еще более ценным для Вильсона, хотя не с позиций военно — морского флота. Еще на втором году Первой мировой войны Дэниелс видел в качестве своей основной задачи недопущение чрезмерного наращивания военно — морских сил США и обеспечение не боевой выучки, а должного дальнейшего обучения его личного состава, численность которого составляла 65 тысяч человек (включая Корпус морской пехоты). Тем не менее, по своей величине это был уже третий в мире флот (после британского и французского). Хотя по наличию подводных лодок, необходимых для ведения агрессивных военных операций, он значительно уступал Германии. Продолжительным последствием действий Дэниелса стало сокращение весной 1914 года активности американского флота, что вряд ли способствовало укреплению его наступательного боевого духа.

Когда участились случаи потопления судов немецкими подводными лодками в Атлантическом океане, а США оказались на грани вступления в войну, пацифистский дух Дэниелса сослужил Рузвельту пользу, укрепив положение Франклина как при президенте, так и в Военно — морском ведомстве США. С 1914 года Рузвельт был сторонником решительного вмешательства в европейский конфликт на стороне Антанты. И задолго до апреля 1917–го, не без влияния дяди Теда (который предал забвению измену ФДР в 1912 году и вновь воспрянул воинственным духом), с нетерпением ждал начала военного вмешательства США. Дэниелс был полностью готов к тому, чтобы переложить этот вопрос на ФДР. Пацифизм Дэниелса уже давно носил исключительно теоретический характер. А так, ему самому не пришлось окончательно отрекаться от своей позиции, вот он и согласился с тем, чтобы его подчиненный взял на себя подготовку министерства к войне. В обязанности Рузвельта входило не только налаживание работы верфей, что относилось к непосредственной сфере деятельности заместителя министра, но также и установление более тесных стратегических отношений с адмиралами. У него также появилась привычка, по крайней мере по его словам, использовать частое отсутствие Дэниелса в Вашингтоне с целью рассмотрения кип документов, пылящихся на столе начальника, и принятия решительных действий, которые впоследствии не отвергались.

В Вашингтоне Рузвельты проживали в самом сердце

Джорджтауна по адресу 1733 N Стрит, в столетнем доме, который, однако, на тот момент еще не приобрел своего модного темного цвета патины, столь характерного для него во второй половине двадцатого века. В какой-то мере, он стал убежищем Элеоноры от семьи, однако не в полном объеме, поскольку дом принадлежал ее тетушке Бами (или Бай), старшей сестре ее отца и ТР, которая вышла замуж за адмирала и стала миссис Шеффилд Коулз. И, вне всякого сомнения, время от времени происходили поездки в Гайд — Парк и Кампобелло (несмотря на отдельный домик) под безраздельный контроль Сары Рузвельт. (Дом Франклина Рузвельта в Манхеттене был сдан в наем Томасу У. Ламонту, наиболее важному партнеру Дж. П. Моргана, который станет впоследствии основным патриотически настроенным банкиром США межвоенного периода.) Сначала Элеонора жила в Вашингтоне так же уединенно, как и в Нью — Йорке. Ее основной деятельностью, не связанной с воспитанием детей, в течение восемнадцати месяцев, до августа 1914–го, являлись формальные визиты с последующим предоставлением контактной информации в виде визитной карточки. Но начало войны (несмотря на то, что она началась в Европе) даровало ей новую цель и, в какой-то степени, новую независимость. Она стала основным организатором бытовой помощи военным. Ни один поезд, перевозящий военнослужащих флота или пехоты, не проходил мимо станции «Юнион Стейшн» в Вашингтоне без того, чтобы Элеонора, в окружении стайки помощников, не очутилась там с целью раздать горячие напитки, сигареты, булочки и вязаные носки. Эта и связанная с нею деятельность утоляла ее потребность если не в интеллектуальной деятельности, то в гражданской активности.

На летнее время Элеонора уезжала. В 1916 году, году первой сокрушительной волны эпидемии полиомиелита, который в одном только Нью — Йорке унес 2448 жизней (преимущественно детских), она находилась на Кампобелло или в Гайд — Парке без малого три месяца. Идея с ее переездом принадлежала частично ФДР. В этом заключается вся ирония, если учесть его болезнь в будущем: он считал полиомиелит исключительно детским заболеванием. Франклин беспокоился о своих пятерых отпрысках и уговорил Элеонору вывезти их из центра бушевавшей инфекции. Таким образом, он выслал военный корабль, чтобы забрать семью из штата Мэн и переправить ее в Гайд — Парк на Гудзоне, не выходя на сушу измученного эпидемией города. Это плавание неохотно предприняли на корабле под командованием Уильяма Лехи, которого через четверть столетия Рузвельт отправит послом во Францию, в Виши [29].

И, вероятно, именно в это лето ФДР начал страстный роман с Люси Мерсер, которая работала у его супруги неполный рабочий день секретаршей. Мисс Мерсер была далеко не стереотипной глупой красоткой. Ей было двадцать два года от роду, она происходила из хорошей семьи и, если не имела гарантированного достатка, о чем свидетельствует занимаемая ею должность, то обладала изысканным шармом. Она, бесспорно, была героиней из произведений Джейн Остин, которую через сотню лет забросило не на берег английских графств Дорсет или Дейвон, а на территорию Округа Колумбия. Некоторые, и в первую очередь опытная Элис Лонгуэрт, удивлялись, что Франклин не сбился с пути истинного раньше. Однако же, он сбился, и не по причине тривиальной распущенности, а из романтических побуждений. По своей сути, эта встреча стала для него не мимолетным увлечением, а любовью, которая длилась до конца его дней. Строчка из любимого стихотворения Элеоноры «*Утратив любовь, не взываешь о смерти*» обрела черты страшной действительности, но только не для нее.

Несмотря на привлекательную мужественную внешность, здоровье молодого Франклина не было безукоризненным. В этом он нисколько не отличался от многих других государственных мужей, обладающих необычайной энергией и значительными достижениями. Так, Уильям Гладстон, один перечень материальных и интеллектуальных успехов которого был так велик, что мог бы утомить большинство людей, одолел восемьдесят девять лет жизни, борясь все эти годы с недомоганиями. ФДР ушел от него недалеко. Летом 1911 года в Олбани у него развился свищ, и Элеоноре пришлось вернуться из Кампобелло, чтобы обеспечить супругу надлежащий уход. Осенью 1912 года брюшной тиф (который подхватила и Элеонора) выбил его из борьбы на время почти всей политической кампании. Его молодой помощник Луи Хоу, маленький и невзрачный, но талантливый журналист, практически все сделал за него, продемонстрировав организаторский талант и изобретательность. Летом 1917 года Франклин слег с острым фарингитом и был положен в больницу, так что Элеоноре вновь пришлось покинуть Кампобелло, чтобы хлопотать у его постели. В сентябре 1918 года он из поездки на театр военных действий в Европе привез двустороннее воспаление легких. Четверо матросов Военно — морского флота прямо с корабля доставили Франклина на карете скорой помощи в дом его матери в Нью — Йорке. В начале 1919–го, едва оправившись после пневмонии, он подхватил испанку, инфекционный грипп, сеявший смерть в Европе и Америке. Таким образом, до своего тяжелого недуга в 1921–м он был знаком с

болезнями не понаслышке. Его цветущий вид можно было отнести на счет унаследованной им внешности, но не здоровья.

Приводя в порядок корреспонденцию ФДР во время его борьбы с пневмонией Элеонора натолкнулась на несколько писем от Люси Мерсер, которые не оставили сомнений в характере их взаимоотношений, хотя некоторые подозрения у нее уже появились около года назад. Искушенная в делах житейских Элис Лонгуэрт говорила, что Элеоноре стоило этого ожидать в виду разных взглядов на отдых и развлечение у супругов, кроме того, Элис полагала, что миссис Рузвельт приняла этот факт как нечто само собой разумеющееся. Однако эта находка стала чудовищным ударом для Элеоноры. Это не разрушило брак — развод обсуждался, однако не состоялся, — но изменило его характер. В отношениях супругов никогда не было страсти, хотя Элеонора испытывала к мужу возвышенные чувства в стиле одной из «Идиллий короля» английского поэта Альфреда Теннисона. Позднее этот брак трансформировался в мощное политическое партнерство, но с ограниченной ответственностью. Легенда о Гвиневре и сэре Ланселоте сменилась историей супругов Сиднея и Беатрисы Вебб, общественных деятелей и реформаторов начала двадцатого столетия, за тем небольшим исключением, что мировосприятие Франклина походило на мировосприятие Беатрисы, тогда как Элеонора, вследствие серьезного отношения к обязанностям, походила на Сиднея.

Два фактора особенно помогли Элеоноре свыкнуться с ее новым статусом, а также утвердиться в новой более политической роли. Во — первых, решение о сохранении брака было принято во избежание стресса у их пятерых детей. Кроме того, Франклин столкнулся бы с отказом по поводу повторного брака со стороны мисс Мерсер, прихожанкой римско — католической церкви. И, наконец, развод, несомненно, нанес бы урон его политической карьере. Элеонора смягчилась после обещаний, которых она наивно потребовала от Франклина, прекратить отношения с Люси Мерсер. Он держал свое обещание около двадцати лет, однако, ходили слухи, что ФДР организовал для Люси приглашение на его первую инаугурацию. Казалось бы, невинное приветствие из прошлого [30], но действительность была несколько иной. Помощником его длительного воздержания от отношений с Люси стал ее брак, состоявшийся через семнадцать месяцев после того, как Элеонора обнаружила переписку. Ее супругом стал мистер Уинтроп Резерфорд, богатый, респектабельный джентльмен среднего возраста, который скончался в начале 1944 года.

Вторым фактором стал упомянутый выше Луи Хоу. Это был человек, увлеченный политикой, который посвятил свою жизнь

приумножению достижений на политическом поприще другого. Уверовав, что отсутствие физической привлекательности воспрепятствует ему в достижении политических высот, он решил достичь высокой цели, помогая восходящему светиле, и этим светилом еще в 1911 году он избрал Франклина Рузвельта. Хоу оставался верным спутником своего светила вплоть до смерти в 1936 году. Для ФДР он был очень ценным помощником, поскольку не только был всецело предан делу и своему патрону, но также обладал исключительно острым политическим чутьем. Он не был пустым мечтателем. Хоу интересовал конкретный успех для избранного им руководителя, и его больше занимали определенные шаги для претворения общей цели в жизнь, чем какие-либо отдельные политические взгляды. Он был одним из соратников Рузвельта, обладавшим исключительными качествами, а также, в определенной степени, независимыми суждениями, и ФДР посчастливилось привлечь его к себе на службу. Второй соратник, Гарри Гопкинс, был еще более ценным приобретением.

Сначала дамы семьи Рузвельт — исключительный случай, когда Сара и Элеонора сошлись во мнении — невзлюбили Хоу. Обе считали его заурядным и наглым журналистиком; Сара называла его «дряным человечишкой»; Элеонора подхватила это выражение вслед за ней. Скорее всего, Сара не слишком изменила свое мнение о нем, хотя неоценимая помощь Хоу ее дорогому Франклину заставила ее нацепить маску лицемерия; она даже снизошла до того, что несколько раз пригласила семейство Хоу в Гайд — Парк на Гудзоне (его дочь училась в колледже Вассар, ниже по реке). Элеонора, напротив, кардинально поменяла свое отношение к нему как в душе, так и на деле. Это было отчасти благодаря ее широкому мировоззрению, отчасти благодаря стратегии Хоу. Он спрашивал ее советов в политических делах и таким образом усилил ее доверие и уверенность в своих силах до такой степени, что сам искал ее ценных, тактически продуманных советов. К 1920–21 годам между ними установились прочные дружеские и союзнические отношения.

В эти несколько лет в жизни Франклина Рузвельта случилось два ощутимых поражения. Во время президентских выборов в 1920 году его кандидатуру с необыкновенной легкостью выдвинули на пост вице — президента от Демократической партии. Такая легкость могла быть вызвана только малой привлекательностью должности. По крайней мере, оглядываясь из нынешнего времени назад, заметно, что в то время политический поезд Демократической партии шел в неизвестном направлении. Политический курс Демократической партии, исчерпавший себя,

да недееспособный президент Вудро Вильсон, чья политика стремительно утрачивала популярность, — все это приближало их шансы на победу к нулю. Губернатор — демократ от штата Огайо Джеймс М. Кокс получил наибольшее число голосов по списку своей партии и был выдвинут от демократов кандидатом в президенты, а привлекательность кандидатуры Рузвельта, который баллотировался с ним в паре как кандидат в вице — президенты, заключалась в его имени, молодости и военном опыте во время пребывания в Вашингтоне. Рузвельт запомнился тем (хотя сам он себя причислял к списку проигравших кандидатов в вице — президенты, которые наименее запомнились), что повторял путь Теодора Рузвельта. Однако ФДР был моложе: в тридцать восемь он достиг того, к чему ТР смог прийти только в сорок два. Разница заключалась в том, что ТР вытащил счастливый билет, тогда как ФДР проиграл и вынужден был томиться ожиданием еще долгих двенадцать лет, чтобы триумфально венчать свою голову лавровым венком.

Кокс и Рузвельт провели довольно приличную кампанию, твердо отстаивая позицию Вильсона о вступлении США в Лигу Наций. ФДР имел успех во время встреч с избирателями во всех регионах страны и обеспечил своей партии, равно как и себе, поддержку в будущем, завязав дельные знакомства. Он совершил лишь один промах, однако это полностью характеризовало его самонадеянное, не по возрасту ребяческое отношение к политике. В городке Бьютт в штате Монтана, парируя аргумент о том, что Британия с ее владениями получит шесть мест в Генеральной Ассамблее Лиги Наций, тогда как США только одно, Рузвельт заявил, что США обретут власть над большей частью марионеточных государств Центральной Америки, и это подчиненное положение настолько очевидно, что в случае с Гаити он даже сам ей написал конституцию.

Итоги ноябрьских выборов стали разгромными. В результате выборов, в которых впервые принимали участие женщины, Уоррен Гардинг, запомнившийся в политической истории США своим «картонным» президентством и, в отличие от Кокса и Рузвельта, не ездивший по стране, а, наоборот, выступавший из собственного дома перед привезенными избирателями («кампания с парадного крылечка»), одержал победу, получив 16 миллионов голосов и значительно опередив демократического претендента. За пару Кокс — Рузвельт отдали свои голоса девять миллионов человек. В процентном соотношении это был больший перевес, чем тот, который Рузвельт отвоевал в 1936 году, набрав двадцать семь миллионов против шестнадцати, и по причине все еще прочной поддержки демократов на Юге в 1920–м, выборы

того года не обеспечили такой же огромный перевес в коллегии выборщиков.

И вновь проявилась непробиваемость Рузвельта, проявилось то качество, что ничто плохое к нему не пристает. Поскольку он играл вторую скрипку «в связке», потерпевшей поражение, его репутация практически не пострадала. Он вернулся в Нью — Йорк, устроился на скромную должность вице — президента в финансовую компанию и невозмутимо стал дожидаться продолжения своей политической карьеры. Затем, в первый август после вице — президентской кампании, отдыхая в Кампобелло, Франклин внезапно заболел полиомиелитом, к которому пять лет назад он отнесся с таким опасением, хотя считал его исключительно детским заболеванием. Рассказ о том, как после катания на лодках семья сошла на берег, чтобы затушить лесной пожар, после чего ФДР сделал пробежку до дома, искупался в холодной морской воде залива Фанди, а дома сел в мокром купальном костюме просматривать свежую корреспонденцию, слишком хорошо известна, чтобы повторять ее в деталях. Следующим утром он проснулся частично парализованным и ему пришлось надолго быть прикованным к постели. С тех пор без посторонней помощи он передвигаться не мог.

Период частичного восстановления в соединении с принятием своей немощи, которая ослабила, но не сломила его, занял, предположительно, месяцев тридцать пять до предвыборного съезда Демократической партии, который состоялся в Нью — Йорке в июле 1924 года. ФДР вновь громко заявил о себе, когда произнес речь «Счастливый воин» в поддержку выставления кандидатом на пост президента США губернатора штата Нью — Йорк Эла Смита. Смиту это не принесло победы, однако дало дополнительно около сотни баллотировочных шаров, прежде чем он и его основной оппонент Уильям Макэду, зять Вудро Вильсона и бывший министр финансов, сняли свои кандидатуры в пользу невыразительной компромиссной кандидатуры Джона У. Дэвиса, который был утвержден кандидатом Демократической партии на пост президента. На президентских выборах Дэвис проиграл с разгромным результатом немногословному Кальвину Кулиджу, набрав менее тридцати процентов голосов избирателей.

Борьба ФДР за возвращение физической активности была не только длительной, но и деморализующей. Вначале серьезность его состояния была недооценена. Из Филадельфии в Кампобелло был вызван именитый врач, который поставил поразительный по своей ошибочности диагноз. Он исключил детский

спинномозговой паралич (полиомиелит), однако зафиксировал образование тромба и предрек его рассасывание по прошествии некоторого времени. Затем еще более именитый нью — йоркский доктор приехал из Ньюпорта, штат Род — Айленд, где проводил отпуск, и таки диагностировал полиомиелит. Прогноз был мрачный, хотя не безнадежный. В сентябре Рузвельт был переправлен морем в Пресвитерианский госпиталь в Нью — Йорке, где он оставался до двадцать восьмого октября. Это был тягостный период, поскольку стало очевидным, что его выздоровление, если таковое вообще возможно, затягивается надолго; кроме того, он страдал от постоянной сильной боли.

Сара Рузвельт вернулась из путешествия по Европе в конце августа, и с этого момента началась война характеров между ней и вновь сформировавшимся альянсом Элеоноры и Луи Хоу. Сара желала, чтобы Франклин реагировал на болезнь подобно ее мужу и его отцу, который, даже за неимением такого серьезного недуга, как паралич ног, без сопротивления променял пошлую жизнь коммерсанта на сельскую жизнь приболевшего джентльмена. Элеонора и Хоу настаивали на том, что Франклин должен возобновить в полной мере свою политическую деятельность. Их интересы были различными, но не вступали в конфликт между собой. Элеонора, несмотря на то, что на первых порах Вашингтон был ее освобождением, в 1919–20 годах, после удара судьбы в лице Люси Мерсер, чувствовала себя там несчастной. Может быть, она и избавилась от мисс Мерсер, но со всей ясностью испытывала мрачные предчувствия по поводу своей победы, тогда как Франклин, вероятно, в качестве ответной реакции на запрет видеться с Люси все настойчивее искал новых развлечений. Кампания 1920 года (во время которой зародился союз Элеоноры и Хоу) и переезд в Нью — Йорк отчасти избавили ее от этого вороха неприятных мыслей.

Мотивы Луи Хоу были не настолько сложны. Он не утратил веру в своего увечного босса, а, напротив, полагал, что даже после сокрушительного фиаско 1921 года, тот может вознестись на самую вершину политического Олимпа. И эта вера оправдала себя, даже превысив наисмелейшие ожидания Хоу. Человек, покинувший больницу в конце октября, с неутешительным прогнозом на дальнейшее выздоровление и способностью шевелить только пальцами вследствие паралича ног, должен был стать американским президентом, который дольше всех пребывал на этом посту и который стал центральной политической фигурой США двадцатого столетия. Вера в его чудесное исцеление, не в смысле физическом (так как оно было чрезвычайно медленным и неполным), а в смысле приобретения

авторитета, необходимого государственному мужу, стала возможной благодаря жизнерадостности и силе воли самого Франклина Д. Рузвельта. Элеонора и Хоу были бесценными помощниками, но они бы не достигли успеха без сильного духом предводителя.

Несомненно, на душе иногда бывало темнее ночи; Элеонора, которая писала о 1921–22 годах как о «наиболее изнурительной зиме» в ее жизни, вероятно, приходилось противостоять приступам хандры и плохого настроения. Для оптимизма почти не оставалось места. В первые месяцы Франклина дома после выписки из больницы оказалось, что его проблемы связаны не только с нарушением функций костно — мышечной системы. У него вновь повысилась температура и нависла угроза потери зрения. А почти через год, во время первого несмелого визита в офис финансовой компании «*Fidelity and Deposit*» (его должность оставалась за ним), поскользнувшись, он упал с костылей, когда проходил через широкий холл. Не только унизительное положение, но и хорошая встряска заставили его собраться, а неожиданно последовавший взрыв смеха развеял напряжение на лицах столпившихся вокруг него людей. Такая публичная веселость, к счастью редко выражаемая с мраморного пола, стала характерной чертой поведения ФДР после его возвращения к активной жизни. Врачи отмечали его хорошее настроение и доброжелательное поведение. Не то чтобы Рузвельт принял свое увечье как великий мученик. Он беспрестанно искал новые способы преодолеть его и совершенно верил в то, что он, невзирая на прогнозы, восстановится. Он ни в коей мере не просил сочувствия общества к своему недугу. Он вознамерился скрыть его, насколько это в пределах человеческих сил (это одна из причин его смеховой реакции на падение в 1922 году), и этим приобрел огромные дивиденды у простых американцев. Даже во времена его президентства мало кто догадывался, сколько времени он проводит в инвалидном кресле.

Было много дискуссий о том, до какой степени паралич Рузвельта изменил его характер и закалил волю, сделав зрелой и серьезной личностью, более подходящей на роль президента. «Изменение характера» — положим, слишком сильно сказано, но, бесспорно, болезнь укрепила в нем склонность к осторожности, научив очаровывать людей, не распахивая душу. Он хранил свои мысли за семью замками, излучая жизнерадостное благодушие. И нет ни толики случайности в том, что он ознаменовал свое возвращение к общественной жизни в 1924 году речью, которая вошла в историю как речь «Счастливого воина» [31], а восемью годами позже для своей первой президентской кампании он

избрал песню «Счастливые дни вновь настали».

Альфред Э. Смит, которого эта речь вывела в кандидаты на пост президента, отличался от Рузвельта как небо от земли — и, вероятнее всего, именно поэтому Рузвельта уполномочили произнести предвыборную речь на пользу Смита. В 1920–х годах они поначалу являлись осторожными союзниками, а в 1930–х, когда Рузвельт стал явным фаворитом, превратились в истых врагов. Смит был старше Рузвельта на восемь лет. Он был мальчиком из бедной семьи, которая жила в центральной части улицы Бауери [32], в Нижнем Ист — Сайде, Манхеттен. Одним из неизгладимых воспоминаний детства Смита стало строительство Бруклинского моста. Несмотря на фамилию, он имел далеко не англо — саксонские корни, не говоря уже о староголландских. По материнской линии он был ирландцем. Единственной точкой соприкосновения с Рузвельтами являлся дед по материнской линии, который много лет проработал помощником портного в мастерской *Brooks Brothers,* где одевалась почтенная политическая элита — ФДР, в том числе, через много лет часто приобретал там свою одежду. По линии отца Смит унаследовал, главным образом, итальянскую кровь, хотя его бабушка была немкой. Он представлял собою типичный продукт «плавильного котла» Нью — Йорка конца девятнадцатого столетия.

В Олбани, штат Нью — Йорк, он зарекомендовал себя как харизматичная личность, проявив черты прогрессивного политика, продолжая направление, избранное администрацией 1904 года. К 1924 году у него за плечами уже были два срока (с интервалом) на посту губернатора штата. Он снискал доверие и преданность такого союзника как Фрэнсис Перкинс, которая, спустя некоторое время, стала одним из наиболее прогрессивных и успешных членов Кабинета министров ФДР (министр труда США с 1933 по 1945 гг.). С энтузиазмом работала в его команде, когда он в четвертый раз баллотировался на пост губернатора в том же 1924 году, и Элеонора Рузвельт. Но Смит в глазах общественности был фигурой неоднозначной. Он не апеллировал к сельской Америке. Он, католик, тем не менее, был ярым противником «сухого закона»; каждой деталью своей одежды он нарочито подчеркивал свою принадлежность к городским денди. Предвыборная песня его кампании «Тротуары Нью — Йорка» явно не пришлась по вкусу в штатах на запад от Аллеганских гор. В результате на съезде Демократическая партия оказалась безнадежно расколотой. Вот почему было аж 103 голосования. Впрочем, Рузвельт имел все причины, кроме необходимости вновь формировать собственный политический задел, быть довольным тем, что он выступал с предвыборной речью Смита.

По поводу этой речи существовало два сомнительных обстоятельства. Во — первых, являлся ли Рузвельт единоличным автором этой речи или глава предвыборной кампании Смита судья Джозеф М. Проскауэр написал большую ее часть. Однако не вызывает сомнений тот факт, что именно Проскауэр предложил известные последние строки из стихотворения У. Вордсворта [33] «*This is the happy Warrior; this is he / That every man in arms should wish to be*» [34], которые поначалу ФДР назвал слишком высокопарными. Во — вторых, вызывала сомнение продолжительность речи. Один источник говорит о семнадцати минутах, другой — о тридцати четырех. Однако они оба подтверждают сильное проявление эмоций в зале, когда Рузвельт впервые произнес имя Смита. Первым несомненным фактом является то, что Франклин Рузвельт прилагал титанические усилия, чтобы взобраться на трибуну на костылях, опираясь на своего старшего сына шестнадцати лет. Вторым таким несомненным фактом является то, что едва только он оказался за трибуной, как сразу завладевал вниманием аудитории и имел оглушительный успех. Даже критически настроенный политический обозреватель Уолтер Липпман писал (вероятнее всего, адресуя свои слова Рузвельту), что это — «прекрасно по настроению и манере исполнения, да и невероятно убедительно», а Смит подтверждал, что Рузвельт был самой выразительной фигурой на съезде.

ФДР не добился выдвижения Смита кандидатом в президенты США от партии — после своей речи он мог с легкостью заполучить ее сам — но тем самым он уберег Смита от жестокого поражения и проложил ему путь к следующим выборам, 1928 года, после еще двух сроков успешного пребывания на посту губернатора штата Нью — Йорк. Тем самым Рузвельт создал вакансию, которая помогла ему самому баллотироваться на пост губернатора штата Нью — Йорк. Еще больше поражает тот факт, что ФДР смог вернуться на национальную политическую арену и совершил это с шумным успехом.

Глава 3 Путь из Олбани в Белый дом

О жизни Рузвельта с 1924 по 1928 гг. имеется немного сведений. За это время произошло меньше событий, чем в любой другой четырехлетний период и, таким образом, в ретроспективе, это время, кажется, пролетело чрезвычайно быстро, хотя, вполне может быть, что сами эти годы, как тогда казалось, тянулись медленно. Словом сказать, в его жизни того времени было четыре основных момента. Первое место отводилось попыткам, в высшей степени утопическим, вернуть полную подвижность ногам. С этой целью зимнее время (а иногда и другие времена года) он проводил, большей частью, на обветшалом курорте Уорм — Спрингс, на западе штата Джорджия, который он открыл для себя в 1924 году. Уорм — Спрингс, расположенный примерно в восьмидесяти милях к югу от Атланты, рядом с границей штата Алабама, поспешно заменил долгие морские путешествия в субтропических водах Флориды, которые составляли его прежнюю привычку.

В то же время Рузвельт от случая к случаю наведывался в Нью — Йорк для поддержания деловой активности предприятия. Его фирма по страхованию поручительских обязательств *Fidelity and Deposit* держалась на плаву, главным образом, благодаря умелому использованию связей, установленных во времена бурной политической деятельности, которые были важны для специфики страхового дела. Он также не смог избежать искушения того десятилетия и принял участие в нескольких крайне рискованных и рассчитанных на быструю наживу предприятиях, причем некоторые из них были связаны с основанием компаний, создающих новую продукцию весьма сомнительного характера. Большинство потерпели крах, очевидно, тем самым сократив прибыль, полученную от *Fidelity and Deposit,* что ярко иллюстрирует выводимый логически общий принцип, что существует едва ли не обратная связь — если бы не теория Джона Мейнарда Кейнса — между теми, кто способствует эффективности национальной экономики и теми, кого интересует личная выгода.

Третьим аспектом этих лет является тот факт, что Элеонора создала для себя жизнь, все более независимую от Франклина, однако в какой-то степени посвященную его интересам в том смысле, что она неустанно работала на Демократическую партию в штате Нью — Йорк. Она также взяла на себя ответственность за поддержание политических контактов ФДР, заявляла об их позиции, а также приглашала наиболее популярных деятелей к

супругу в Уорм — Спрингс. Элеонора собрала вокруг себя обширную группу женщин, дух товарищества которых запечатлен на фотографии того времени. Названный в честь ее любимого, но непутевого отца, ее второй выживший сын Эллиот (который унаследовал, по крайней мере, некоторые из плохих привычек Эллиота — старшего, а по сему не может всецело являться благонадежным свидетелем тех событий, несмотря на теплые отношения с матерью), тем не менее, характеризуя эту группу, заявляет, что Элеонора «была вынуждена объединиться с разочарованными подругами по несчастью — женщинами, которые, как и она сама, не смогли найти общий язык с противоположным полом». Однако самые близкие отношения Элеоноры такого характера, с журналисткой Лореной Хикок, которая брала у нее интервью во время предвыборной кампании в президенты 1932 года и которая с тех пор стала ее неразлучным спутником, начались не раньше этого года.

Сара Рузвельт не была в восторге от этой толпы дамочек, но Франклин не выказывал недовольства, а наоборот, поощрял строительство коттеджа Вал — Килл на территории поместья его матери в Гайд — Парке. Коттедж находился на расстоянии двух миль от главного дома, недалеко от старой почтовой дороги на Олбани. Там, в непретенциозной, но уютной обстановке Элеонора создала свой собственный двор. Одна из придворных, Нэнси Кук, деятельная леди в мужском костюме и с коротко подстриженными кудрявыми волосами, но с большим эстетическим вкусом, чем у Элеоноры, основала при коттедже, удачно воссоздавая предметы мебели ранней Америки, преуспевающее производство. Шаг за шагом оно стало приносить больше прибылей, чем безрассудные по своей смелости предприятия Франклина.

Тем временем дети Рузвельтов подрастали, и не все у них так благополучно складывалось, как можно было ожидать. В 1927 году Анне исполнился двадцать один год, Джеймсу исполнилось двадцать, Эллиоту — семнадцать, Франклину — тринадцать, а Джону — одиннадцать. Их образование было скорее условным, чем успешным. Эндикотт Пибоди был вынужден управляться со всеми четырьмя мальчиками в школе Гротон, несмотря на кипучее желание Эллиота учиться в местной школе в Гайд — Парке. В Гарвард приняли троих (Эллиот уклонился от поступления, в этот раз, решительно настояв на своем), однако никто из троих в учебе не отличился. Анна, будучи двадцати лет от роду, вышла замуж за нью — йоркского биржевого маклера, но жизнь в браке не принесла счастья, и они развелись шесть лет спустя. Джеймс, в двадцать один год, обручился с Бетси Кушинг,

одной из трех дочерей бостонского хирурга, которые отличались своей красотой, равно как и своими громкими замужествами. Элеонора после их первой встречи охарактеризовала Бетси словосочетанием «милое дитя» — несколько покровительственное определение ее первой невестки. Последняя, в отсутствие Элеоноры, исполняла роль приветливой хозяйки Белого дома для ФДР. Со временем ее брак с Джеймсом потерпел крах, как и большинство союзов в семье Рузвельтов того поколения. Впоследствии Бетси повторно вышла замуж и стала миссис Джон Хей Уитни, женой дипломата и незабвенной хозяйкой посольства в Лондоне в 1950–е годы. Однако Элеонора была более великодушна, нежели Сара Рузвельт, которая, по слухам, при первой случайной встрече с мисс Кушинг заявила: «Насколько мне известно, ваш отец — хирург, а хирурги у меня всегда ассоциируются с моим мясником»; этим высказыванием она подтвердила, что американский снобизм, по крайней мере, мало чем отличается от якобы намного более исключительного британского.

Франклин, частично в силу характера, частично в силу географического фактора, оставался в стороне от подростковых и юношеских проблем своих отпрысков. Можно сказать, что главной функцией, которую исполняли для него сыновья, была функция физической опоры, на которую Франклин мог облокотиться во время своих эффектных восхождений на политические трибуны. Джеймс сопровождал его на съезде Демократической партии в 1924 году, Эллиот — в 1928, а вслед за ними и Франклин — младший с Джоном были у него под рукой во время нескольких важных мероприятий. Анна, которая в 1934 году вышла замуж за Джона Боттигера, чикагского журналиста, стала прекрасной альтернативой Бетси в Белом доме, составив компанию ФДР в военные годы.

Помимо политической деятельности ФДР, активное развитие которой целенаправленно преследовали Элеонору и Хоу (даже больше, чем он сам), основное внимание Франклина в конце 1920–х годов было приковано к бальнеологическому курорту Уорм — Спрингс. В 1926 году Рузвельт выкупает заведение целиком: термальный источник, примитивный бассейн, который естественным образом прогревался до температуры в 89 градусов по Фаренгейту [35], захудалый отель и близлежащие земли (тысячу акров) с несколькими коттеджами. Сумма сделки составила 200 тысяч долларов — внушительные деньги для того времени. В этот проект Франклин инвестировал большую часть денег, унаследованных от отца, хотя у него в арсенале всегда оставались средства его богатой матери. В случае надобности

Рузвельт всегда мог рассчитывать на финансовую помощь Сары, несмотря на то, что это ставило его в зависимое положение. По этой причине было в высшей степени необходимо превратить Уорм — Спрингс в рентабельное заведение, что, в итоге, увенчалось успехом. Франклин пригласил хирурга — ортопеда и команду физиотерапевтов, построил второй, крытый, бассейн, привел в порядок отель и близлежащие здания, увеличил их вместимость до шестидесяти одного пациента и, что особенно примечательно, построил коттедж для себя, который, наряду с Гайд — Парком, стал одним из его любимых пристанищ. С 1927 года вплоть до смерти Франклина Рузвельта в апреле 1945 года Уорм — Спрингс составлял значительную часть его жизни.

Проживание Рузвельта в Уорм — Спрингсе еще сильнее, в физическом и эмоциональном смысле, развело супругов в разные стороны. Страсть Элеоноры к порядку во всем, в силу чего она не выносила грязи и неопрятности, стараясь устранить их при любом возможном случае, стала причиной того, что она недолюбливала Глубокий Юг с его сельской нищетой и убожеством. Кроме того, она недолюбливала Юг из-за реально существовавшей там в то время сильной расовой сегрегации. И хотя Франклин даже больше, чем Элеонора, являлся продуктом благоустроенного ландшафта и условий сравнительно высокого достатка в долине реки Гудзон, он, тем не менее, благодаря легкости характера принимал, с любопытством и без всякой неприязни, хаос и бедность той части Юга. Не последнюю роль играл и личный фактор. Так же как Элеонора считала Гайд — Парк владением Сары Рузвельт, местом, в котором она никогда не чувствовала себя как дома до строительства собственного коттеджа Вал — Килл, точно так же она считала Уорм — Спрингс владением Мисси ЛеХэнд. (ЛеХэнд являлась главным личным секретарем Рузвельта с января 1921 года и оставалась на этой должности вплоть до инсульта в 1941). Мисси была привлекательной и довольно стильной женщиной, всецело преданной Рузвельту. Она неизменно пребывала в Уорм — Спрингс вместе с ФДР, по обыкновению управляясь с домом, по мнению Франклина, без той крайней аскетичности и строгости, что была присуща Элеоноре. Он чувствовал себя непринужденно в ее компании и, несомненно, питал к ней любовь, хотя (предположительно, вследствие множества забот, которые занимали его мысли в тот период) он редко вспоминал о ней последние три года ее жизни, со времени ее инсульта и вплоть до ее кончины в 1944 году. Элеонора, которая, тем не менее, сочувствовала Мисси, хотя и испытывала определенную ревность, очевидно, понуждала Рузвельта звонить Мисси с поздравлениями на Рождество. Чувство ревности

Элеоноры было достаточно весомым, чтобы удерживать ее от поездок в Уорм — Спрингс.

Между тем на съезде Демократической партии штата Нью — Йорк в 1926 году ФДР выдвинул кандидатуру Смита на третий губернаторский срок. После речи Рузвельта в поддержку Смита в 1924 году естественно, что соратники по партии уговорили его выступить на общенациональном съезде партии в Хьюстоне летом 1928 года в поддержку той же кандидатуры на пост президента. Элеонора его не сопровождала. На этот раз он поднимался на трибуну без костылей, но при усиленной поддержке Эллиота, который жил в Техасе. Героическое преодоление физической немощи, однако, представлялось менее трудным заданием, чем недопущение в новой предвыборной кампании повторения фиаско Смита, как это уже случилось в 1924 году при всем тогдашнем триумфальном восприятии речи Франклина. Он принял этот вызов и одолел его. С ошеломляющим результатом. Характерной чертой Рузвельта являлось то, что он во всякое время мог собрать воедино внутренние и внешние качества своей личности и в стрессовой ситуации найти нужные слова для любого значимого события. Газета *New York Times* отметила выступление Рузвельта похвальным отзывом, сообщив, что его новая предвыборная речь не уступает его триумфальной речи «Счастливый Воин».

В тот год Смит гарантировал себе выдвижение на пост президента США. По существу, он одержал ее без особых усилий, и выступление Рузвельта не являлось решающим фактором. Однако президентские выборы в 1928 году стали столь же провальными для демократов, как и президентские выборы 1924 года. Сочетание экономического подъема в городах (экономические трудности начались на следующий год) и слабая поддержка Смита в сельских регионах обеспечили избрание республиканского кандидата Герберта Гувера. Смит получил едва ли не в два раза больше голосов, чем Джон Дэвис в 1924–м, но поддержка республиканцев также значительно возросла. Республиканская партия победила вновь с убедительным перевесом. За Гувера было отдано 21,5 миллиона голосов против 15 миллионов голосов избирателей за Альфреда Смита. Смит потерпел поражение даже в собственном штате, губернатором которого являлся четыре срока.

В начале общенациональной кампании Смит высказывал настойчивое пожелание, чтобы Рузвельт баллотировался на пост губернатора штата Нью — Йорк от Демократической партии вместо него. Он полагал, что ФДР, несомненно, получит большое количество голосов на севере штата, поэтому те, кто отдаст

голоса в поддержку Рузвельта на пост губернатора, также отдадут свой голос и за Смита, кандидата в президенты. Кроме того, он рассчитывал, что Рузвельт покажет себя слабым губернатором, и в случае, если Смит не попадет в Белый дом, то он (Смит) продолжит свое пребывание у власти в Олбани в роли «серого кардинала». Рузвельт, действительно, являлся притягательной фигурой для избирателей — тут Смит был прав, но все остальные предположения Смита оказались ошибочными, и вследствие этих неверных представлений в отношениях этих двух людей произошел раскол. Исходя из создавшейся ситуации, у Смита созрел план, согласно которому Рузвельт должен был возглавить список кандидатов, а на пост вице — губернатора должен баллотироваться Герберт Леман, в дальнейшем известный либеральный сенатор США от Нью — Йорка. Леман получил распоряжение быть готовым возглавить работу по ведению предвыборной кампании, а впоследствии, после выборов, взять на себя управление в Олбани (последнее под великодушным руководством Смита), как только Рузвельт вновь уедет на долгие месяцы полоскать свои ноги в лечебных водах Уорм — Спрингс.

Такое предложение, но в более корректной форме, Смит попытался подбросить Рузвельту, который пребывал в Уорм — Спрингс, связавшись с ним по телефону в конце сентября. Вначале Рузвельт отказался, главным образом по той причине, что Луи Хоу убедил его в том, что 1928 год будет еще одним годом провала Демократической партии на всех уровнях. В конечном итоге ФДР согласился на такой план, и второго октября, под шумное одобрение, был выдвинут кандидатом после того, как его кандидатуру в губернаторы предложил чрезвычайно оборотистый мэр Нью — Йорка Джимми Уолкер. Роберт Мозес, секретарь штата в администрации Смита, — позднее градостроитель, создавший город Нью — Йорк в его сегодняшнем виде от моста Трайборо до автомагистрали Ист — Ривер Драйв (ныне Франклин Д. Рузвельт Драйв), — резюмировал свое отношение к затее Смита словами, которые прошептал дочери губернатора Смита во время процедуры одобрения кандидатуры Рузвельта: «Он будет хорошим кандидатом, но паршивым губернатором».

Затем последовал крах всех задумок Смита. Во — первых, в этой кампании Рузвельт оказал мощное сопротивление своим политическим противникам. Он не просто провел «пару — тройку выступлений на радио», — Смит в эксцентричной манере протяжно произносил букву «д», говоря об этом средстве массовой информации. ФДР восстановил свое здоровье настолько, что смог весьма энергично передвигаться по штату, а

кроме того, добираться, не без усилий, от поезда или машины на трибуны местных залов. Теперь он был матерым участником предвыборных кампаний, с огненным взглядом из-под потрепанной фетровой шляпы, внушающим доверие, несмотря на то, что при этом сидел. Смит дал достойный ответ на замечание по поводу несоответствия физического состояния Рузвельта искомой должности: «Выбирая губернатора, мы не требуем, чтобы он умел делать обратное сальто или ходить на руках. Нужен человек с умом и сердцем, а не мастер акробатики». Его оппонентом стал компетентный представитель Республиканской партии, бывший генеральный прокурор штата, Альберт Оттингер, который, по мнению некоторых, мог получить голоса избирателей Нью — Йорка в силу своего семитского происхождения. Даже высказывалось предположение, что вариант с бюллетенем с кандидатами от разных партий «Эл и Эл» мог бы стать политическим триумфом для обоих. Это было в высшей степени неверное предположение. Смит проиграл в своем штате более чем 100 тысяч голосов, тогда как Рузвельт выиграл с перевесом в 25 тысяч при количестве избирателей в 4,2 миллиона. Луи Хоу, несмотря на то, что противился включению ФДР в эту борьбу, осознал значимость такого результата намного глубже, чем Смит. Хоу, хоть и не первый, кто это озвучил, подписался под мнением, что «у нас есть следующий президент». Смит все еще считал, что может относиться к Рузвельту как своему заместителю, и был изумлен и оскорблен, когда Рузвельт отказался оставить на прежних должностях его верных сторонников в администрации штата, таких как Роберт Мозес или влиятельная Белла Московиц, давний и авторитетный управляющий делами. Это обусловило раскол, который, восемь лет спустя, побудил Смита возглавить кампанию «Лиги американской свободы» против Рузвельта накануне его избрания на второй президентский срок. Когда в 1936 году Смит прибыл в Вашингтон с целью выступить с яростными нападками на «новый курс» президента, Элеонора Рузвельт пригласила его остановиться в Белом доме, в память о старой дружбе, несмотря на то, что Смит избрал крайнюю правую позицию по отношению к Рузвельту, тогда как Элеонора сместилась немного влево. Таковы парадоксы американской политики и, к счастью, немногих других стран мира. У Смита хватило здравого смысла отклонить приглашение, и после этого он лишь изредка появлялся в жизни Рузвельта.

Хорош ли был Рузвельт в роли губернатора? Он всегда был временным обитателем в здании администрации штата в Олбани, и не потому, как самодовольно думал Смит, что ФДР большую часть времени будет проводить в Уорм — Спрингс, или, вероятно

(еще одно предположение Смита), умрет в течение года. Это было большей частью оттого, что для Рузвельта с самого начала Олбани был транзитной станцией, а не станцией назначения. Он был президентом в ожидании своего президентского поста — сначала такой мысли придерживались некоторые его приверженцы во главе с Хоу, но их количество увеличилось после его переизбрания на посту губернатора в 1930 году, когда разрыв между ним и оппонентом возрос от 25 тысяч голосов избирателей в 1928 году до 725 тысяч. Приоритетными направлениями в заметной и эффективной, однако ограниченной географическими рамками роли губернатора (что сложно понять англичанину, привыкшему к слабым, сменяющим друг друга мэрам провинциальных городов и сильному контролю из центра) являлось коммунальное электроснабжение и поддержка сельского хозяйства. Представляется, что это сработало, хотя, безусловно, разочарование от неизменного политического курса республиканцев, которое охватило население с окончанием периода экономического подъема, имело еще больший эффект.

Важной фигурой, которая выступила в это время на первый план, стал Джеймс А. Фарли. Фарли, человек с ничем не примечательным прошлым, стал для Рузвельта необходимым человеком в делах политики. Это был профессиональный политик, которому недоставало — по крайней мере, на первый взгляд — твердой идеологии и знаний вне политики. Когда я с ним познакомился, он был уже в летах и у него был некий свойственный только ему стиль. Несколько неожиданно он оказался приглашенным в служебную ложу на (относительно) важный матч по крикету в Лондоне. На голове Фарли небрежно восседала соломенная шляпа — канотье. Его представили Алеку Дугласу — Хьюму и мне. С нами он разговаривал учтиво, но, очевидно, не знал, кто мы (Хьюм — бывший премьер — министр). Затем он с нами попрощался, приподняв шляпу и бросив несколько покровительственным тоном: «Имел честь с вами познакомиться, джентльмены».

Главная роль Фарли во время подготовки к общенациональному съезду Демократической партии в 1932 году заключалась в том, чтобы проехать через весь континент, номинально в качестве народного представителя Общества дружелюбного отношения к лосям и их защиты, якобы с целью посетить их съезд в Сиэтле. Пункт назначения был избран не случайно. Эта дальняя поездка давала ему возможность посетить восемнадцать штатов за девятнадцать дней и, используя технику «мягкой» продажи, избегающей давления на клиента и позаимствованной у коммивояжеров, ненавязчиво привлечь

внимание к личности кандидата в президенты Рузвельта. Он исполнил это задание скорее с осторожной приветливостью, чем с громогласной решительностью. Его задачей было довести до сведения граждан, что на данный момент существует три стоящих кандидата. Первый — Смит, чьи политические дни фактически были сочтены. Второй — Оуэн Д. Янг, ранее предложивший план по стабилизации немецкой марки, курс которой грозил упасть в ближайшее время, и занимающий в то время должность главы компании *General Electric,* когда вера американцев в кормчих промышленности падала с не меньшей скоростью, чем и рейхсмарка. И Рузвельт. Пожалуй, не удивительно, что Фарли нашел мощную поддержку для избранного им третьего кандидата. Затем на съезде Демократической партии в Чикаго следующим летом он стал организатором мероприятий в поддержку кандидата Рузвельта и был вознагражден, получив в администрации 1933 года должность Генерального почтмейстера США. Эта должность позволила ему обрести контроль не только над последующими назначениями руководителей почтовой службы во всей стране, но и другими назначениями федерального масштаба. По меркам того времени, Фарли использовал свои полномочия вполне правомерно, хотя и не забывал при этом об интересах Демократической партии и своей роли в ней. В отличие от Смита, он остался верен Рузвельту и во вторую предвыборную кампанию 1936 года. Но к 1940 году у него зародились мысли о продвижении собственной политической карьеры, так сказать, созрели амбиции примерить президентское кресло под себя, и он выступил оппонентом Рузвельта, когда тот выставил свою кандидатуру на третий президентский срок. Это было сродни тому, как если бы министр полиции наполеоновской Франции Жозеф Фуше задумал сместить с должности самого императора Наполеона. После этих выборов Фарли — политик полностью сходит с политической арены, хотя впоследствии и становится главой компании *Coca-Cola Export Corporation.* Тем не менее немаловажным является тот факт, что Рузвельт к тому времени потерял поддержку не только Смита, который помог ему взойти на пост губернатора, но и Фарли, который приложил много усилий, чтобы вывести его в президенты.

В борьбе за выставление кандидатуры на должность президента от Демократической партии в 1932 году имя Рузвельта всегда занимало первое место в списке претендентов, но он никогда не был уверен в победе, ибо это — довольно уязвимая позиция. Его основными конкурентами были непривлекательные для избирателей, но практически несокрушимые Эл Смит и Джон Нэнс Гарнер. Первого

поддерживали «денежные мешки» из рядов Демократической партии и большинство депутатов от штата Нью — Йорк. Второй был спикером Палаты представителей Конгресса США, куда избирался от Техаса. Отрыв Рузвельта был колоссальным, однако недостаточным для выдвижения после первого тура голосования из-за «правила двух третьих». Это всегда делало съезды Демократической партии предметом насмешек, часто вынуждая делегатов голосовать за слабых компромиссных кандидатов — что, отчасти, является причиной того, почему из четырнадцати президентов в период между Гражданской войной и 1932 годом только двое представляли Демократическую партию. Но Юг рассматривал это правило в качестве защиты своих интересов против выбора опасных либералов с Севера, и сторонники Рузвельта хорошенько обожглись в безуспешной попытке изменить это правило в начале съезда в Чикаго.

На первом голосовании, которое состоялось между четырьмя и семью часами утра первого июля (из чего следует, что склонность принимать важные решения в неподходящее время суток не является монополией британской Палаты общин), Рузвельт получил 666 голосов из 769 необходимых, Смит набрал 203 голоса, Гарнер — 90 (точный подсчет был характерной чертой собраний того времени). Положение Рузвельта казалось неуязвимым, но не тут-то было, ибо следующие два голосования, до перерыва в девять часов утра, заканчивались уже с минимальным перевесом Рузвельта. На горизонте замаячила перспектива избрания компромиссного кандидата. Возможной компромиссной фигурой мог стать Ньютон Д. Бейкер, который занимал должность Военного министра США в администрации Вильсона, и, вслед за Вильсоном, оставался строгим противником идеологии изоляционизма. Кстати, более строгим, чем Рузвельт, который, к ужасу своей супруги и некоторых других лиц, в своем выступлении второго февраля отказался от идеи членства США в Лиге Наций.

Риски, связанные с выдвижением такого кандидата, мастерски использовал Джозеф П. Кеннеди, который тогда заявил о себе на политических подмостках страны, почти за три десятилетия до того, как он стал отцом президента, как президентский посредник. Кеннеди использовал свои доводы, чтобы убедить Уильяма Рэндольфа Херста, авторитетного медиамагната, который ошибочно считал себя авторитетным политиком, сообщить Гарнеру, интересы которого Херст лоббировал, что пробил час отдать голоса Техаса в пользу Рузвельта. Вторым ключевым посредником стал Уильям Макэду, первоначально сторонник Смита (парадоксально, если учесть их

соперничество в 1924–м), который, однако, понимал что к чему. Макэду решил, что больше не желает видеть, как съезд превращается в посмешище. «Калифорнийская делегация прибыла сюда с целью избрать кандидата в президенты Соединенных Штатов, — заявил он в своей речи во время процесса выдвижения кандидатов. — Мы здесь не для того, чтобы завести съезд в тупик». В частном порядке, однако, он выразил свои пожелания: Гарнера — в вице — президенты, им — контроль над Калифорнией и право вето на назначения главы Государственного департамента и министра финансов. Посредничество этих двух персон помогло Рузвельту набрать гораздо большее количество голосов, чем того требовал необходимый минимум. Он получил 942 голоса и лишь упорствующие 202 делегата, включая большинство представителей штата Нью — Йорк и четырех других восточных штатов — все, отчасти, территории, где Рузвельта знали не понаслышке — остались в угрюмых редутах Альфреда Смита.

Таким образом, Рузвельт с убедительным, хотя и не блестящим, перевесом победил и был выдвинут кандидатом в президенты от Демократической партии. На пути к успеху необходимо было заключать определенные соглашения, которые служили подспорьем, но отнюдь не создавали двусмысленности предвыборной программе, с которой он намеревался завоевывать свой электорат. Эта двусмысленность скорее была у него в голове и поддерживалась множеством советников и спичрайтеров, которых ФДР собрал вокруг себя. Его тактическими советниками стали Хоу, Фарли и Флинн. Хоу имел преимущество благодаря долговременным рабочим отношениям. Фарли успешно воплотил в жизнь «лосиную» авантюру, объехав восемнадцать штатов. Эдвард Дж. Флинн, глава демократов Бронкса, являл собой смесь выходца из района Ист — Ривер и утонченного интеллектуала, что делало его противником политического курса Таммани — Холла. Рузвельт назначил его секретарем штата в Олбани вместо человека Смита, Мозеса. Флинн остался верным Рузвельту после смерти Хоу и отступничества Фарли. Сэм Розенман, юрист и интеллектуал, а также советник губернатора, объяснял обязанности государственного служащего так ловко, что ему доверили написать большую часть чикагской речи Рузвельта, в которой тот выражал согласие на выставление своей кандидатуры от партии. Однако теперь Розенман ожидал назначения на должность судьи Верховного Суда Нью — Йорка и потому оказался в затруднении оказывать услуги такого рода. В это время, впрочем, он знакомит Рузвельта с Рэймондом Моли, профессором Колумбийского университета, который первым

вошел в так называемый мозговой центр. Что объединяло членов команды Рузвельта, так это то, что они пришли из Колумбийского университета — главным образом потому, что на тот момент аппарат Рузвельта не был как следует сформирован, и он предпочитал не быть обязанным оплачивать проезд на поезде профессионалам из Йельского университета, а тем паче из Гарварда. Однако в остальном они были разными людьми. Моли был человеком Уильяма Дженнингса Брайана, который сделал из него приверженца изоляционизма и «правой» идеологии в сфере экономики в контексте 1932 года. Он перегнул палку на Всемирной экономической конференции летом 1933–го, действуя так, будто ему закон не писан, пока его не призвал к порядку Корделл Халл, старый политик от штата Теннесси, который стал новым Государственным секретарем в администрации ФДР.

Моли привлек в команду еще одного профессора Колумбийского университета, Рексфорда Г. Тагвелла, специалиста — экономиста в области сельского хозяйства. Тагвелл обладал гибкостью в теоретических взглядах, остротой ума и содержательностью речей, чем и расположил к себе Рузвельта. Вместе с Адольфом А. Берли, выпускником Гарварда (колледж и факультет права), ныне блестящим представителем факультета права Колумбийского университета, они заложили первоначальный фундамент будущего мозгового центра. Этот центр не являл собой более или менее координированную группу; даже если бы в их рядах наблюдалось больше согласия, то оставалось бы некоторое недопонимание между ними и старшими по возрасту советниками не из академической среды.

Когда новость о его выдвижении долетела до Олбани, Рузвельт решил немедленно отправиться на самолете в Чикаго, чтобы принять предложение о выдвижении. Это было преднамеренное нарушение традиции — хотя не всегда обязательной. Согласно ей, кандидат обязан был скромно «ожидать на парадном крылечке» делегацию со съезда, которая, не торопясь, тащилась словно «на допотопной телеге» (воспользуюсь фразой, которую сам Рузвельт сделает знаменитой три года спустя) и, по приезду, милостиво предлагала ему принять выдвижение. Полет в Чикаго являлся также стратегическим ходом, придуманным с целью доказать, что ФДР намерен стать президентом нового времени и что он ни в коей мере не является заложником своей физической немощи.

Однако эту задумку было нелегко воплотить в жизнь. Гражданская авиация, даже спустя пять лет после того, как Чарльз Линдберг совершил первый трансатлантический перелет, была еще в зачаточном состоянии. Рузвельт собрался в полет в

сопровождении небольшой компании — Элеоноры, двух сыновей, Сэма Розенмана, двух секретарей (Мисси ЛеХэнд и ее помощницы Грейс Талли) и двух полицейских в качестве охраны. (Один из телохранителей, Эрл Миллер [36], займет особое место среди семейной свиты Рузвельтов, играя, впервую очередь, особую роль для Элеоноры, так же как когда-то легендарный неприветливый шотландец Джон Браун играл особую роль при дворе Королевы Виктории [37].) Путешествие продлилось девять часов, включая посадку для дозаправки в Буффало и преодоление сопротивления встречного ветра. Неудивительно, что Рузвельт больше не прибегал к услугам авиации вплоть до конференции в Касабланке (1943) одиннадцать лет спустя.

Борьба не стихла и после приземления. Луи Хоу, который вместе с Фарли находился на передовой переговоров за закрытыми дверями в «задымленной комнате» [38], взорвался гневом, когда увидел речь, написанную Розенманом, которую Рузвельт должен был произнести тем вечером. В ходе обсуждения был достигнут мягкий компромисс. Рузвельт справился как с дебатами, так и с «сырой» программой благодаря уверенному и выразительному изложению и магнетическому свойству своей личности. «Я обещаю новый курс [39] для американского народа» — это фраза из его речи стала цитатой.

Положительным моментом кампании Рузвельта 1932 года было то, что она была выигрышной с самого начала. Такое положение, еще до объявления результатов, предоставляет значительное преимущество. Это значит, что мелкие шероховатости не страшны. О них спотыкается только слабый кандидат. Кандидат — победитель скользит по этой поверхности, как по гладкому льду. Гувер сделал гораздо больший вклад в свой проигрыш, чем Рузвельт — в свой выигрыш. Сочетание катастрофического падения экономики и жесткого неприятия курса Гувера оказалось для него губительным. К началу выборов производство, занятость и цены в несельскохозяйственном секторе экономики стабильно падали на протяжении двух лет, присоединившись к фондовому рынку, который сотрясало уже третий год, и экономике сельского хозяйства, которая по меньшей мере шесть лет уже была заложницей рецессии. Через четыре месяца развалилась национальная банковская система. Гувер, рассматривая экономические кризисы прошлых лет с позиций классического экономиста и откровенно строгого сторонника соблюдения конституционных принципов, видел выход только в экономии и терпении, смягчаемых некоторыми нестандартными займами бизнесу [40]. К концу 1932 года безработица коснулась едва ли не четвертой части рабочей силы страны. Это был

беспрецедентный показатель, но Гувер не мог предложить адекватного решения этой ситуации.

Позицию Гувера хорошо иллюстрирует его непримиримое отношение к так называемой «бонусной армии» [41]. Около восьми тысяч безработных ветеранов прибыли в Вашингтон с требованием о выплате задержанной премии, которую в результате изобретательно составленного Конгрессом законопроекта от 1925 года они должны были получить только в 1945 году. Естественно, что при сложившейся экономической ситуации демонстранты хотели получить свои деньги сейчас, а не в каком-то призрачном будущем. Гувер приказал ветеранам очистить лагерь [42] и направил военные подразделения на Пенсильвания — авеню, чтобы разогнать манифестантов, применяя сабли и слезоточивый газ. В результате столкновения два человека погибли, а лагерь охватил огонь.

Рузвельт осудил эти варварские действия правительства, сам, однако, став президентом, так и не выплатил ветеранам законную премию. В действительности позиция Рузвельта в отношении бюджета во время предвыборной гонки была не менее строгой, чем у Гувера. Девятнадцатого октября в Питтсбурге он пообещал урезать правительственные расходы на 25 %. Однако при других обстоятельствах, в частности, в речи, написанной Тагвеллом, ФДР предложил план действий, чтобы вновь запустить экономику. Как он собирался осуществить это, сократив федеральные расходы, остается загадкой. Тем не менее, его сумбурная программа была, по крайней мере, облачена в форму сочувствия и политики активного вмешательства государства в экономику, тогда как программа Гувера, хоть и более внятная, была декорирована малопривлекательной политикой жесткого неприятия сложившееся действительности. Кампания Рузвельта являла собой триумф стиля над реальным содержанием. Однако в период его президентства действия ФДР, все еще сильные по стилю, часто имели немало реальной ценности.

Такой стилевой контраст ярко отражен в отношении злосчастных просителей премии. В июле 1932 года, как было сказано выше, Гувер направил военных зачистить лагерь от ветеранов. Некоторые командиры, руководившие этой операцией, во время Второй мировой войны достигнут высоких званий, а ветераны, по крайней мере, будут похоронены со всеми полагающимися для военных почестями. Операцию эту, между прочим, возглавлял генерал Дуглас Макартур, а майор Дуайт Эйзенхауэр и капитан Джордж Паттон были в числе подчиненных ему офицеров. Летом 1933 года ветераны, несколько обновленной группой, вернулись в лагерь в Вашингтоне. В этот раз приказа о

разгоне демонстрантов при помощи военных подразделений не поступило. Вместо этого их шествие с песнопением возглавила Элеонора Рузвельт. «Гувер прислал армию, Рузвельт прислал жену» (которую, кстати, не нужно было упрашивать). Само собой, относительно шествия возник такой комментарий.

Еще одной неприятной ямой, от падения в которую Рузвельта спасла его энергичность, был скандал, связанный с непозволительным поведением мэра Нью — Йорка Джимми Уолкера [43]. Последний был бонвиваном, взяточником, любителем хористок, азартных игр и выпивки. На его фоне Эл Смит выглядел едва ли не ангелом во плоти. Для Нью — Йорка в годы экономического бума поведение Уолкера не было чем-то удивительным. Однако после 1929–го такое поведение стало явно неуместным, а в 1932–го он оказался в центре расследования крупного дела — его обвиняли в участии в системе вымогательства взяток. А это создавало осложнения для Рузвельта, которому нужна была чистая репутация и которого, не следует забывать, Уолкер поддержал в предвыборной речи, когда ФДР боролся за выдвижение на пост губернатора в 1928 году. Согласно конституции, именно Рузвельт как губернатор штата после сложения полномочий, совмещая судебные и политические функции, должен был решить судьбу Уолкера. Эпизод случился в самое неподходящее время. Если решение относительно поведения Уолкера будет либеральным, моралисты по всей стране зачтут это Рузвельту как недостаток личностных качеств, необходимых главе государства. С другой стороны, если его реакция будет слишком суровой, он рискует утратить поддержку Таммани — Холла и Демократической партии в штате Нью — Йорк. Фарли и Розенман предостерегали Рузвельта, что он может потерять голоса штата, и, следовательно, — проиграть выборы.

Он начал официальные слушания в Олбани одиннадцатого августа. Припереть к стенке Уолкера, которому он благоволил, было довольно непросто. Уолкер блестяще проводил тактику затягивания процесса. Его личный врач вынес медицинское заключение о том, что его клиент страдает от нервного истощения и нуждается в недельном отдыхе. Затем умер один из его братьев, и потребовалась еще одна отсрочка для проведения похорон. Время, отведенное Рузвельту на подготовку к общенациональной предвыборной кампании, уходило. Затем неожиданно для всех первого сентября Уолкер подал в отставку. Теперь у Рузвельта были развязаны руки. Все пути были открыты. Известный своим морализаторством политический флюгер Уолтер Липпман, после энтузиазма в отношении предвыборных выступлений Рузвельта в 1924 и 1928 годах, в январе 1932–го

изрек один из наиболее разгромных комментариев, когда-либо сказанных о ФДР: «Он — приятный человек, который, не имея необходимой квалификации для этого поста, очень хотел бы стать президентом». Но на этот раз Липпман одобрительно охарактеризовал действия Рузвельта: «Способ, в который он провел слушание по делу Уолкера, серьезно изменило мое мнение о нем.… Я буду смело голосовать за Рузвельта».

Это одобрение было подтверждено выбором избирателей. Восьмого ноября Рузвельт одержал уверенную победу, набрав большинство в 22 809 638 голосов избирателей, против 15 758 901 голоса, которые трансформировались в 472 голоса выборщиков против 59. Такое разделение голосов не стало рекордным, но было одним из самых внушительных. Через тридцать один год после дяди Теда и через одиннадцать лет после того, как его сразил паралич, Франклин Делано Рузвельт получил ключи от Белого дома. Хотя, согласно старинному правилу вступления в должность президента, ему пришлось ждать еще четыре месяца, прежде чем он с полным правом занял свою новую резиденцию.

Глава 4 Первый срок: победы и поражения

Первые месяцы Рузвельта в Белом доме были смесью активной деятельности и замешательства. С несколько оскорбительным высокомерием он отказался участвовать в принятии совместных с Гувером решений во время периода «подбитой утки» [44]. При первом после выборов визите ФДР в Белый дом (двадцать третьего ноября 1932 года) Гувер пытался убедить его подписать соглашение об урегулировании международных долгов и полагал, что поддержкой Рузвельта заручился. Гувера, впрочем, ожидало разочарование. Улыбка вновь избранного президента, очевидно, говорившая о его согласии, всего лишь означала, что он принял во внимание то, что было сказано. Точно так же, как это было в случае обращения генерала де Голля к французским поселенцам в Алжире, когда тот им сказал: «*Je vous ai compris*» [45*]. Г*увер был не первым, и уж точно не последним, кто подобным образом неверно истолковывал Рузвельта. ФДР, насколько мог, избегал любых противостояний.

Он не преминул отвернуться от оскорбленного ранимого Гувера, который сказал (в частном разговоре), что больше никогда не желает с ним (Рузвельтом) иметь никаких дел. Однако, в начале января после визита в Гайд — Парк уходящего государственного секретаря Генри Л. Стимсона наметилось некоторое потепление в отношениях, по крайней мере, между Стимсоном и Рузвельтом (что было совсем неплохо, поскольку Стимсону было суждено занять пост военного министра США в администрации Рузвельта в период с 1940 по 1945 годы). Визит Стимсона сделал возможной новую встречу с Гувером, которая состоялась в Белом доме двадцатого января. Встреча эта была так же совершенно непродуктивной, как и встреча в ноябре, хотя и не привела к предполагаемому сплошному молчанию обоих президентов во время совместной поездки к зданию Капитолия в День инаугурации. На фотографии видно, что они на самом деле обмениваются какими-то репликами, хотя их содержание, вероятно, было таким же безрадостным, как и погода.

После второго визита в Белый дом Рузвельт продемонстрировал свою обособленность от уходящей в отставку администрации Гувера, вернувшись к прежней привычке, еще до Уорм — Спрингс, проводить свой отпуск, плавая на яхте у берегов Флориды. Эта поездка чуть не стоила ему жизни, и он мог бы

погибнуть еще до инаугурации, так и не успев вступить в должность. Пятнадцатого февраля он сошел на берег для встречи с жителями Майами и во время этой встречи пережил покушение на свою жизнь, единственное за все время пребывания на посту президента США. Таким покушениям, успешным или неуспешным, подвергались многие из американских президентов. В данной ситуации Секретная служба США оказалась бессильной, таким образом, в очередной раз подтвердив справедливость мнения специальных агентов всего мира о невозможности гарантировать безопасность, когда полный решимости убийца готов осуществить замысел ценой своей жизни. Мэр Чикаго Антон Чермак, стоявший рядом, защитил Рузвельта. Чермак приехал с миссией покаяния; он не только не выступил в поддержку Рузвельта на съезде демократов в его родном городе, но и организовал против него группу клакеров. Чермак приехал в надежде на мировую, но встретил свою смерть. Он принял на себя пулю, предназначенную Рузвельту. Несмотря на то, что Чермак долго боролся за свою жизнь в больнице [46], ранение оказалось смертельным (еще дольше времени понадобилось на то, чтобы его убийцу — Джузеппе Зангару — посадить на электрический стул).

Таким образом, смерть Чермака, а также смерть сенатора от штата Монтана Томаса Дж. Уолша, которого Рузвельт выбрал на пост министра юстиции и который внезапно скончался от инфаркта, когда ехал на поезде в Вашингтон, возвращаясь с Кубы после заключения позднего брака, плюс плохая погода и состояние экономики омрачили инаугурацию, которая состоялась 4 марта 1933 года. День начался со службы в присутствии Кабинета в церкви на Лафайет — Сквер, напротив Белого дома. Совершал богослужение неизменный Эндикотт Пибоди, несмотря на то, что он свой голос отдал за Гувера. (Знал ли об этом Рузвельт?)

Это было частью таланта Рузвельта — в намного большей степени, чем директора школы Гротон Пибоди — не обращать внимания на унылый характер пасмурного мартовского дня (приспущенные траурные флаги, мрачного как туча Гувера и, прежде всего, на прогрессирующий паралич экономики), быть сродни лучу солнца, пронзающему низко нависшее небо. Его наиболее достопамятные признаки — в уголке рта сигарета в длинном мундштуке (задолго до того, как никотин стали считать ядом), видавшая виды старая фетровая шляпа, говорившая об отсутствии привязанности к роскоши, — нельзя было демонстрировать в такой день. На ступенях Капитолия курить он не мог, а вместо шляпы должен был надеть шелковый цилиндр или, по крайней мере, носить в руке. Но и без этих привычных

вещей одно качество Рузвельта — его уверенность, порождающая уверенность у других, — бросалось в глаза.

Созданная им администрация, сформированная в конце зимы, по зрелом размышлении, не вдохновляла. Среди целого ряда назначений, которых удостоились демократы, несколько позиций отошло и республиканцам. Однако, кроме выбора в качестве вице — президента Джона Гарнера, который имел на этом, в сущности, малозначительном посту меньше влияния, чем впоследствии имели Генри Уоллес, Ричард Никсон, Линдон Джонсон, Хьюберт Хамфри, Джордж Г. У. Буш и Ричард (Дик) Чейни, за бортом назначений остались все те, кто не поддержал Рузвельта на выборах. Ньютон Бейкер, Уильям Макэду и, само собой, Эл Смит никаких предложений не получили. Корделл Халл, бывший сенатор от штата Теннесси, обладал определенной политической силой в регионах и неимоверной живучестью, благодаря которой на посту государственного секретаря он пребывал дольше остальных его коллег (около двенадцати лет) за всю историю США; хотя назвать его значимой фигурой в этой роли сложно. В первую очередь, его интересовало продвижение свободной торговли, снижение торговых барьеров, вопросы, которые во времена правления Гитлера, Муссолини, Франко, а также во время японской агрессии, а затем и Второй мировой войны давали ему лишь определенную значимость в принятии решений во внешней политике США. Не вызывает сомнений, что во время президентства Рузвельта ключевые решения принимал не Государственный департамент, а Белый дом. Такое положение весьма устраивало Рузвельта.

На посту министра финансов ФДР пожелал видеть Картера Гласса, сенатора от штата Вирджиния, чей опыт к семидесяти четырем годам жизни был так же неоспорим, как и его умеренные амбиции. Гласс предпочел остаться в Сенате, потому Рузвельт обратил свой взор на Уильяма Х. Вудина, главная политическая сила которого заключалась в том, что ранее он вложил в кампанию ФДР десять тысяч долларов и в этом смысле считался хорошим посредником между властями и крупным бизнесом. Вскоре Вудин ушел по состоянию здоровья в отставку, оставив Рузвельта лицом к лицу с двумя пуританами от финансовой сферы.

Первым был заместитель министра Дин Ачесон. Со временем он станет выдающимся государственным секретарем в президентство Трумэна, но на данном этапе это был довольно упрямый человек тридцати с небольшим, который осенью 1933 года, будучи в оппозиции к проводимой правительством Рузвельта политике девальвации доллара, запрета вывоза золота

за границу и конфискационного его обмена на бумажные деньги, подал в отставку.

Вторым был Льюис Дуглас, федеральный директор по управлению бюджетом, который придерживался не менее жесткой позиции в вопросах экономической политики, чем Гувер, и который также ушел в отставку в знак протеста через десять месяцев после инаугурации Рузвельта. Тем временем на пост Министра финансов был назначен Генри Моргентау — младший, друг Рузвельта и одновременно его сосед в долине реки Гудзон, который служил ФДР верой и правдой, несмотря на то, что в 1944 году он выдвинул план о преобразовании послевоенной Германии в страну с аграрной экономикой.

Среди других «преданных» демократов можно отметить двух начальников военных ведомств: министра обороны Джорджа Дерна и министра военно — морских сил Клода Суонсона. Отличительной чертой Дерна являлось то, что, не являясь последователем Церкви мормонов, он стал губернатором штата Юта, но его знания армии (и даже интерес к ней) оставляли желать лучшего. Как только на горизонте появилась реальная угроза войны, Рузвельт заменил его Генри Стимсоном [47]. Суонсон, сенатор от штата Вирджиния, в некоторой степени разбирался в делах военно — морского флота. Об этом говорит тот факт, что в то время, когда Рузвельт занимал должность заместителя министра военно — морского флота, Суонсон возглавлял сенатский комитет по военно — морским силам, но этот же факт свидетельствует о том, что он уже вышел из возраста деловой активности и, наверное, с трудом бы противостоял вызовам будущего. Главой министерства торговли США президент назначил Дэниела Роупера (Южная Каролина), чья история приверженности Демократической партии уходила корнями в далекое прошлое: он являлся заместителем Генерального почтмейстера США еще в начале президентства Вудро Вильсона. На место же скончавшегося Уолша, на должность министра юстиции, Рузвельт назначил Гомера С. Каммингса (штат Коннектикут). Каммингс имел высокую репутацию прокурора, а также превосходный послужной список в Демократической партии, однако в нем тоже не чувствовалось активной силы.

Самым интересным назначением Рузвельта в демократической администрации была министр труда Френсис Перкинс. Она, как и некоторые другие, была республиканкой (позднее она вступила в ряды Прогрессивной партии, или «партии сохатого») в период правления Дяди Тэда, но так давно работала в связке с демократами в Олбани при администрациях

Смита и ФДР, что прежняя партийная принадлежность отошла в область воспоминаний. Она стала первой в истории США женщиной — министром, и ее назначение стало тем более примечательным, что возглавила она министерство, где, предположительно, свирепствовал мужской шовинизм. Если лидеры профсоюзов не могли внедрить своего человека в ряды этого министерства, то, по крайней мере, рассчитывали, что будут избавлены от неприятностей в отношениях с этим довольно властным социальным работником женского пола. Однако Перкинс целиком и полностью оправдала выбор Рузвельта. Завоевав всеобщее уважение, она проработала в кабинете Рузвельта в течение всего срока его президентства, установив с президентом доверительные отношения — не слишком близкие и не слишком далекие — и всегда была в состоянии высказать ему свою точку зрения. Ее часто называли мадам Перкинс, что прекрасно характеризует ее качества. Скажем, к имени Луи Хоу нередко прибавляли воинский чин — полковник Хоу — забавный отголосок полковника Хауса, давнего доверенного лица президента Вудро Вильсона, хотя остается загадкой какими воинскими частями командовали оба этих человека. Употребление должностных обращений «посол», «губернатор», «министр» перед именем через много лет после того, как их обладатели уже давно сложили свои полномочия, говорит о том, что любовь к титулам и званиям отнюдь не исчезла в США без следа.

Номинальные республиканцы, даже без Френсис Перкинс, были гораздо более интересными, чем демократы. Так, Генри Э. Уоллес, с одной стороны, исконный фермер из штата Айова, а с другой, патриций — догматик, которому не доставало умения подстраиваться под новые условия, но который всегда оставался верен себе и своему стилю, хоть и в несколько неуклюжей манере, вероятно, вследствие своего происхождения. Его отец, Генри К. Уоллес, также в свое время занимал пост министра сельского хозяйства при президентах Гардинге и Кулидже и был владельцем журнала *Wallace's Farmer,* прибыльного издания, имеющего вес далеко за пределами Айовы. Первоначально вместо Уоллеса Рузвельт намеревался назначить на пост министра сельского хозяйства Генри Моргентау — младшего, однако в конечном итоге решил, что уместнее отдать приоритет сельскохозяйственному штату Айове перед долиной реки Гудзон. И вскоре от этого своего выбора получил значительную выгоду, поскольку через год с небольшим он назначил Моргентау на еще более ответственный пост министра финансов. Хотя отношения Рузвельта и Уоллеса нельзя было назвать близкой дружбой, но

Франклин испытывал к Уоллесу симпатию настолько крепкую, что предложил ему пост вице — президента США во время предвыборной кампании на выборах президента в 1940 году. По окончании президентского срока ФДР тихо распрощался с ним, избрав кандидатом на вице — президентскую должность Гарри Трумэна, чем спас западный мир, — по крайней мере, с точки зрения здравого смысла — от угроз президентства Уоллеса после того, как победа Союзных войск переросла в холодную войну. Тем не менее, назначение Уоллеса в 1933–м стало небезынтересным и даже в чем-то смелым.

Гарольд Айкс, радикал из Чикаго, был вторым номинальным республиканцем, однако, поскольку он являлся организатором кампании «партии сохатого» Дяди Тэда в Иллинойсе в 1912 году, можно было предположить, что он относился к своей партийной принадлежности весьма легковесно. Айкс был удивлен и польщен, когда Рузвельт (после отказа двух сенаторов) предложил ему возглавить министерство внутренних дел. Айкс был на редкость грубым субъектом, с успехом оборонял вверенную ему сферу деятельности и за свой характер получил прозвище «старый брюзга». Его записные книжки, вполне в духе этого человека, проливают свет на внутреннюю политику США при администрации Рузвельта. В некоторой степени, как и Френсис Перкинс, Гарольд Айкс был влиятельным и успешным министром в Кабинете и служил на своей должности весь срок президентства Рузвельта (как и она), отчасти потому, что был верен президенту, но держал дистанцию и никогда особо не вмешивался в дела Белого дома. Его положение было прочным еще оттого, что по большинству вопросов, которые курировало его министерство, Рузвельт инстинктивно был настроен так же радикально, как и Айкс. (В отличие от министерств внутренних дел в других странах, основная функция министерства внутренних дел США — не полицейские мероприятия и организация безопасности, а управление большой частью земель под федеральной юрисдикцией, включая охрану окружающей среды, природные ресурсы, национальные парки, лесное хозяйство) [48].

За исключением перечисленных выше персоналий Кабинет не блистал яркими личностями, а скорее создавал впечатление, что сформирован он был по принципу географического равновесия. Кроме того, чувствовалось, что Рузвельт не желал видеть в Кабинете людей, которые могли бы оспорить его собственный вес, что безусловно влияло на качественный состав этого института. Вместе с этим Кабинетом, укрепленным необходимым количеством важных заместителей и помощников в Белом доме и

министерствах, Рузвельт был вынужден противостоять наиболее внушительным угрозам, с которыми не встречался еще ни один президент со времен Линкольна.

На первом этапе президентство Рузвельта, омраченное финансовым кризисом, стремительным снятием банковских вкладов по всей стране и ежедневными банкротствами банков, закружилось в водовороте активной деятельности. Можно много полемизировать о том, насколько хорошо в Белом доме осознавали последствия своих решений. Но сомневаться в интенсивности их работы нет никаких оснований. Законодательные инициативы и действия исполнительной власти следовали одно за другим. И все законопроекты принимались Конгрессом преобладающим большинством голосов. Рузвельт не только выиграл президентские выборы, но и получил серьезное демократическое большинство в обеих палатах. Состав Сената был следующим: 62 сенатора были от Демократической партии и только 34 — от Республиканской. Соотношение в Палате представителей составляло 313 демократов к 119 республиканцам. Безусловно, не все демократы южных штатов придерживались прогрессивных взглядов, однако считанные единицы из этих конгрессменов имели желание противостоять Рузвельту на этом этапе, и многие поддерживали его, исходя из своих политических убеждений, а не по принципу регионального происхождения. Генри Рейни от штата Иллинойс стал первым за более чем пятьдесят лет демократом с севера США, которого избрали спикером Палаты представителей. Более того, Конгресс лихорадило от страха обвала экономики США, поэтому никто не был склонен противостоять требованиям вновь избранного президента, который показывал хотя бы какой-то путь к выходу из кризиса. В результате угроза Рузвельта, обозначенная в инаугурационной речи, править, если понадобится, с использованием неограниченной исполнительной власти, была настолько же ненужной в первый период после ее произнесения, как и неисполнимой, когда критическое положение отступило. Конгресс восстановил утраченную уверенность в собственных силах и потребовал дополнительных полномочий. Но в период с начала марта по середину июня 1933 года, известный как «Сто дней» Рузвельта, Конгресс принимал все, что представлялось на рассмотрение сверху. Большое количество законопроектов стали законами. Иногда законодатели, с точки зрения исполнительной ветви власти, заходили слишком далеко. Так, сенатор Хьюго Блэк от штата Алабама, который впоследствии стал либеральным членом Верховного Суда, несмотря на нелицеприятное обвинение в принадлежности к Ку — Клукс — Клану, предложил сократить

рабочую неделю до пяти дней и шестичасового рабочего дня и провел эту инициативу в Сенате. За законопроект проголосовали 56 сенаторов и 30 против. Президент, всегда умевший искусно ввернуть яркую метафору, вынужден был им напомнить, что «эти часы нужно будет приспособить ко времени доения коров».

Безотлагательным делом воскресенья, с которым столкнулся президент после субботней инаугурации, стало вскрытие нарыва загнивающей банковской системы. Каким образом ему удалось преуспеть в этом вопросе, остается неразгаданной тайной. Президент Гувер в последние дни правления самонадеянно призывал Рузвельта восстановить доверие, отбросив большую часть своих предвыборных обещаний. В действительности система прилагала все возможные усилия к восстановлению, однако ей требовалась законодательная поддержка. Чрезвычайный закон о банках, подоспевший своевременно, стал толчком к возрождению. Его провели в Палате и Сенате в течение одного дня, даже без печатной копии, и он был предоставлен на подпись в Белый дом тем же вечером. Деморализация оппозиционной Республиканской партии была выражена лидером меньшинства в Палате представителей, который пояснил их молчаливое согласие, сказав следующее: «Дом догорает дотла и президент Соединенных Штатов заявляет, что это лучший способ погасить пожар». В Конгрессе того времени витал дух товарищества, которое нашло отклик во время Лондонского блица через восемь лет. Людям вряд ли нравились неудобства, связанные с невозможностью получить наличные деньги. Это, в том числе, коснулось и Элеоноры Рузвельт, которая понятия не имела, как им оплатить счет в отеле «Мэйфлауер», куда их поселили накануне их переезда в Белый дом. В такой атмосфере любые жесты, вселяющие уверенность, в которых Рузвельту не было равных, имели нужный отклик.

Сочетание улыбки Рузвельта, объявления «банковских каникул» на неделю [49] и чрезвычайного закона о банках вернули доверие к системе, и когда после выходных вынужденные «банковские каникулы» завершилась, большинство банков, признанных «здоровыми», открылись и возобновили свою работу. Процессу способствовали первые широкомасштабные пресс — конференции, проведенные Рузвельтом восьмого марта, и первое радиовыступление из цикла «Беседы у камина», которое состоялось четырнадцатого марта. Возможно, за кулисами этих выступлений скрывалось лицемерие, но на авансцене лейтмотивом новой администрации были открытость и демонстрация неисчерпаемой уверенности в своих силах.

За этими событиями последовали невиданный прежде

всплеск законодательной активности и создание новых агентств и программ. Первым был создан Гражданский корпус охраны окружающей среды, закон о котором был принят Конгрессом тридцать первого марта. [50] Задачей корпуса являлось трудоустроить безработную молодежь и с ее помощью произвести очистку лесов и национальных парков. Члены корпуса размещались в специальных лагерях и получали один доллар за свою работу. Руководство корпусом осуществлялось армией, от чего формулировка «Гражданский» в названии звучала несколько иронично. Левые при этом обвиняли корпус в излишней милитаризации. Так, Норман Томас, неоднократный выдвиженец в кандидаты на пост президента США от Социалистической партии (в 1932–м он набрал 884 тыс. голосов), к которому Рузвельт, тем не менее, испытывал немалое уважение, полагал, что Корпус по структуре и форме управления походит больше на фашистский, чем на социалистический. Как бы там ни было, а к июню в Корпус было зачислено четверть миллиона молодых людей, и эта программа, в отличие от некоторых других ранних предприятий в рамках «нового курса», продержалась до 1942 года, когда «благодаря» войне в стране не осталось безработных. Программа такого рода вызвала полную поддержку Рузвельта. Он придавал большое значение приведению в порядок территории, даже такой необъятной, как Соединенные Штаты, и, кроме того, он не любил когда люди сидели без дела.

Следующим появился Закон о регулировании сельского хозяйства [51], который вступимл в силу в середине мая, примерно в то же время, что и закон об учреждении первого крупного регионального проекта США, получившего название «Управление ресурсами бассейна Теннесси». Закон о регулировании сельского хозяйства был направлен на преодоление кризисной ситуации в сельскохозяйственной сфере, где избыток объема продукции на внутреннем рынке привел к существенному снижению цен, что было на руку промышленным потребителям и ставило фермеров в безвыходную ситуацию. Этот закон имел много схожих черт с бесславной Единой сельскохозяйственной политикой Европы четверть века спустя. Излишек сельскохозяйственной продукции удалось снизить путем выплат фермерам компенсаций за то, что последние сокращали поголовье скота и посевные площади под основные сельскохозяйственные культуры — пшеницу, хлопок и табак. Это решение было эффективным, но ошибочным, в том смысле, что многие американцы все еще жили впроголодь. Еще одним последствием принятого закона стало то, что федеральные деньги оказались в руках крупных и довольно богатых фермеров, у

которых было больше возможностей «не выращивать свиней». При всем том, как и европейская Единая сельскохозяйственная политика, Закон о регулировании сельского хозяйства, в определенной степени, способствовал восстановлению равновесия в сфере сельского хозяйства и вывел из безысходной ситуации многие фермерские хозяйства.

Исходя из названия «Управление ресурсами бассейна Теннесси», [52] можно подумать, что речь идет о какой-то локальной программе, но фактически это была масштабная программа регионального развития в одной из наибеднейших частей Соединенных Штатов. Река Теннесси несет свои воды через семь штатов: Вирджиния, Северная Каролина, Кентукки, Теннесси, Джорджия, Алабама и Миссисипи. Территория бассейна реки равна трети Великобритании. И это был один из наиболее отсталых аграрных районов США, население которого в своем большинстве жило в крайней нужде. Кроме всего прочего, районы характеризовались высокой частотностью наводнений, тут свирепствовала малярия и отсутствовала электроэнергия (только 3 % фермерских хозяйств обладали этим благом цивилизации). Эта территория была словно специально создана для того, чтобы Рузвельт мог проявить свои прогрессивные идеи. В отличие от одного небезызвестного британского политика, которого называли «социалистом в любом департаменте, кроме своего собственного», ФДР принимал наиболее радикальные решения в сферах, в которых разбирался наилучшим образом — коммунальное электроснабжение и экономика сельского хозяйства. Увертюра из угрожающе звучащей, но любопытной и ценимой современной оперы *Электрификация Советского Союза*, если аббревиатуру СССР (USSR) поменять на США (USA), больше подошла бы в качестве музыкальной предвыборной темы ФДР, чем неудачная мелодия «Тротуары Нью — Йорка» Эла Смита. Законопроект, разрешающий деятельность государственной корпорации «Управление ресурсами бассейна Теннесси», стал законом восемнадцатого мая 1933 года, и эта широкомасштабная программа, конечно, с учетом неизбежных кратковременных падений курса акций прожила, принимая все во внимание, долгую и успешную жизнь.

Рузвельта, на самом деле, обвинили в массированном продвижении региональной «национализации». Так, член Палаты представителей Джозеф Мартин от штата Массачусетс — который впоследствии прославится в качестве мишени для блестящей шутки президента — в речи «Мартин, Бартон и Фиш» [53], во время предвыборной кампании Рузвельта 1940 года, — полагал, что программа построена по коммунистическому образцу.

Рузвельт отреагировал с характерным ему апломбом. «Я скажу им, что она (корпорация „Управление ресурсами бассейна Теннесси“) — ни рыба ни мясо, но как бы там ни было, она, несомненно, придется по вкусу народу из долины Теннеси». Деятельность корпорации «Управление ресурсами бассейна Теннесси» вызвала межпартийный энтузиазм у видных западных прогрессивистов [54], например сенатора — республиканца и одного из патриархов американского либерализма Джорджа У. Норриса из штата Небраска. Их инстинктивная изоляционистская позиция (которую Норрис в 1930–е не разделял) не представляла никаких проблем до конца 1930–х, и они решили примкнуть к Рузвельту и его политической силе, которые развивали бурную деятельность.

Успех политики Рузвельта подкреплялся популярной в обществе (но это не касалось Элеоноры Рузвельт) отменой «сухого закона» в отношении пива и вина [55]. Все это было частично замаскировано под меру, предпринятую с целью сбалансировать бюджет (хотя притворства в этом особого не было), поскольку правительство предусмотрительно оставило некоторые ограничения касательно вновь легализованных возлияний. Крепкие напитки были разрешены не сразу, однако стены цитадели были безвозвратно разрушены, и к концу июня ФДР, отдыхая на острове Кампобелло, получил строгий выговор от Элеоноры за то, что «смешал коктейль» для их младшего сына семнадцати лет. Сложно приготовить коктейль из пива и вина, и если бы президент действовал противозаконно, а также, по мнению его жены, безответственно, ее выговор был бы еще более уничтожающим. К счастью для Франклина, Кампобелло находится в Канаде.

Обещания сбалансировать бюджет, данные в Питтсбурге в пылу избирательной кампании, коснулись некоторых сфер. Бюджет на оборону урезали с 752 миллионов долларов в год до 531 миллиона (последняя цифра вряд ли бы при сегодняшних ценах покрыла расходы на один бомбардировщик «Стелс»). Основная часть сокращений коснулась армии. Это спровоцировало генерала Макартура вступить лицом к лицу в несколько истеричную конфронтацию с Рузвельтом, что положило начало его противоборства с президентами — демократами и что, в конечном итоге, привело к его увольнению из армии президентом Трумэном восемнадцатью годами позднее. Зарплаты в федеральных органах власти, в общем и целом, также были урезаны, а несчастные просители премии, не продвинувшись ни на шаг в своих требованиях, обнаружили, что ветеранские пособия, которые, по общему признанию, были чем-

то сродни мошенничеству, были сокращены на 400 миллионов долларов. В то же время были взяты на себя новые финансовые обязательства по Гражданскому корпусу охраны окружающей среды, Закону о регулировании сельского хозяйства, Управлению ресурсами бассейна Теннесси и другим специальным программам. В том, что делалось, прослеживалась некая логика, сродни чему-то схожему с нетвердым кейнсианством [56], что характерно для ранних действий администрации. Однако, пока Джон Мейнард Кейнс не опубликовал в начале 1936 года свою работу «*Общая теория занятости, процента и денег*», было бы ошибочным считать его формулу правительственных расходов выходом из кризисной ситуации как целиком понятное тогда учение в английском Кембриджском университете, не говоря уже о Вашингтоне на заре формирования экономической политики «нового курса». Кейнс встретился с Рузвельтом в Белом доме летом 1934 года, когда его идеи уже окончательно сформировались в теорию. Эту встречу можно назвать плодотворной, но многие переоценивали важность достигнутого с президентом согласия во время подобных встреч.

Невероятно краткое, противоречивое и, возможно, самое важное из первых постановлений по «новому курсу» увидело свет сто дней спустя. Законопроект об оздоровлении национальной промышленности [57] был представлен в Конгресс в середине мая 1933 года и вступил в законную силу 16 июня, пройдя через Сенат с минимальным перевесом голосов (46 к 39), что было непривычно для того периода. Зловещим предзнаменованием этого голосования стало то, что одиннадцать демократов не поддержали законопроект. Можно было бы сказать, что Закон об оздоровлении национальной промышленности (NIRA) был не только слишком кратким, но и представлял собой сборную солянку разнокалиберных политических решений. Нетерпеливые моложавые политики, опьяненные атмосферой нововластия в Вашингтоне, нашли возможность внедрить в содержание его положений лично взлелеянные, но мало идущие к делу проекты. В предложенной политике четко просматривались две основных линии. Первое, бизнесу разрешили развиваться в направлении корпоративности. Конкуренция могла бы стать прекрасным лозунгом в условиях процветания экономики, когда победителем становится тот, кто первым достигает вершины; она была менее привлекательна во время кризиса, когда тянула всех вниз к неприбыльному снижению цен в условиях сужающихся рынков. Раздел I в NIRA был чем-то вроде хартии торговых ассоциаций. Это был уход от прогрессивной традиции, начатой Дядей Тедом, об искоренении трестов и враждебного отношения к картелям. В

таком его виде Закон не нравился либералам, в частности судье Верховного Суда Луи Брандайсу, который был сторонником распределения, а не концентрации власти. Он также вызывал неодобрение некоторых сенаторов — прогрессивистов из западных штатов, которые частично стали причиной слабого большинства в Палате. Крен в сторону корпоративизма был отмечен изображением в виде «синего орла» для предпринимателей, которые желали сотрудничать с правительством с целью восстановления благосостояния экономики. Если они принимали кодекс, основанный на отказе от снижения цен, минимальной зарплате в 12 долларов за сорокачасовую неделю (не особенно щедро даже по стандартам 1933 года), им разрешалось использовать символ «птицы» как на самом продукте, так и на упаковке. Скептики назвали этот символ «синий хрыч», но большинство испуганных представителей деловых кругов приняли его. Автомобильная промышленность являлась довольно показательным тому примером. *Chevrolet (*которая стала основным подразделением корпорации *General Motors)* признала его, тогда как Генри Форд, который платил сотрудникам более высокие зарплаты, чем установленный государством минимум, упрямо отказался ему следовать.

Были и другие сложности. Хью Джонсон, бригадный генерал от кавалерии в отставке, был назначен возглавить эту программу. Считалось, что у него есть печать Бернарда Баруха, в подчинении у которого он работал во время Первой мировой войны. Однако Барух, крупный спонсор фондов Демократической партии, влиятельное лицо в Вашингтоне и старый приятель Уинстона Черчилля, не был человеком, с которым можно было бы ловить бабочек, а тем более охотиться на тигров. Вскоре он опорочил Джонсона и, вероятно, заслужено. Джонсон был энергичным человеком, любил выпить и обладал манией величия. В некоторых, не во всех, аспектах он был удобным партнером в сферах разделения производства для Джона Л. Льюиса, лидера шахтеров, который так же ворвался на общенациональную арену приблизительно в это время. Джонсон развернул деятельность с большой помпой и за какое-то время добился даже большей публичности, чем у самого Рузвельта. Такое положение дел всегда представляет опасность для подчиненного, что и стало причиной неизбежного падения бригадного генерала. Первым сигналом провала Джонсона стало назначение вместо него Гарольда Айкса, министра внутренних дел, управляющим Администрации общественных работ (PWA), основного творения Раздела II NIRA. Рузвельт принял такое решение, поскольку

опасался, что рискованные и расточительные методы управления Джонсона не позволят контролировать 3,3 миллиарда долларов государственных средств, выделенных под эту программу. Программа PWA являлась делом большой важности. Среди проектов, выполненных под ее эгидой, было возведение моста Трайборо в Нью — Йорке, соединение города Ки — Уэст мостом с Флоридой, строительство дамбы Боулдер на реке Колорадо и модернизация железнодорожной линии Нью — Йорк — Вашингтон, а также огромное количество построек судов, больниц и школ по всей стране. Вся работа велась без каких-либо видимых признаков мошенничества или финансовой беспечности под неусыпным вниманием прессы и деловых кругов, враждебность которых росла день ото дня. Это подтверждает правильность выбора Рузвельта: вверить такие расходы внимательному, въедливому и медлительному в принятии решений Айксу, а не яркому и расточительному Джонсону.

Прежде чем сообщить о таком решении, вновь избранный президент, в то время практически всемогущественный, испытывал муки совести, потому как не мог отважиться сказать о своем намерении Джонсону с глазу на глаз. ФДР сделал это при полном собрании Кабинета министров, где Джонсон неизменно присутствовал. Президент преподнес свою речь под соусом похвалы и извинений за то, что возникла необходимость избавить исключительно талантливого Джонсона от тяжести бюрократии, связанной с Разделом II, для того только, чтобы он мог полностью сконцентрироваться на решении задач по Разделу I, требующих его способностей. Джонсон был сильно разочарован и отреагировал достаточно экспрессивно, потому Рузвельт обратился с просьбой к Френсис Перкинс, устроить Джонсону двухчасовую прогулку на автомобиле, чтобы отвлечь его от мыслей об отставке. Такая тактика сработала на этот раз, но принесла мало пользы, поскольку в августе 1934–го, четырнадцать месяцев спустя, все более сумасбродное поведение Джонсона поселило в голове Рузвельта навязчивую мысль об отставке последнего. И вновь он постарался избежать острых углов. Верные ему Френсис Перкинс и Дональд Ричберг, советник Администрации национального возрождения (NRA), были призваны на помощь для исполнения этого решения. Почему Рузвельт считал, что их присутствие облегчит боль страданий — для обезглавленной жертвы или для него самого в роли палача, — остается неясным, но это — чудесный пример методов работы человека, который почти полтора десятилетия использовал свою харизму, хитрость и власть для управления страной — дольше, чем кто-либо во всем демократическом мире.

NRA оказывала разного рода влияние на окружающую среду, судьбы людей и неустойчивые отношения «нового курса» с деловыми кругами до тех пор, пока не была 27 мая 1935 года, после обвинений в препятствовании торговле, упразднена. Это стало возможным вследствие постановления Верховного суда по делу, известному в народе как «Дело больной курицы», а в судебных хрониках — *Schechter Poultry Corp. против США* — название, которое создает впечатление неравной борьбы. Тем не менее, сражение выиграл Давид, а не Голиаф.

Возможно, наиболее длительное воздействие NIRA содержалось в первоначально малозаметном пункте 7 (а) Раздела I. Он запрещал федеральному правительству лишать рабочих права организовывать профсоюзы и заключать коллективный договор. На основе этого Джон Л. Льюис в течение двух недель, когда NIRA стал законом, издал плакат с фотографией ФДР и лозунгом «Президент хочет, чтобы ты вступил в Союз». «Союз» — это Профсоюз работников угольной промышленности — и плакаты были размещены преимущественно в районах добычи битуминозного угля — в Пенсильвании и Западной Виргинии. Только в Пенсильвании было набрано 128 тыс. новых членов профсоюзов. Поскольку оба штата были территорией «захваченных» шахт (монополизированных крупными сталелитейными компаниями), это привело к конфронтации с некоторыми корпорациями, которые традиционно выступали против профсоюзов в США. Было еще одно препятствие — Майрон Ч. Тейлор, глава корпорации U. S. S*teel (*лидера рынка), которого с Рузвельтом связывали особые отношения и чью фотографию (хотя и в компании Муссолини) он держал в своем кабинете. Удовлетворение от этих отношений не было односторонним: в 1940 году ФДР назначит Тейлора послом в Ватикан — личным представителем президента — пост, говоривший о высоком уровне доверия.

Даже такой тонкий и политически мобильный бизнесмен как Тейлор не сдался бы без борьбы; 35 тыс. шахтеров Пенсильвании начали забастовку до того, как проблема была улажена в пользу полного признания профсоюза. Рузвельту удалось устроить конференцию с участием Тейлора и нескольких других довольно авторитетных магнатов с Джоном Льюисом в Белом доме. На конференции президент предостерег бизнесменов от клановости. И если они намерены продолжать свои «фамильные» связи, то отношения эти, по его мнению, являлись некооперативными и порочными. Льюис, которому было что терять, вел себя в той ситуации как благодушный дядюшка.

Вместе с тем, Рузвельт, можно сказать, достиг значительного

успеха, учитывая прежнюю несговорчивость этих акул бизнеса, хотя бы потому, что вышеупомянутая встреча вообще состоялась и совпала с несколькими важными событиями. Во — первых, отношения Льюиса с Рузвельтом достигли наивысшей точки. Как и Хьюи Лонг, губернатор и некогда сенатор от штата Луизиана, Льюис был слишком самовлюблен, чтобы иметь возможность продолжать эффективно сотрудничать с Рузвельтом, оставаясь на вторых ролях, потому выступил резко против переизбрания ФДР в 1940 году. Однако для менее ярких профсоюзных лидеров, в особенности представителей автомобильной и швейной промышленности, пункт 7(а) предписывал верно следовать политике Рузвельта, что, по мнению некоторых интерпретаторов, определило весь общественно — политический курс США. Вследствие этого, демократы стали главенствующей партией в глазах электората, по крайней мере, до окончания президентского срока Трумэна и, как видно, оставались популярными в годы правления президентов Кеннеди и Джонсона.

По окончании напряженной специальной сессии Конгресса в 1933 году Рузвельт отправился в Кампобелло в уверенности, что он заставил законодательную ветвь работать в усиленном режиме, сделав ее положение более зависимым от Белого дома, чем когда-либо прежде. Сенаторы и члены Палаты представителей разошлись на каникулы так же довольные сложившейся ситуацией с той мыслью, однако, что в будущем им не помешает некоторая независимость. Лето 1933 года стало переломным в отношениях президента с лидерами деловых кругов; они изменились к худшему. Во время избрания и инаугурации Рузвельта предприниматели были охвачены страхом. Они были готовы прыгнуть в любую спасательную шлюпку. Но когда экономическая ситуация улучшилась, они захотели, больше всего на свете, вернуть себе независимость и положение в обществе. Этому вопросу они придавали больше значения, чем своему материальному положению, хотя некоторые из них во время кризиса и серьезно пострадали.

Ключевым событием 1933 года, которое можно сравнить со встречей на равных «стальных» магнатов и Джона Льюиса при содействии Рузвельта, стал вызов в Комитет Сената по банковским и валютным вопросам Джона Пирпонта Моргана — младшего, для которого нью — йоркское финансовое сообщество на тот момент стало своего рода независимым королевством. Это равносильно тому, с достодолжной и существенной разницей, как если бы Папу Римского попросили отчитаться по вопросу инвестиционной политики Ватикана перед одним из комитетов

Парламента Италии. Морган держал себя уверенно и на равных, не пытаясь произвести хорошее впечатление. Когда ему задали вопрос о том, почему он не платил подоходный налог последние три года, он сообщил, что не имеет ни малейшего понятия и что этот вопрос нужно адресовать его бухгалтеру.

Огромное значение имело то, что Морган вообще явился на заседание. Боги снизошли до простых смертных. И богам это очень не нравилось. Они еще больше боялись упасть в глазах публики, нежели потерять прибыли. Однако Рузвельт не собирался возвращать все на прежнее место. Как раз ко времени появилась карикатура магната, которого спасают из воды, а он обвиняет своих избавителей в том, что те не вытащили из воды его цилиндр. Интересно, что Черчилль, чье красноречие было на порядок выше, чем у Рузвельта, десять лет спустя, во время войны, использовал эту метафору (в видоизмененной форме) во время дебатов в Палате общин сразу после одного из визитов к Рузвельту. Только блестящий цилиндр на этот раз превратился в обычную кепку. Уже на рубеже 1933–34 годов наихудшие опасения, с которыми столкнулся Рузвельт вначале, пошли на убыль. Кризис в банковской сфере был преодолен — скорее всего, благодаря удачному стечению обстоятельств, чем принятым мерам; экономика тоже медленно, но верно подавала знаки выздоровления. Индекс промышленного производства летом 1933 года подпрыгнул вверх и стабилизировался на том же уровне. Уровень безработицы понизился с пятнадцати миллионов человек до одиннадцати миллионов. Этого было достаточно, чтобы вызвать чувство негодования, которое пришло на смену чувству страха, — основной эмоции большинства представителей одного с Рузвельтом социального круга. Они быстро сочли его классовым предателем и в личных и кулуарных беседах поносили его в самых нелицеприятных выражениях. Их ярость не утихла даже после триумфальной победы демократов на выборах в Конгресс США [58] в середине срока полномочий президента в ноябре 1934 года. Вопреки традиционной картине, когда партия — победитель имеет небольшой перевес, перевес демократов в обеих палатах стал еще большим. В Палате представителей их количество увеличилось с 313 до 322 мест (общее количество мест — 432), в Сенате же демократов стало еще на 9 больше: 69 мандатов против 27 у республиканцев. Такой масштабный вотум доверия вынудил оппонентов администрации пуститься в демагогию и прибегнуть к подкупу голосов избирателей, ссылаясь на недочеты «нового курса».

Поскольку экономика, хоть и поднялась с колен после 1932–33 годов, не спешила восстанавливаться и не достигла

показателей, которые наблюдались в годы экономического бума 1920–х, некоторые из ненадежных друзей Рузвельта после его первого года при власти от него отвернулись. И речь идет не только о знакомых по школе Гротон, по Гарварду, а и о соседях в долине реки Гудзон, о воротилах с Уолл — Стрит и членах клуба «Никербокер». Двое из его наиболее мощных сторонников, популярных в народе, ни одного из которых невозможно было даже представить себе среди его оппонентов, перешли к нему в оппозицию. Первым стал Хьюи Лонг, вторым — отец Чарльз Кофлин, радиопроповедник из Детройта, которому внимала большая аудитория слушателей. Кофлин начал с таким энтузиазмом, что, используя сомнительные богословские аргументы, провозгласил «новый курс» «курсом Христа». Лонг, который считал, небезосновательно, что он был основным доверенным лицом ФДР, обеспечившим Рузвельту выдвижение от Демократической партии в 1932 году, и в начале президентства Рузвельта полагал, что в итоге заслуживает большего внимания, ошибся, думая, что сможет впоследствии покровительственно относиться к Рузвельту.

Это был совершенно нелепый просчет, поскольку, если и существовал где-либо человек, который не нуждался в покровителях, то этим человеком был Рузвельт. В гибельном для себя визите в Белый дом в 1934 году Лонг время от времени снимал свою соломенную шляпу в Овальном кабинете только для того, чтобы предостерегающе постучать ею о колено во время разговора с Рузвельтом. С тех пор «Морской царь» (как прозвали Лонга) пошел ко дну, а в Белом доме не проронили и одной слезы после сообщения об его убийстве в городе Батон — Руж в сентябре 1935 года [59]. Убийство сняло угрозу того, что Лонг выступит кандидатом в президенты от третьей партии на выборах 1936 года. Рузвельт не боялся, что Лонг станет победителем; он боялся, что тот сможет навредить ему так же, как дядя Тед навредил Тафту в 1912–м.

Оставались еще две другие возможные угрозы такого рода. Отец Кофлин, который перешел в оппозицию к Рузвельту, не стал менее популярен у своей аудитории. Оглядываясь назад, вспомним трудности первого этапа, с которыми столкнулся Джон Кеннеди почти тридцать лет спустя, убеждая американских избирателей в том, что, как гласит современная шутка, его родной отец в Бостоне более опасен, чем его духовный отец в Риме. Сложно поверить, что одетый в сутану католический священник мог бы хоть сколько-нибудь представлять угрозу для Рузвельта в середине 1930–х. Еще одну угрозу представлял калифорниец доктор Френсис Таунсенд, врач, популярный среди

своих пациентов, который в конце 1933 года решил для себя, что милленаристские учения [60] более интересны, чем установление диагнозов. Он предложил программу, согласно которой, как здоровье экономики, так и социальная справедливость выйдут на новый уровень, если федеральное правительство гарантирует каждому человеку после шестидесяти лет пенсию в размере 150 долларов с последующим ее повышением до 200. Суммы даже с точки зрения 1930–х не были астрономическими, ими вряд ли бы прельстились Дж. П. Морган или Уильям Рэндольф Херст, но их было бы достаточно, чтобы нарушить политику финансового благоразумия и предложить землю обетованную многим малоимущим старикам, а также тем, кто с опаской ожидал приближения пенсионного возраста. К счастью для сдерживания такого предложения, в возрастной структуре населения того времени не наблюдалось такое старение нации, как сейчас. Тем не менее, предложение Таунсенда очень быстро стало популярным не только в Калифорнии, но даже на востоке, в Чикаго, где на собрании его клубов «Пенсия по возрасту» даже выступили в поддержку стратегии третьей партии, с чем доктор имел благоразумие не согласиться.

Реакцией Рузвельта на все эти проявления оппозиционности: препятствия со стороны Верховного суда, классовая враждебность со стороны правых, популистские высказывания демагогов — стала вторая волна еще более радикального «нового курса», в чем-то более дерзкого, чем первая. В конце января 1935 года Рузвельт не смог провести предложение о том, чтобы США вошли в юрисдикцию Всемирного суда международной юстиции. Тридцать шесть сенаторов проголосовали против: этого было достаточно, даже четыре голоса оказались лишними, чтобы не получить необходимые две третьих большинства. Это оказалось двойным ударом, поскольку, во — первых, Рузвельт не привык проигрывать и, во — вторых, он думал, что это был бы неплохой компромиссный шаг между вступлением США в Лигу наций (которое, как он полагал, находится за пределами его политической правоспособности) и ничегонеделанием для преодоления политики изоляционизма (что разочаровало бы многих, в особенности Элеонору Рузвельт). В начале 1935 года у Рузвельта наблюдалось подавленное настроение — что было ему неприсущее, вне зависимости от обстоятельств. Его поведение описывают как «раздражительное, беспокойное и даже нерешительное» [61]. В этой цитате «даже» — это лишнее слово, поскольку Рузвельт редко бывал раздражительным и беспокойным, однако часто проявлял нерешительность, обдумывая предмет обсуждения, прежде чем прийти к какому-

либо решению. Признаться, в январе этого года у него действительно хватало причин для нерешительности.

Основными оставляющими второго «нового курса», который также являлся прелюдией к предвыборной кампании 1936 года для переизбрания ФДР на второй срок, стали: первое, Закон Вагнера о трудовых взаимоотношениях, который возродил к жизни пункт 7 (a) NIRA, несмотря на то, что Верховный суд признал первоначальный закон недействительным. Второе, Закон о социальном обеспечении, который вместе с пенсиями по возрасту и выплатами по безработице давал американцам более скромную социальную защиту, чем та, которую Герберт Асквит, Дэвид Ллойд Джордж и Уинстон Черчилль ввели в Британии во время правления либералов в период до 1914 года. Третье, Банковский закон 1935 года, который реорганизовал Федеральную резервную систему и в целом усилил федеральные полномочия по надзору до такой степени, что это весьма обеспокоило сильную оппозицию в лице сенатора Картера Гласса, которого Рузвельт чуть было не назначил министром финансов в 1933 году. Четвертое, Закон о холдинговых компаниях в сфере коммунального хозяйства, который существенно ослабил влияние крупных электро— и газоснабжающих компаний, — картина во многом сопоставимая с той, что наблюдалась в отношении железнодорожных трестов в 1900–х. Это стало одной из причин, почему Уэнделл Уилки, либеральный оппонент ФДР, в 1940 году стал кандидатом от Республиканской партии на пост президента. Пятое, ассигнование пяти миллионов долларов для Администрации программ общественных работ для неквалифицированной рабочей силы (WPA), что возродило из пепла прежнюю программу помощи, которую курировала Администрация гражданских работ (CWA) во главе с энергичным Гарри Гопкинсом. Шестое, самое важное и наиболее провокационное (для ненавистников Рузвельта) из всего списка, Закон о доходах 1935 года. Согласно этому закону, повышалась процентная ставка подоходного налога на высокую прибыль, увеличивался налог на недвижимость и акты дарения; Закон коснулся и корпоративной прибыли, распределенной или нераспределенной. И это было сделано безо всяких извинений, без малейшего намека на то, что такая расправа учиняется только лишь вследствие экономического спада, что она болезненна для самого президента даже больше, чем для его народа. Нет, напротив, ФДР, представляя этот законопроект, заявил, что «огромные накопления богатства не могут быть оправданы на основе личной и семейной безопасности».

Период 1935–36 гг. можно назвать переломным моментом в

отношении позиции и стратегии Рузвельта как кормчего государства. Первые два года в Белом доме его политический корабль держал курс на достижение консенсуса, двухпартийной системы и попыток примирить между собой основные группы и классы. Он стремился оставаться в лагере имени самого себя как можно дольше. После критического периода в политической жизни, к которому приложил руку Верховный суд, упразднив Национальную администрацию восстановления (NRA), а также в связи с ростом враждебности к его особе на востоке страны, откуда ФДР был родом, он стал менее открытым к сотрудничеству. Конечно, Рузвельт очень хотел видеть в своем лагере преобладающее большинство — и этой цели он добился в ноябре 1936 года. Но он отошел от своего прежнего комплексного восприятия и вооружился мнением, что некоторые хорошо подобранные враги могут на деле способствовать укреплению энтузиазма большинства.

Можно говорить о двух проявлениях этого нового умонастроения ФДР. Во — первых, его реакция на признание Национальной администрации восстановления недействительной. Нет никакого сомнения, что это решение Верховного суда США его сильно задело, в особенности, потому что влиятельные либеральные судьи Луи Брандейс и Бенджамин Кардозо поддержали предсказуемых консерваторов, вследствие чего Верховный суд вынес единогласное решение. ФДР осудил его на пресс — конференции четыре дня спустя в заявлении, которое заняло полтора часа и прозвучало скорее как альтернативное и высшее суждение, нежели политическое опровержение. Он забраковал ограниченное толкование Верховным судом Статьи о международной торговле, на которой основывалось решение Суда. Такая узость толкования, настаивал он, используя очень звучную фразу в его изложении, «вернула Америку в „лошадиные“ (доиндустриальные) времена» (эта фраза была сказана, скорее, в погоне за политическими очками, а не только для оценки действий Суда). Эта продолжительная пресс — конференция и связанные с ней события проложили дорогу в двух направлениях, маршрут на начальном этапе повторял первоначальное направление, но в дальнейшем разветвлялся. Первый путь был изложен в его обращении к многочисленной публике в крытом комплексе «Мэдисон — сквер — гарден» в Нью — Йорке в конце кампании 1936 года.

«В течение двенадцати лет эта страна страдала от глухоты, слепоты и немощности правительства… Девять лет издевательств золотого тельца и три долгих года бедствий! Девять лет бюрократии и три долгих года в очередях безработных. Девять

лет иллюзии и три года отчаяния!» Влиятельные силы, продолжал он, пытались вернуть нас к мысли, что «лучшее правительство — это равнодушное правительство… Никогда раньше за всю историю США эти силы не объединялись так настойчиво против одного кандидата, как это происходит сегодня. Они единодушны в своей ненависти ко мне — и *я рад их ненависти*… Я бы хотел сказать о своей первой администрации, что в ней силы эгоизма и жажды власти *встретили достойного противника.* Я бы хотел сказать о своей второй администрации, что в ней они *встретят своего победителя*».

Этот новый тон его выступления совершенно отличался от манеры 1932 года. Тогда всех необходимо было привести в умиротворенное состояние духа. Теперь необходимо было спровоцировать (влиятельное) меньшинство, чтобы содействовать воодушевлению большинства. Такая тактика сработала блестяще. Результат президентских выборов 1936 года превзошел все возможные надежды демократов. Республиканцы в президенты США выдвинули весьма умеренного кандидата, губернатора штата Канзас Альфреда М. Лэндона, который в 1912 году был членом «партии сохатого». С ним «в связке» на пост вице — президента шел либеральный издатель из Чикаго Фрэнк Кнокс, еще один сторонник «дяди Теда» в 1912 году. Рузвельт назначит его министром военно — морских сил тогда же, когда назначит Стимсона на пост военного министра США, то есть, когда события в Европе заставят ФДР рассматривать этих двух руководителей, в первую очередь, как серьезных администраторов, а не деятелей, которые подходят с политической точки зрения. Помимо этого, оставалась угроза образования третьей партии. Отец Кофлин нашел себе замену в обличье Уильяма Лемке, конгрессмена от Северной Дакоты. Норман Томас продолжал в одиночестве пахать свою социалистическую борозду. Кроме них, своих кандидатов выдвинули Коммунистическая и Партия прогибиционистов США. Рузвельт разбил их всех в пух и прах. Он получил 61 % голосов. Он обошел популиста Лемке почти на один миллион голосов избирателей. Он отбросил лично им (Рузвельтом) уважаемого Томаса с 800 тыс. голосов в 1932 году до приблизительно 200 тыс. голосов в 1936–м. Что еще более важно, Лэндон получил преимущество только в двух штатах — в Вермонте и в штате Мэн. Это была наиболее решительная победа со времен ранних дней республики, и она была завоевана, несмотря на беспрецедентную враждебность прессы. В сорока шести штатах, которые отдали за Рузвельта свои голоса, у него была незначительная поддержка со стороны печатных изданий. Более того, он одержал победу вопреки воле тех, кто считал себя прирожденными лидерами

американского общественного мнения. Некоторые демократы, например Эл Смит, и, по крайней мере, восемьдесят процентов представителей высшего класса, к которому принадлежал и сам Рузвельт, — уверенно проголосовали против него. Но их голоса мало весили по сравнению с масштабной поддержкой синих воротничков, фермерских штатов (Лэндон проиграл даже в родном штате Канзас), нижнего среднего класса США. Это были первые воистину классовые выборы в истории Америки и вместе с тем эти выборы были парадоксальны и типичны для многих подобных состязаний во всем мире в связи с тем, что защитником санкюлотов стал президент, являющийся выходцем, наряду с Джорджем Вашингтоном, из самых аристократических кругов США.

Такая внушительная победа, естественно, заронила семена высокомерия, и это, в действительности, оказалось правдой. ФДР принес присягу на второй президентский срок 20 января 1937 года — впервые инаугурация была перенесена с 4 марта на более раннее время. Смена даты говорила сама по себе об отказе от условностей «лошадиной» эры. Президентам больше не было необходимости ждать долгие четыре месяца, чтобы добраться от веранды [62] своего дома в Вашингтон. День инаугурации был омрачен холодным и пронизывающим дождем. И церемония также была безрадостной. Чарльз Эванс Хьюз, который приводил президента к присяге, был одним из самых политизированных председателей Верховного суда, более того, он был республиканцем. Он был кандидатом от «Великой старой партии» [63] (GOP) на президентских выборах 1916 года против Вильсона. Он занимал должность государственного секретаря при Гардинге и Кулидже. Как только Рузвельт и Хьюз посмотрели друг другу в глаза, оба поняли, что в их отношениях намечается нешуточный конфликт. По этой причине президент решил произнести речь, которая не будет лишь вежливым поздравлением по поводу окончания первого срока и беспрецедентной победы, но решил посвятить ее насущным проблемам второго срока и бросить им вызов. «Я вижу, что треть нации страдает от жилищных проблем, недоедания и отсутствия добротной одежды. Не от отчаяния я рисую эту картину. Я рисую ее в надежде, что народ, увидев и поняв всю несправедливость, запечатленную на ней, предложит закрасить ее».

И первое, что, по мнению Рузвельта, необходимо «закрасить», было право блокировать законопроекты Верховным судьей Хьюзом и восемью (преимущественно пожилыми) членами Верховного суда США, которые находятся в его подчинении. Президент выждал всего семнадцать дней до того, как

предложить свой план «утрамбовки суда» [64], что означало лишить Верховный суд права его членов или, по крайней мере, значительно урезать его, блокировать законопроекты. Это было очень смело, но привело к грандиозному провалу, и вместо того, чтобы начать второй президентский срок, купаясь в лучах славы, Рузвельт начал его с разочарования.

Глава 5 Неудачи: политические и экономические

Самым серьезным поражением в карьере Рузвельта по праву считают его неуклюжую попытку реформировать (кое-кто сказал бы «подчинить себе») Верховный суд США, предпринятую в начале 1937 года. Президент направил в Конгресс послание, в котором утверждал, не без лицемерия, что Верховный суд не способен идти в ногу со временем, а посему для эффективного управления необходимо назначить вспомогательного судью для каждого судьи Верховного суда, достигшего семидесятилетнего возраста. Провал Рузвельта был весьма парадоксален. Во — первых, он потерпел поражение после триумфальной победы на выборах в ноябре. Во — вторых, в ожесточенной борьбе, которая велась на протяжении пяти месяцев, с февраля по июль, он, Рузвельт, опытный политик, допускал одну ошибку за другой. А «допотопный» Верховный суд, с его престарелыми ретроградами — судьями, блестяще держал линию защиты. В результате, при неизбежном содействии Сената, суд «потопил» важную инициативу президента, который совсем недавно был переизбран с невиданным в американской истории перевесом голосов.

К концу 1936 года Верховный суд признал законодательную базу «нового курса» неконституционной в семи из девяти рассматриваемых случаев. Раздражение Рузвельта, подогреваемое недавним успехом на выборах, было вполне объяснимым, но его тактика не выдерживала никакой критики. 3 февраля 1937 года ФДР дал традиционный обед в честь судей Верховного суда в Белом доме, но не сделал и намека о своих замыслах. Два дня спустя он представил свои предложения в Кабинете министров, который послушно принял их, а также лидерам Конгресса. Те оказались менее склонны к сотрудничеству. Вице — президент Гарнер также не выказал восторга. Закон о Суде не пришелся по вкусу и другим политикам, включая председателя Судебной комиссии Палаты представителей, вероятно, наиболее значимого из всех, сенатора Бартона К. Уиллера (штат Монтана), который последние четыре года был одним из наиболее надежных сторонников «нового курса». Уиллер еще больше отдалился после грубой попытки купить его поддержку, предпринятой Томми Коркораном (известного как Томми «Пробка»). В то время Коркоран метеором носился по зданию Конгресса, полный энтузиазма, присущего молодому помощнику президента. Он пообещал Уиллеру возможность влиять на мнение одного — двух

новых судей Верховного суда, если тот согласится поддержать инициативу президента. Это было все равно, что предложить Шарлю де Голлю несколько медалей за военные заслуги при условии, что он согласится на гегемонию англосаксов. Нет нужды говорить, что такое предложение Коркорана возымело противоположный эффект. Вся сложность заключалась в том, что наиболее ярыми оппонентами выступили демократы — республиканцы в этой борьбе в счет не шли — которые, по мнению Рузвельта, лишь благодаря ему и были избраны, отчего раздражение и бестактность президента только усиливались.

Оппоненты плана «утрамбовки Верховного суда» не то чтобы не видели существования проблемы. Никто не ожидал, что Рузвельт без сопротивления смирится с разгромом его законодательной инициативы в 1935–36 гг. Скорее выбранный им метод посчитали неудачным и — поразительно для столь опытного политика — лишенным тонкости. Их также возмутил отказ президента принять во внимание мнение Конгресса. В результате ряды реформаторов дрогнули. Оппозиция, напротив, действовала весьма сплоченно. Верховный суд значительно усилил свои позиции. В период с 29 марта по 24 мая 1937 года Верховный суд поддержал Закон о минимальной зарплате в штате Вашингтон, Закон о фермерском кредите и положение о коллективных договорах в Законе о трудовых отношениях на железнодорожном транспорте. И, наконец, судьи Верховного суда закрепили победу, приняв Закон о трудовых отношениях и Закон о социальном обеспечении. Можно предположить, что эта волна «прогрессивистских» решений являла собой скорее политическую тактику, чем суровую правовую логику, поскольку многие из них входили в противоречие с ранее принятыми постановлениями. Тем не менее, это выбило почву из-под ног Рузвельта. Принятие решений сопровождалось массированной контратакой по наиболее слабым позициям президента. Он совершил ошибку, предоставив ложные основания для осуществления своего плана. ФДР заявил, что списки кандидатов в Верховный суд необходимо сократить, и, развивая этот тезис, Рузвельт сказал, что судьи преклонного возраста слишком медлительны и вообще некомпетентны. Такое заявление вряд ли расположило к себе верховного судью, которому было семьдесят пять, и который отличался редкой несговорчивостью, или восьмидесятилетнего Брандейса, старейшего члена Верховного суда, настроенного, в целом, вполне либерально. «Ложное основание» возымело противоположный эффект, когда верховный судья Хьюз при поддержке Брандейса и судьи — консерватора Уиллиса Ван Девантера подали заявление в Судебный комитет Сената о том,

что Суд способен держать руку на пульсе всех дел и что расширение Суда приведет к еще большим задержкам в принятии решений.

Восемнадцатого мая Комитет, несмотря на преобладающее число демократов в его составе, проголосовал в соотношении 10 против 8, «зарезав» законопроект. В тот же день Ван Девантер ушел в отставку, таким образом, впервые предоставив Рузвельту возможность выдвинуть кандидатуру в Верховный суд, поскольку во время его первого срока на посту президента все судьи Верховного суда отличались хорошим здоровьем и долголетием и не имели желания покидать свои посты. Ирония в том, что существуют косвенные свидетельства того, что не только Ван Девантер, но и Джордж Сазерленд, судья — консерватор, был бы рад выйти в отставку раньше. Однако предложенный Рузвельтом Закон об экономии, который был принят в 1933 году, сократил прижизненную зарплату отставных судей Верховного суда с 20 тыс. до 10 тыс. долларов. Щедрый законопроект об увеличении пенсий судей Верховного суда, который был бы с легкостью принят, позволил бы президенту достичь всего, чего он хотел, и не привел бы к провалу план по реорганизации Суда. А это был серьезный провал, и уже в мае стало понятно, что он неизбежен. Рузвельт пообещал первую вакансию в Верховном суде Джозефу Т. Робинсону из штата Арканзас, лидеру большинства в Сенате. Робинсон с воодушевлением воспринял данное предложение. (Это было поистине примечательно, поскольку назначение на эту почетную судебную должность было чрезвычайно притягательным для многих вышестоящих политиков, которые были также юристами среднего звена.) Обещание, данное Робинсону, не позволяло Рузвельту назначить на этот пост более подходящую кандидатуру. Но оно обеспечивало Рузвельту поддержку Робинсона в вопросах, связанных с Верховным судом. Такая поддержка в Сенате понадобилась Рузвельту уже в середине июня, когда вице — президент Гарнер, который никогда не одобрял план о расширении Суда, срочно уехал в Техас, возложив на Робинсона все бремя ответственности в Сенате. В течение пяти недель это бремя буквально раздавило Робинсона. Четырнадцатого июля его нашли мертвым на полу в ванной его дома в Вашингтоне.

Все это дело превратилось в некое подобие давнегреческой трагедии. Смерть Робинсона повлекла за собой «смерть» законопроекта, хотя Рузвельту понадобилось еще четыре недели, чтобы признать этот факт. Тем временем все его мысли занимала проблема выбора преемника на роль лидера большинства в Сенате. ФДР видел в этой роли Албена Беркли, штат Кентукки

(который позднее станет кандидатом на пост вице — президента в предвыборной кампании Трумэна на неожиданно успешных президентских выборах 1948 года), но не Пэта Гаррисона, штат Миссисипи; в итоге, Беркли одержал победу с перевесом в один голос. Однако осталось много недовольных с обеих сторон. Некоторые сенаторы — Гарнер от штата Техас, Робинсон от Арканзаса, Гаррисон от Миссисипи, Беркли от Кентукки — акцентировали внимание на том, что Палата изобилует южанами и поддержка между штатами Юга особенно сильна, в частности, в стане демократов. И даже на пике своей власти Рузвельт должен был с особой осмотрительностью находить верный путь в этих зыбучих песках, чего ему явно, ко всеобщему удивлению, не удалось добиться в вопросе расширения Суда. Это была эра демократов «Сплоченного Юга», когда демократическое большинство в Конгрессе зависело от сравнительно консервативных южан (по большей части интернационалистов), с которыми президенты имели веские основания держаться весьма осторожно, что и делал ФДР почти весь свой первый срок.

Ирония судьбы заключалась еще и в том, что эта непривычно бесплодная борьба Рузвельта очень скоро оказалась ненужной. На место Ван Девантера он назначил молодого сенатора Хьюго Блэка. Затем, в течение следующих нескольких лет, вакансии в Верховном счуде посыпались как листья в ноябре. В Верховный суд США президенту удалось назначить заместителя министра юстиции Стэнли Рида, профессора Гарвардского университета Феликса Франкфуртера, столь же либерально настроенного профессора Йельского университета Уильяма О. Дугласа, министра юстиции Франка Мерфи, сенатора Джеймса Бирнса от Южной Каролины (который позднее станет Государственным секретарем — не самым лучшим — при президенте Трумэне), и Роберта Джексона (который сменил Мерфи на должности министра юстиции). К 1941 году единственными членами Верховного суда, которых назначил не Рузвельт, были Гарланд Ф. Стоун (либерал) и Оуэн Робертс. Парадоксальный исход злополучного плана касательно Верховного суда закончился тем, что Суд более не был намерен противостоять его предложениям, однако теперь Конгресс стал проявлять нежелание принимать их, уже хотя бы потому, что эти предложения исходили из Белого дома.

Провал законопроекта по реформированию Верховного суда был далеко не единственной неудачей Рузвельта в годы, которые могли бы быть годами неограниченных возможностей и достижений после триумфальной победы на выборах 1936 года. Развитие событий по обе стороны океанов — Тихого и

Атлантического — не предвещало ничего хорошего, и сам Рузвельт не мог предложить никаких эффективных решений по предотвращению Второй мировой войны. В сентябре 1935 года Муссолини осуществил нападение на Абиссинию (ныне Эфиопия) и, несмотря на малоэффективные санкции Лиги Наций, быстро оккупировал ее. В марте 1936–го Гитлер направил свои войска в демилитаризованные земли Рейнской области. Таким образом, Версальский мирный договор был, по сути, разорван, но власти Франции и Великобритании колебались до тех пор, пока момент для любого возможного принудительного правоприменения был упущен. В июле того же года военный мятеж против недавно избранного правительства Народного фронта Испании быстро перерос в масштабную гражданскую войну. Затем, лето 1937 года, последнее лето относительного спокойствия в Европе, обозначилось повторным нападением японских войск на Китай, что повлекло за собой серьезные боевые действия и оккупацию Шанхая. В 1938 году Гитлер снова развернул активные действия в Европе, но уже с более опасными последствиями. Австрия попала под контроль Гитлера в марте; надуманные обвинения судетских немцев против Чехословакии в мае спровоцировали крупные беспорядки в ее приграничных областях, причем судетские немцы обратились к германскому руководству с просьбой о помощи. Ситуация обострилась еще больше в сентябре, когда три последовательные встречи — все состоялись на немецкой территории — между Невиллом Чемберленом и Гитлером при участии (на последней встрече) Эдуара Даладье от Франции и Бенито Муссолини от Италии завершились подписанием Мюнхенского соглашения [65].

Ряд таких переломных событий не оставил Рузвельту шансов вмешаться в ситуацию. Он был настроен резко негативно против фашизма. В частном порядке он высказывался гораздо менее двусмысленно по поводу гражданской войны в Испании, чем Уинстон Черчилль. Более того, ФДР был природным интервенционистом [66] — черта, которую он унаследовал от «дяди Теда». Он верил в благую обязанность Соединенных Штатов следить за порядком во всем мире; это видно на примере активной поддержки, которую Рузвельт оказал Вильсону во время Первой мировой войны. Однако он также был тонким политиком (несмотря на то, что подчас мог совершать грубые ошибки, как в случае с Законом о Верховном суде), с невероятно острым чутьем касательно целесообразности определенных политических шагов. ФДР не одобрял решений, которые шли вразрез с мнением народа, о чем он регулярно заявлял возмущенной Элеоноре Рузвельт, отказываясь поддерживать ее чрезмерно утопические

инициативы. И он был убежден, не без основания, что в конце тридцатых годов настроение как народа, так и Конгресса осталось, по сути, изоляционистским. Были и другие, более специфические, сдерживающие факторы. Римско — католическая церковь США решительно приняла сторону генерала Франко в гражданской войне в Испании. Во время президентской кампании 1936 года, которую еще до исхода выборов в массе своей считали рискованной, через четыре месяца после того, как Франко поднял мятеж, Рузвельт полагал, что потеряет значительную часть голосов избирателей — католиков, если поддержит республиканское правительство. Ничто не изменило этого мнения по мере развития испанского конфликта.

В результате целого ряда обстоятельств в период с 1939 по 1938 гг. Рузвельт играл довольно слабую роль на мировой политической арене. Он морализировал, не добиваясь, впрочем, какого-либо заметного эффекта. И две его особо рекламируемые речи, касающиеся внешней политики, скорее приводят в недоумение, чем вдохновляют и убеждают. Первая была произнесена до выборов в 1936 году в образовательном центре Чатоква (штат Нью — Йорк) — традиционном месте для произнесения политических воззваний к народу. Мы уже вспоминали о Чатоква в первой главе в связи со слишком громкими заявлениями ФДР о тяжких испытаниях, которые выпали на его долю во время войны 1917–18 гг. Эта речь была скорее в жанре антивоенного романа 1920–х, чем антинацистским призывом к оружию в стиле Черчилля в 1930–х.

Вторую речь он произнес в Чикаго. Тогда, в октябре 1937 года, ФДР с триумфом проехал через весь город, после чего обратился к собравшимся (по приблизительным оценкам его слушали 75 тысяч человек). В целом, эта речь была сильнее речи в Чатоква. В ней президент признавал ухудшение сложившейся ситуации в мире, осуждал господство террора и международного беззакония, которые серьезно угрожали подорвать основы цивилизованного общества. Вот цитата из речи: «Миролюбивые державы должны предпринять согласованные действия с целью изоляции агрессора». Это прозвучало скорее как призыв к действию, однако, когда Рузвельта попросили разъяснить сказанное на последующей пресс — конференции, он дал ряд туманных ответов. Так что и эта речь тоже весьма расплывчата.

Внутренние дела, даже не учитывая провальный законопроект по реформированию Верховного суда, также обстояли не лучшим образом. Осенью 1937 года экономика стала проявлять признаки ухудшения своего здоровья. Октябрь принес с собой «черный вторник» — финансовый крах на Уолл — Стрит;

безработица вновь перевалила отметку в 10 миллионов; снизился уровень производства стали (наиболее чуткий показатель того времени); существовала реальная угроза повторения ситуации 1933 года. К весне 1938 года экономический спад почти достиг своего предела. Уинстон Черчилль, который сочетал в себе величие и легковерность по отношению к биржевым дельцам с Уолл — Стрита, оказался в таком же финансовом затруднении, что и в 1929 году. Он выставил на торги свое имение Чартвелл, которое являлось не только его загородным местом для отдыха, но также и основной рабочей базой для его писательских и политических трудов. Имение Черчилля было спасено благодаря помощи некоего миллионера, который заработал состояние на приисках Южной Африки [67].

В 1937–38 гг., однако, Рузвельту приходилось больше беспокоиться из-за последствий рецессии, чем из-за ее воздействия на частные капиталы (даже если бы он об этом знал) его будущего военного союзника. Спад в экономике совпал и, в какой-то степени, спровоцировал наисильнейший спад в его политической карьере за все двенадцать лет его пребывания на посту президента. В основном это было связано с тем, что Рузвельт совершенно не знал, как справляться с повторной вспышкой экономических проблем, которые, по его мнению, он оставил далеко позади в 1933–34 годах. Генри Моргентау, который был не только министром финансов, но и близким другом ФДР в Кабинете министров, практически убедил его в том, что 1937–й — это год, когда необходимо приложить все усилия для сбалансирования бюджета. Тем не менее, совершенно очевидно, что сокращения федеральных расходов были одной из причин рецессии. Рузвельт в течение нескольких месяцев не мог решить в каком из двух совершенно несовместимых направлений следует двигаться. Кроме того, в конце 1937–го его сильно беспокоила челюстная инфекция, которая лишила его привычной энергичности и живости. Вдобавок ко всем неприятностям, ему по — прежнему ощутимо не хватало политического такта, что было ранее замечено в случае с реформой Верховного суда. К весне 1938 года ФДР не только был вынужден пойти на значительные уступки в вопросе о Законе о справедливых стандартах рабочего труда (вопрос заключался в том, что сенаторы и конгрессмены с Юга требовали, чтобы уровень минимальной заработной платы на юге страны был ниже, чем в северных штатах), но и потерпел поражение при попытке провести закон о реорганизации исполнительной власти. В этом он узрел «вторжение на территорию президента». Это также показало, сколько ошибок он допустил в балансе разделения властей. ФДР потерпел фиаско

при попытке реорганизовать Верховный суд, поскольку посягнул на территорию судебной власти. Таким образом, Рузвельт спровоцировал образование альянса между исполнительной и законодательной властями. В конечном итоге, именно законопроект Конгресса привел к активной деятельности Суда, направленной на его аннулирование. Но без этого альянса, спланированного заранее, Рузвельт вынужден был с позором ретироваться с территории судебной власти. Он также понял, что способствовал объединению законодательной и исполнительной власти, что, в свою очередь, привело к определенным проблемам. После промежуточных выборов 1938 года в Конгрессе замедлилась прогрессивная законодательная деятельность, что устраивало большую часть демократов Севера, представляющих города, и это оставалось неизменным вплоть до грандиозной победы на выборах Линдона Джонсона в 1964–м, после которой демократическое большинство в Палате представителей увеличилось еще на сорок северян.

Во время курса лечения в Уорм — Спрингс ранней весной, Рузвельт принял решение, что на данном этапе значительная федеральная поддержка в виде усиления покупательной способности необходима американской экономике гораздо больше, чем сбалансированный бюджет. До тех пор он рисковал проявить в делах внутренних такое же бессилие, как и во внешних — будучи проповедником без санкций. Он осуждал «экономических консерваторов», которые «правили бал в правительстве Соединенных Штатов с 1921 по 1933 г.» (Некоторые из тех 1,8 миллионов, потерявших рабочие места осенью 1937 года, были бы рады вернуться в 1921–м.) Как только он принял решение о дефицитном расходовании средств, позиции президента укрепились, и к июню 1938 года он без особого труда провел программу расходов в 3,75 миллиарда долларов. Однако и в его окружении оставались нерешенные проблемы. Моргентау угрожал подать заявление об отставке. Он согласился отказаться от своего решения только после серьезного нажима со стороны ФДР. Моргентау, заявлял президент, «запомнится как министр, который дезертировал во время боя». И даже после этого Моргентау мог бы уйти, если бы не был так тесно и близко связан с Рузвельтом.

То, что Рузвельт решил подключить Гарри Гопкинса для того, чтобы надавить на Моргентау, свидетельствует о серьезном влиянии Гопкинса, которым тот пользовался последующие несколько лет. Гопкинс, который длительное время провел в больнице, восстанавливая пошатнувшееся здоровье, был ярым сторонником и поборником дефицитного финансирования. Он

повторял, как заклинание, такие слова: «Мы должны постоянно собирать налоги, постоянно тратить и постоянно избирать». Он стал настолько близким соратником президента (Гопкинс никогда не злоупотреблял этими отношениями) в эти сложные и безнадежные дни 1938 года, что Рузвельт рассматривал его как возможного преемника на выборах 1940 года. В действительности здоровье Гопкинса и, вероятно, его личностные качества, несмотря на то, что он во многом производил яркое впечатление, не позволили бы ему занять этот пост. На этом этапе, когда одна неприятность наслаивалась на другую, вряд ли у Рузвельта возникали мысли об избрании на третий срок (прецедентов не было, но и не было препятствий со стороны закона). Скорее он мог решить пассивно и спокойно отслужить последние два с половиной года до окончания своего срока. Пессимистический настрой Рузвельта усиливался вследствие скандальных и безжалостных слухов, которые циркулировали повсюду и появились даже в печати. Говорилось о том, что все его заявления о ненависти в отношении к высшим слоям общества, чистой воды риторика, не соответствовавшая истине.

Слухи были и относительно невинными, как, например, то, что Рузвельт был самым непопулярным выпускником Гарварда первого десятилетия двадцатого столетия, и гораздо более изощренными. Ему предъявлялись обвинения в том, что он не только страстно желал быть диктатором, но также был клиническим сумасшедшим и, вероятно, болел сифилисом. В эти фантастические домыслы поверили и вполне респектабельные во всех других отношениях люди, что привело к значительной путанице в умах британских и прочих европейских дипломатических наблюдателей в отношении американской политики. Они рассматривали Рузвельта как сильного и уважаемого лидера, который был чуть ли не единственным лучом надежды рушащегося мира. Затем они обнаружили, что ФДР является объектом ненависти, граничащей с презрением, в умах большинства его соплеменников, с которыми им приходилось общаться.

Растерянность перед лицом неприятия высшими слоями общества, однако, настолько противоречила характеру и стилю Рузвельта, что это вряд ли представляло серьезную опасность. В ответ на такие обвинения он приложил максимум усилий в проведении последнего рывка «нового курса», который предполагал значительные реформы в сфере социального обеспечения, вопросах минимальной заработной платы и занятости несовершеннолетних. На политическом фронте его деятельность носила менее благоразумный характер или,

уместнее сказать, менее успешный. Его недовольство законодателями — консерваторами от Демократической партии было всецело понятно. Победа ФДР на выборах 1936 года обусловила многократное увеличение числа демократов в Конгрессе, равного которому еще не было в истории США. В Сенате демократы количественно превосходили республиканцев в соотношении 80 к 16, в Палате представителей — 343 к 89. Когда многие из них объединились с республиканцами с целью блокировать основные инициативы, Рузвельт был оскорблен. И, по словам некоего недоброжелательного критика, ФДР решил устранить своих наихудших обидчиков, прибегнув к «мести в стиле школьницы старших классов». Президент изложил свои взгляды, как он полагал, придерживаясь умеренной линии. «Не поймите меня превратно, — несколько оборонительно начал он самый важный отрывок из своей речи. — Я ни в коем случае не указываю на свои предпочтения в праймериз только лишь потому, что кандидат, либеральный по своим взглядам, значительно расходится со мной по всем вопросам. Меня больше волнует общий настрой кандидата в отношении насущных проблем и его внутреннее желание найти практические средства для удовлетворения потребностей нации».

Умеренная или нет, но эта речь оставила широкий задел для субъективных высказываний в отношении президента. Безусловно, существовали некоторые злобные реакционеры — особенно, но не исключительно, среди сенаторов Юга — и если бы Рузвельту удалось избавиться от них, то это могло бы стать необходимым этапом на пути Демократической партии к последовательному либерализму. Однако, к сожалению, хотя ему (или рецессии) и удалось исключить многих демократов на промежуточных выборах в ноябре 1938 года, но это были не те кандидаты. Кроме того, используемые методы, которые привели к неудаче, действительно напоминали «месть в стиле школьницы старших классов». Он совершил два турне по стране. Летом он отправился на своем частном поезде (со скоростью менее 35 миль/ч) через штаты Кентукки, Арканзас, Оклахома, Техас, Колорадо и Невада в Калифорнию. Во время этого турне он произнес более тридцати речей, и все слухи в основном крутились вокруг того, кому было разрешено сидеть рядом с президентом или кому он уделял много внимания, а кому сделал выговор. Его главной целью было сохранить Олбена Баркли на посту сенатора от штата Кентукки. Баркли находился под давлением губернатора штата и его проигрыш означал бы уход с позиции лидера Демократической партии в Сенате и замену на «отлученного» Пэта Гаррисона от штата Миссисипи. Это ему с

легкостью удалось сделать. Большинство других целей данного турне, однако, достигнуты не были. В Техасе он попытался подвергнуть остракизму сенатора Тома Конналли, который впоследствии внесет огромный вклад в развитие внешней политики США, но ФДР сделал более удачную долгосрочную инвестицию, наладив связь со вновь избранным конгрессменом Линдоном Б. Джонсоном, хотя Рузвельт и не доживет до того времени, когда это вложение начнет приносить свои доходы. В Неваде президент сделал выговор, однако недейственный, сенатору Патрику Маккарену, а в Калифорнии он способствовал поражению сенатора Макэду, несмотря на приверженность того идеям Вильсона.

Затем ФДР совершил плавание по двум океанам на тяжелом крейсере U. S. S. *Houston* через Панамский канал в порт Пенсакола, штат Флорида. Там он начал свою южную, еще более сложную кампанию которая закончилась, без триумфа, в штате Мэриленд. Тройственной целью Рузвельта было устранить трех сенаторов от Демократической партии, которые, хоть по исторической случайности и являлись членами одной с ним партии, но оказались одними из самых ярых консерваторов. Первым был Уолтер Ф. Джордж, тихий, но невероятно несговорчивый председатель Комистета по финансам в Сенате. Джордж представлял штат Джорджию, почетным жителем которого считал себя Рузвельт в силу связи с Уорм — Спрингс. Второй мишенью был Эллисон Смит, или «Хлопковый Эд», из Южной Каролины, чье прозвище говорило о влиянии, которым он пользовался в родном штате. Когда кто-то сказал, что ФДР «злейший враг самому себе», Смит ответил: «Это не так. Во всяком случае, пока я жив». Третьим был Миллард Тайдингс, штат Мэриленд, который совершил серьезную ошибку, похвастався, что у него есть как «престиж Рузвельта, так и деньги его друзей — республиканцев». Ни одно из трех предприятий Рузвельта не возымело успеха. Джордж, Смит и Тайдингс были переизбраны в Сенат еще на шесть лет.

Это шло вразрез с общими результатами выборов. В сравнении с предыдущими промежуточными выборами они были удовлетворительны. Демократическая партия вновь получила большинство в обеих палатах, однако их прежнее превосходство пошатнулось. Республиканцы получили восемьдесят одно место в Палате представителей; в Сенате, где изменения происходили медленнее вследствие шестигодичного срока, они получили еще девять мест. Республиканцы также заняли тринадцать губернаторских постов. Они снова вернулись в игру, хотя не в образе прежней Старой Доброй Партии, но, по крайней мере, в

качестве крупного игрока, который надеялся на полное восстановление в 1940 году.

Таковыми были весьма неблагоприятные обстоятельства, при которых Рузвельт встретил начало войны в Европе в сентябре 1939 года. И вновь различие между пьедесталом, который воздвигли для Рузвельта как спасителя мира за рубежом, и его относительно слабой позицией на родине создавало некоторую путаницу. Даже такой опытный (хотя невероятно оптимистичный) аналитик как Черчилль верил в то, что ФДР присоединится к союзникам с целью спасти Францию, — то, чему не было суждено случиться в действительности. Если бы Рузвельт, как и большинство президентов, находящихся в конце второго срока на посту, уменьшил свою активность в ожидании спокойных деньков в Гайд — Парке со своей коллекцией марок, какое бы место он занял в рейтинге популярности среди своих предшественников и преемников? Думаю, где-нибудь вверху второго десятка первых лиц государства. Вероятно, по соседству с Эндрю Джексоном, или «дядей Тедом», или Линдоном Джонсоном — президентами, которые делали все возможное и не стояли в стороне от проблем, но которые, однако, не были людьми, чье величие не подлежит сомнению. Итак, ключевой вопрос: когда Рузвельт почувствовал желание баллотироваться на третий срок? Приняв это решение, он стал, таким образом, президентом, который не только старательно, хотя и не всегда успешно пытался вытащить Америку из ямы Великой депрессии, но также повел за собой страну через сложнейшее испытание войной. Можно также сказать, что случайным следствием его деятельности стало исчезновение проблем низкого спроса и безработицы.

Если бы на тот момент действительно существовал достойный преемник, Рузвельту было бы довольно сложно найти поддержку, чтобы баллотироваться на третий срок. Приняв во внимание теорию Макиавелли, ФДР осторожно создал определенное количество возможных конкурирующих между собой преемников, которых необходимо было предъявить на суд общественности, чтобы убедить последнюю в том, насколько данные кандидаты не отвечают требованиям. Однако такой шаг — довольно рискован, поскольку немногие политики кажутся достойными наивысшего поста до тех пор, пока они не займут его. Лорд Ливерпуль, Джеймс К. Полк, даже Теодор Рузвельт, Гарри Трумэн и Клемент Эттли — первые, о ком вспоминаешь в этой связи. У медали есть, конечно, и обратная сторона, когда кандидаты создают полное впечатление людей профессионально подготовленных для такой работы, пока они не заступают на пост, — ярчайшим примером являются Улисс С. Грант и Энтони

Иден. Также нельзя не вспомнить о ФДР, по поводу которого Эл Смит также ошибочно рассуждал, поддержав кандидатуру Рузвельта на пост губернатора штата Нью — Йорк в 1928 году. От Демократической партии рассматривались четыре кандидатуры. Рузвельт вяло поддержал Корделла Халла, многоопытного государственного секретаря, и министра юстиции Роберта Х. Джексона. Демократы, настроенные негативно по отношению к «новому курсу», склонялись к выбору Джека Гарнера и Джеймса Фарли, политикана — католика от Нью — Йорка, слугу, который жаждал сместить своего хозяина. Они образовали неубедительную команду, ни один из участников которой, вероятнее всего, не был бы избран, вне зависимости от каких-либо других недостатков. Их надежды пошли прахом, когда в июле 1940 года съезд Демократической партии уверенно проголосовал за Рузвельта. Это произошло в Чикаго, как и в 1932 году. Такой исход вызвал у них диаметрально противоположные реакции. Халл остался Государственным секретарем вплоть до конца 1944 года, хотя его влияние стало еще меньше, чем в мирное время. Гарнер был подавлен и подал прошение об отставке, отправившись на свое ранчо в Увальде, штат Техас, где, несмотря на, а возможно как следствие, свою неприветливость и пристрастие к виски, дожил до 1967 года, и умер только в возрасте девяноста девяти лет. Фарли резко прекратил политическую деятельность. Он серьезно упрекал Рузвельта, вскоре уволился с поста Генерального почтмейстера и стал работать на корпорацию Кока — Кола.

Гарри Гопкинс, на которого Рузвельт в 1938 году обратил пристальное внимание, попал в другую категорию. Он был, в определенном смысле, первоклассной кандидатурой, однако слабое здоровье и зависимость от Рузвельта стояли на его пути к президентской власти. В любом случае, к 1939 году его имя уже не фигурировало в списках. Тем не менее, Гопкинс с энтузиазмом принялся за организацию предвыборной программы Рузвельта в Чикаго.

Все это не дает ясного ответа на вопрос о том, когда же ФДР принял решение баллотироваться на третий срок после 20 января 1941 года. Еще в феврале 1940–го Рузвельт, обращаясь к сенатору Норрису (штат Небраска), который, несмотря на различие по географическому принципу, решительно поддержал его в работе с Администрацией ресурсов долины Теннеси, искренне аргументировал свое нежелание идти на третий срок, сказав: «На третьем сроке у меня возникнет гораздо больше разногласий с Конгрессом и многосложных проблем в результате моего избрания, чем когда-либо прежде». Это был искренний, но не

обязательно решающий аргумент, и его, вероятно, стоило толковать как то, что ФДР считал «новый курс» исчерпавшим себя, но не как то, что у Рузвельта отсутствовали дальнейшие амбиции. В то время получила распространение карикатура, на которой Рузвельт запечатлен в процессе превращения «Доктора новый курс» в «Доктора Выиграй войну». Поэтому его умонастроения, высказанные Норрису, приняли умеренный характер после разговора с Моргентау (ФДР знал его лучше, чем Норриса), который состоялся несколькими неделями раньше. Он говорил: «Я не хочу баллотироваться вновь, если только дела в Европе не станут намного хуже со времени этого разговора».

В следующие пять месяцев ряд общих решений Великобритании и Франции, а также решительные действия Гитлера полностью удовлетворили этому условию. И все же не совсем ясно, какую личную выгоду преследовал Рузвельт. Он мог бы сделать выбор в пользу своей коллекции марок и тихой загородной жизни в Гайд — Парке (его мать, которая здравствовала вплоть до сентября 1941 года, весьма это приветствовала), вместо чувства разочарования, которое его поджидало в Вашингтоне. Но глубоко внутри этот один из величайших политических деятелей в истории западного мира отчетливо осознавал вселенскую тоску, которая его ожидала в Гайд — Парке.

У Рузвельта также был ясный взгляд на вещи — более чем у кого-либо из его помощников, за исключением Айкса, Моргентау и Гопкинса. Он имел серьезно обоснованные аргументы против фашизма как угрозы культурным ценностям и безопасности Соединенных Штатов.

Таким образом, вероятно, к Пасхе 1940 года он уже принял решение и укрепился в своем намерении после вторжения Гитлера в Норвегию и Данию и оккупации Голландии, Бельгии и Франции. Рузвельт демонстрировал возрастающую воинственность и уверенность в необходимости остаться на третий президентский срок, подписав в июне назначение двух беспартийных депутатов на посты министров в Кабинете. Он отправил в отставку двух «миротворцев» от Демократической партии, возглавлявших военное министерство и военно — морское министерство США, назначив на их место приверженцев интернационализма от Республиканской партии. Генри Л. Стимсон, который занимал пост министра обороны при президенте Тафте и пост государственного секретаря при Гувере, возглавил военное министерство (сухопутные войска включительно). Франк Нокс, издатель из Чикаго, который участвовал в президентской гонке в паре с Альфредом Лэндоном

в 1936 году (в качестве соперника Рузвельта), возглавил военно — морское министерство. Тем не менее, ФДР был убежден, что если уж ему и суждено впервые нарушить прецедент, созданный в 1796 году Джорджем Вашингтоном, который не допускал возможности третьего президентского срока, то это должно было выглядеть с его стороны как спонтанная и вынужденная необходимость, а не жажда беспрерывной власти. Он достиг этого результата благодаря отточенному политическому мастерству, которое хотя и изменило ему в последние два года, но осталось неотъемлемой частью его арсенала. Итоги первого и единственного голосования в Чикаго приводим далее: Рузвельт — 496 голосов, Фарли — 72, Гарнер — 6, Тайдингс — 9, и Халл — 5.

Безусловно, одним из мотивов Рузвельта, заставившим его принять решение идти на третьи президентские выборы, была его уверенность в том, что именно он, как никто из кандидатов, сможет оказать помощь Европе в ее усилиях противостоять нацизму. Однако как только Рузвельт окунулся в предвыборную борьбу дома, он, временно, но безоговорочно, отодвинул европейские проблемы на второй план, и полностью посвятил себя единственной цели — одержать победу на выборах. Было еще одно осложнение. По крайней мере, до начала июля 1940 года Рузвельт не был целиком и полностью уверен в желании и способности Великобритании бороться в одиночку. Так же как он не верил в Черчилля по прошествии нескольких недель с момента избрания последнего на пост премьер — министра в 1940 году. ФДР полагал, что Черчилль лучше, чем Чемберлен, но не более того. Фактически Рузвельт просил Черчилля писать ему напрямую после его возвращения в Адмиралтейство в сентябре 1939 года, что в итоге превратилось в переписку между «военным моряком и бывшим военным моряком». За это время они обменялись в общей сложности десятью письмами. Несмотря на это, Рузвельт, по — видимому, не смог целиком преодолеть определенное пренебрежение Черчилля к своей особе, когда в бытность свою заместителем военно — морского министра Франклин познакомился с будущим премьер — министром в Лондоне в 1919 году.

Следующим толчком послужил недавний доклад Самнера Уэллса, заместителя государственного секретаря Корделла Халла, которого Рузвельт посылал в турне по Европе в период с февраля по март 1940 года с тем, чтобы проверить, насколько его тезис о том, что «дела в Европе идут все хуже» оправдает его решение баллотироваться на третий срок. Уэллс был умным человеком, настолько тонким и изощренным политиком, насколько был груб и прямолинеен Халл. Тем не менее, его миссия, по крайней мере

с точки зрения Великобритании, была настолько неудачной, насколько это можно себе представить. Она полностью отличалась в худшую сторону от той, которую предпринял Гарри Гопкинс спустя один год.

Уэллс посетил Париж, Берлин, Рим и Лондон. Он остался под впечатлением от Гитлера, частично по не имеющей отношения к делу причине, — тот говорил на чистом простом немецком языке, и Уэллс смог понять каждое слово (Де Голль, с некоторыми поправками, по его оценкам, должен был стоять ничуть не ниже). Еще сильнее Уэллса поразил Муссолини. Европейский государственный муж, который произвел наиболее неприятное впечатление на Уэллса, был Черчилль. Уэллс увидел в нем человека, насквозь пропитанного виски, потворствующего своим желаниям (он сообщает о двадцатичетырехдюймовой сигаре, хотя, на деле, сигара Черчилля был вполовину меньше, более того, он ее чаще всего просто жевал, а не курил), и невыносимо болтливого. Его рапорт, несомненно, в какой-то степени повлиял на Рузвельта, который в апреле произнес одну из своих наиболее сентенциозных речей и для англичанина того периода имела невыносимо снисходительные замечания: «Я прихожу в бешенство, — говорил ФДР Моргентау, — думая о том, где был британский флот, когда немцы входили в Берген и Осло. Это просто возмутительно!» Возможно, это так. Конечно, Британия провела Норвежскую кампанию не наилучшим образом. Как ни странно, но вследствие такого неграмотного управления история преподнесла наиболее великодушный подарок — Черчилля. Последний был ответственным министром, в мгновение ока получившим наивысший пост в стране, о котором год или два назад не смел и мечтать. Но Рузвельт, по — прежнему сохранявший нейтралитет в действиях, если не в мыслях, был не тем человеком, который имел право говорить такое.

Уважение Рузвельта к Черчиллю многократно возросло, когда после разгрома Франции премьер — министр Великобритании, вероятно от природы, наибольший франкофил из всех британских премьеров двадцатого столетия (возможно, за исключением Энтони Идена), вступил в жестокий бой с превосходящим по силе французским флотом в трех точках прибрежной зоны Северной Африки в начале июля. Парадокс заключается в том, что это событие возымело такой же эффект на американского либерального президента, как и на правых «заднескамеечников» [68] от партии тори в Палате общин, которые были ярыми сторонниками Чемберлена. И впервые, после того как Черчилль разгромил несколько французских кораблей близ порта Оран, Рузвельт понял, что он готов взяться за дело решительно.

Эта новая уверенность, однако, не помешала ему взять в команду Уэнделла Уилки, своего оппонента от Республиканской партии, который, по существу, являлся либеральным интернационалистом. Основная размолвка между ним и Рузвельтом состояла в том, что как президент корпорации *Commonwealth & Southern Electric У*илки не был в восторге от плана Рузвельта дать Югу дешевую электроэнергию. Кампания 1940 года, если оценить ее со стороны и в ретроспективе, кажется мне наиболее дискредитирующей иллюстрацией в истории США на предмет того, как партийная политика превращает в шутов многих при других обстоятельствах замечательных людей. Президент, которого убедили баллотироваться на третий срок, и взъерошенный промышленник, который, пытаясь расстроить его планы на победу (и ему это удалось лучше, чем Гуверу в 1932–м или Лэндону в 1936–м), активно продвигал идею о невмешательстве США в дела Европы, во что не верил ни один из кандидатов. Уилки все чаще говорил, что ФДР подстрекает страну к военным действиям. Рузвельт, в своей знаменитой речи в Бостоне 30 октября, дал следующий ответ: «Мы не будем принимать участия во внешних войнах, и мы не хотим, чтобы наши сухопутные, морские и воздушные силы воевали за пределами нашего континента, если речь не идет о нападении на США». Затем в Филадельфии он пошел еще дальше, заявив: «Ваши сыновья не будут принимать участие ни в одной из внешних войнах». Как видим, здесь «если речь не идет о нападении на США» было и вовсе выпущено. Как бы там ни было — наблюдались признаки того, что на этом этапе, когда немецкие бомбардировщики по ночам бомбят Лондон, мысли американцев в пользу политики вмешательства опережали президентские — его обманный маневр сработал. 5 ноября 1940 года Рузвельт победил Уилки в соотношении 27 миллионов голосов избирателей против 22 миллионов. ФДР также одержал победу в тридцати восьми штатах, что дало ему перевес в коллегии выборщиков в соотношении 449 к 82 голосам. Эта победа не была повторением триумфа 1936–го или даже 1932 годов, но это была достаточно уверенная победа для первого человека в истории США, который избирался на должность президента в третий раз. ФДР сразу же стал наиболее популярным и наиболее одиозным из тридцати двух американских президентов.

Глава 6 Опять война

Личным практическим (в отличие от риторики) вкладом Рузвельта в дело Антигитлеровской коалиции стало подписание 3 сентября 1940 года договора об «эскадренных миноносцах в обмен на базы» между Великобританией и США. Это соглашение не было достигнуто в одночасье. Черчилль, в более императивной форме, чем он себе обычно позволял в общении с Рузвельтом, писал тридцатого июля: «Я не понимаю, почему при существующей ситуации Вы не можете прислать мне 50–60 ваших самых изношенных эсминцев… Господин Президент, с глубочайшим уважением, должен сообщить Вам, что наступил критический момент в мировой истории, когда это необходимо осуществить немедленно». Договор был заключен пятью неделями позднее; он был выгоден для американцев не менее чем для британцев. Соединенные Штаты получили в долгосрочную аренду ряд ценных военных баз от Ньюфаундленда до Вест — Индии. Великобритания получила эсминцы, но они были настолько давние, что к февралю 1941 года только девять из них были пригодны к использованию, несмотря на недостаток кораблей во флоте Великобритании.

Тем не менее, Черчилль был благодарен, и двадцатого августа, еще до того, как о договоре можно было говорить во всеуслышание, хотя он уже был готов к подписанию, Черчилль произнес одну из своих наиболее памятных речей об англо — американских отношениях. Он сравнил их с течением большой реки: «Я не смог бы остановить этот поток, даже если бы захотел; никто не может его остановить. Как и Миссисипи, эта река непрерывно несет свои воды вперед. Только вперед. Пусть она будет полноводной, безбрежной и движется вперед, неумолимо, неудержимо, благотворно, к новым землям, к лучшим временам». Черчилль, конечно, пытался вести тонкую линию заигрывания с целью заставить Рузвельта принять его сторону. «Никогда ни один любовник не добивался внимания любовницы так решительно, как я добивался внимания Франклина Рузвельта», — скажет он через несколько лет [69]. И Черчилль делал это потому, что хорошо знал: Великобритания может стать важным бастионом сопротивления и в состоянии отсрочить поражение, но она никогда без помощи Соединенных Штатов не сможет одержать победу.

За неделю до того, как Черчилль произнес свою речь, Рузвельт с трудом преодолел гораздо более серьезный экзамен на прочность нервов, который имел мало отношения к внешнему

миру, и Британии в частности. Тринадцатого августа к Закону о воинском призыве была принята поправка об увеличении срока службы на шесть месяцев (Сенат принял ее с приличным запасом — соотношение голосов составило 50 к 45, хотя не все демократы присутствовали на заседании). Однако в Палате представителей разница была только в один голос «за» — 203 к 202. Без такого закона США остались бы без эффективной армии, а ФДР так и остался бы пастырем, проповедующим высокую мораль по причине собственного бессилия. Невозможно переоценить, какое сильное впечатление произвела на Рузвельта столь ничтожнейшая разница в голосах. Она только подчеркнула его инстинктивное ощущение той опасности, которой он подвергался, рискуя свалиться в пропасть. А еще она вызывала раздражение некоторыми членами администрации, в частности Айксом и самоуверенным новичком — республиканцем Стимсоном, которых поддерживали Нокс и министр юстиции Роберт Джексон, не понимавшие нежелания Рузвельта быть на шаг впереди общественного мнения.

Насколько же изменила взгляды и поведение Рузвельта избавительная победа на выборах и переизбрание на третий срок? В действительности, его взгляды не изменились — он всегда был интуитивно настроен против фашизма и потому радел за его уничтожение — но его поведение изменилось разительно. В то время как в США проходили выборы, Британия страдала от массированных ночных бомбардировок. Эти события вызвали более мощную волну сочувствия со стороны Америки, чем шесть месяцев назад. Американские корреспонденты во главе с Эдвардом Р. Марроу, с его бархатным голосом, проживавшие в отеле «Савой», большей частью окруженные роскошью и созданным ими же беспорядком, рисовали яркие картины упорства и стойкости Лондона. Эти репортажи оказали больше поддержки, чем репортажи тех дней, когда Вермахт шагал по Франции, а приходящая в упадок Британия, казалось, немногим лучше сможет противостоять немцам.

Существовало несколько признаков того, что Рузвельт внимательно прислушивался к мнению американцев вместо того, чтобы вести страну за собой. Однако в декабре 1940 года он принял два по — настоящему важных решения, оба в какой-то степени были ответами на письмо Черчилля от восьмого декабря, составленное после многих черновых вариантов. Джеймс Макгрегор Бернс назвал его, немного преувеличив, «вероятно, самым важным письмом в его [Черчилля] жизни». Хотя в нем содержались и некоторые моменты второстепенной важности, оно, по сути, являлось воззванием к США оказать более серьезную

поддержку (хотя нет, Черчилль убеждал президента предоставить Британии «обширную экспедиционную армию США») для битвы на севере Атлантики с целью ведения эффективных действий, в виду нынешней непосредственной угрозы. В письме также заключалась просьба о том, чтобы его страну не «пустили по миру» из-за требования США о наличной оплате по каждой единице оборудования. «Если, как я думаю, вы убеждены, господин Президент, — твердо закончил Черчилль, — что разгром нацистов и фашистской тирании является делом большой значимости для народа Соединенных Штатов и западного полушария, вы воспримите это письмо не как призыв о помощи, а как изложение минимальных требований, необходимых для достижения общей цели».

Президент получил письмо во время десятидневного круиза по Карибскому морю, в котором, помимо личного штата служащих, его сопровождал только Гарри Гопкинс. Немедленной реакции не последовало. Затем, по словам Гопкинса, несколько дней спустя, вечером «он [президент] вдруг выдал ответ — целую программу». Так на свет появился Закон о ленд — лизе.

Затем, по возвращению в Вашингтон, последовали две недели интенсивной работы и формирования окончательных решений. Результаты были предъявлены на пресс — конференции семнадцатого декабря. Речь была ярким примером самоуверенности Рузвельта и его любви к несколько хаотичному отступлению от формы — стилю, которого он придерживался во многих своих важных выступлениях. Черчилль, вероятно, считал пресс — конференции недостаточно резонансными способами выражения своей позиции и чувствовал сомнения (притворные) по поводу своей способности изложить самые важные слова в единственной плохо подготовленной речи. «Итак, что я намерен делать, — начал Рузвельт свою главную мысль с интонацией, которую можно было бы принять за полную сомнений убежденность, — так это изъять из обращения денежные знаки… избавиться от глупого и бестолкового разговора о деньгах». Затем он продолжил речь, приведя пример одного из наиболее известных сравнений двадцатого века.

«Итак, разрешите привести пример: предположим, дом моего соседа горит, а длина моего садового шланга четыреста или пятьсот футов. Если я возьму свой садовый шланг и соединю его с его гидрантом, я смогу помочь ему погасить пожар. Ну, как мне поступить? Я же не сообщаю ему до того как гасить огонь: „Сосед, мой шланг стоит пятнадцать долларов; тебе придется заплатить мне за него пятнадцать долларов“. Как назвать такую сделку? Мне не нужно пятнадцати долларов — мне нужен мой садовый

шланг после тушения пожара. Хорошо. Если шланг не пострадает от огня, не получит повреждений, сосед отдаст его и будет премного благодарен за помощь. Но предположим, что шланг все же испорчен огнем — весь в дырах. Нам для этого не понадобится соблюдать слишком уж серьезных формальностей. …Он говорит: „Ладно, я возмещу тебе ущерб“. В итоге, если я получу прекрасный садовый шланг назад, я буду доволен».

Это сравнение было так же невероятно безыскусным, как и вводило в заблуждение. Каким образом он представлял, что Британия вернет ему танки и эсминцы в целости и сохранности после войны или восстановит их, если бы они были разбиты в пух и прах, или какую бы пользу такая техника принесла США, если бы ее вернули, остается неясным. Однако речь возымела свой эффект и получила положительный отклик американского народа, а также давала огромное преимущество, поскольку, несмотря на несколько выступлений Рузвельта, в этом полумраке между миром и войной два шага вперед не были ослаблены одним шагом назад на последующей пресс — конференции. Вероятно, было очень выгодно начать с пресс — конференции, а не с высокопарной речи, острые моменты из которой он слишком часто отрицал при встрече с прессой на следующий день.

В этот раз дополнительная встреча произошла в форме «беседы у камина» вечером 29 декабря, когда он, несмотря ни на что, подтвердил свое заявление. «Опыт последних двух лет, — начал Рузвельт, — несомненно доказал, что ни одна страна не может унять нацистов. Никому не под силу превратить тигра в котенка, просто почесывая его за ушком». Единственной оговоркой было: «В планах нашей национальной политики нет места войне. Ее единственная цель — уберечь страну и народ от цепких лап войны». Но ФДР быстро добавил: «Мы должны быть величайшим арсеналом демократии».

Вторым ключевым моментом того периода стало решение ФДР отправить в январе 1941 года Гарри Гопкинса с миссией в Англию. Гопкинс прибыл на гидросамолете девятого января; его встретил Брендан Брэкен, верный Пятница Черчилля, в порту города Пула, на побережье Дорсета. Гопкинса препроводили в Лондон, где его ожидал Черчилль, устроивший в его честь легкий ленч тет — а-тет, который продолжался до четырех часов. Затем Черчилль пригласил его с собой на выходные в Дичли — Парк, на севере Оксфордшира, который считался безопаснее резиденции Чекерс в безоблачные ночи, где представил его своим самым лихим друзьям. После этого, в ходе первого визита, который затянулся на месяц с небольшим — это вдвое дольше ожидаемого — Гопкинс провел одиннадцать вечеров, обедая с Черчиллем, три

выходных дня подряд он был его гостем в Чекерс, а также еще раз посетил Дичли. Из Дувра он видел занятый врагом противоположный берег Па-де — Кале, а еще побывал в Шотландии. Кроме того, ему показали флот в гавани Скапа — Флоу, после чего он наблюдал, как Черчилль решает вопросы с лейбористским муниципалитетом Глазго, который являлся одновременно центром «Красного Клайдсайда» и важным центром кораблестроения и военной промышленности.

Прием был великолепным и блестяще сработал, но такой эффект основывался на настоящем, хотя удивительном, родстве душ между Черчиллем и Гопкинсом. По сути, это стало возможным еще и потому, что Гопкинс, бедный мальчик из Су — Сити, ставший социальным работником в 1920–е и 1930–е, был, как многие из близкого окружения Черчилля, искушенным в житейских делах аутсайдером с небезупречной репутацией. У него был язвительный юмор, он любил делать ставки на ипподроме и чувствовал себя как дома в любой компании, где настроения были далеки от ханжеских. Вначале расположение Черчилля было основано на крайней точке зрения, выраженной Брэкеном, но принадлежащей Черчиллю, о том, что Гопкинс «был самым важным гостем, которого он когда-либо принимал в своей стране». А потом события развивались сами собой. По — моему мнению, Черчилль и Гопкинс были ближе, чем Черчилль и Рузвельт, в том плане, что они чувствовали себя непринужденно в компании друг друга. Две великие суперзвезды двадцатого столетия, два лидера западного мира, которые, объединившись, выиграли Вторую мировую войну (хотя им и потребовалась мощная поддержка со стороны Сталина), на самом деле нуждались в своих собственных свободных орбитах, несмотря на то, что периодически они были довольны общением друг с другом [70]. Гопкинс был важным связующим звеном между ними, но Черчилль был настроен иметь дело именно с этим отдельным звеном, а не с его начальством.

Пятнадцатого января Гопкинс произнес свое наиболее известное высказывание на обеде в Глазго в довольно тесном кругу (вероятно, человек тридцать). Находясь под впечатлением событий того дня и, вероятно, оказанного гостеприимства, он процитировал слова из Книги Руфи, говоря об англо — американских отношениях: «Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог — моим Богом». И добавил: «До самого конца». На глаза Черчилля навернулись слезы, впрочем, их всегда было достаточно легко вызвать, но в этом случае — обоснованно. Для него этот момент был таким же решающим, как и новости из

Перл — Харбор с последующим вынужденным вступлением в войну США.

Тем не менее, при безнадежных обстоятельствах начала 1941 года Великобритания не смогла бы выжить благодаря одной лишь Книге Руфи, потому Рузвельту пришлось предпринять определенные действия в поддержание эмоциональных слов Гопкинса. Таким действием стало принятие Закона о ленд — лизе. В середине февраля Рузвельт провел его через Палату: 260 конгрессменов проголосовали «за», 160 — «против»; в середине марта ленд — лиз одобрили в Сенате. Что еще важнее, Соединенные Штаты взяли на себя ответственность за западную половину Атлантики. Девятого апреля США получили право создавать базы в Гренландии, а через два дня Рузвельт заявил, что он расширяет границы территории, которую будет патрулировать флот США на полпути между крайней западной точкой Африки и крайней восточной точкой Бразилии. Такой была непосредственная и предсказуемая реакция на крайнюю беспомощность Великобритании тех времен, когда действия немецких подводных лодок служили серьезным препятствием в функционировании североатлантических водных путей. Ленд — лиз не представлял бы ценности, если бы материальная составляющая, сколько бы за нее ни платили, не могла быть получена иначе, кроме как ценой неприемлемых потерь в море. Это также означало, что Черчилль мог утешать себя мыслью о том, что такие потери помогли осуществить его идею фикс о вступлении США в войну. Действительно, события, произошедшие в течение восьми месяцев между этим периодом и нападением на Перл — Харбор, несмотря на желание Гитлера не провоцировать Америку, приблизили США к вступлению в войну. Если бы не существовало проблемы Японии, сложно представить, сколько времени понадобилось бы осторожному Рузвельту, несмотря на его воинственность в 1914–17 гг., чтобы последовать примеру Вудро Вильсона и начать войну за Атлантику. Его обязательства по обороне судоходных путей усилились после принятого в июле 1940 года решения ввести вместо английских войск американские войска в Исландию. Очевидно, что ФДР очень хотел помочь Великобритании, но опасался идти впереди общественного мнения и мнения Конгресса.

Шаги, предпринятые американцами в какой-то степени стали компенсацией за неудачи в Европе. В начале апреля 1941 года немцы напали на Югославию и Грецию. Через неделю агрессоры были в Белграде. Через две недели Греция была разгромлена и вынуждена капитулировать. В это время на территории Югославии и Греции находились британские войска в количестве

55 тысяч человек. Британцам отрезали путь отступления в Египет, многие из них погибли. Греки и британцы отступили на остров Крит, против которого немцы провели блестящую воздушно — десантную операцию. Крит держал оборону до начала июня, но вынужденная эвакуация, увековеченная в одном из томов трилогии о войне «*Офицеры и джентльмены*» Ивлина Во, добавила в копилку Британии еще одно поражение. В то время ходила беспощадная шутка о том, что в военной науке британцы только в одном превосходили Германию — в искусстве отступать, поскольку намного чаще практиковали отступление. Если не считать бои за Великобританию, немцы, очевидно, все еще выигрывали эту войну.

Тем не менее, Рузвельт продолжал свою политику в надежде, что события продвинут США в сторону усиления политики вмешательства. 25 апреля на заседании Кабинета он сообщил всем недовольным, что расширение зоны патрулирования Атлантики было «шагом вперед». Стимсон ответил: «Что ж, я надеюсь, вы продолжите шагать, господин Президент. Шагайте», — остроумная реплика, которая вызвала смех и одобрение за круглым столом. Несколько членов Кабинета отметили, что они никогда еще не слышали, чтобы с президентом говорили таким тоном в его собственном Кабинете министров. Обычно, будь то заседание Кабинета или пресс — конференция, президент произносил шутки, на которые аудитория реагировала льстивым смехом. То, что в этот раз ситуация была кардинально противоположной, отображает недостатки назначения республиканца, пожилого человека, которому было нечего терять, в котором нуждались больше, чем он сам нуждался в ком-то: всегда очень сильная позиция для номинального подчиненного.

Некоторые полагали, что Рузвельт в начале лета 1941 года искал повод, который Гитлер старался ему не дать. Вероятно, наиболее значительным вкладом Рузвельта в июне было решение не осложнять ситуацию, когда Гитлер начал операцию «Барбаросса» против России, а Черчилль хотел предложить помощь Советскому Союзу. По этому поводу Черчилль произвел на свет (в частном разговоре) острохарактерный афоризм: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я бы замолвил за дьявола словечко». Парадокс заключался в том, что Черчиллю, более чем Рузвельту, приписывали серьезные антикоммунистические настроения (почти навязчивые). С другой стороны, ФДР руководил страной, в которой антикоммунистический невроз был выражен сильнее, чем в Британии. Кроме того, Рузвельт более чутко прислушивался к общественному мнению, чем Черчилль. Немедленным следствием восторженного согласия Рузвельта стало то, что они с

Черчиллем сошлись во мнении предоставить помощь России. Таким образом, в течение двадцати четырех часов после нападения Германии Черчилль выступил по радио с речью, главным положением которой стало: «Любой человек или государство, которое борется против нацизма, получит нашу поддержку». В отношении Белого дома он не рисковал.

Таким образом, ответ на вторжение Гитлера в Россию не навредил англо — американским отношениям. Наоборот, Рузвельт и Черчилль были тесно связаны, хотя и не стальными обручами, в мрачной уверенности, что Красная Армия сможет держать оборону против Вермахта лишь несколько месяцев, но в их общих интересах было растянуть это время как можно на дольше.

Тем временем полным ходом шли приготовления к встрече, спланированной Гопкинсом, между его старым (но не развенчанным) героем Рузвельтом и его новым героем Черчиллем. Стремление прояснить ситуацию с обеих сторон явилось толчком к совместным действиям. Встреча состоялась в заливе Пласентия, Ньюфаундленд, в середине августа 1941 года. ФДР прибыл на американском крейсере, на который он тайно пересел с президентской яхты близ острова Мартас — Винъярд. Черчилль из более скромной по размерам страны пожелал прибыть на большем корабле с тем оправданием, что ему пришлось пересечь океан, а не просто обогнуть восточное побережье Америки. В первый же день (в субботу) Черчилль отправился приветствовать Рузвельта на американский корабль *Augusta.* На встрече премьер — министр передал ему письмо от Короля Георга VI, по своему содержанию напоминающее рекомендательное. По какому-то удивительному стечению обстоятельств и потому, что монарший государственный визит в США 1939 года включал выходные в Гайд — Парке, на тот момент король знал Рузвельта гораздо лучше, чем Черчилль. Рузвельт принял письмо и его предъявителя со словами, вселяющими надежду — «наконец-то мы встретились».

В первый же день Черчилль отобедал и отужинал на корабле Августа: на обед были приглашены только Рузвельт, Черчилль и Гопкинс, на ужин — весь высший офицерский состав обеих стран [71]. После этого Черчилля попросили дать оценку военной ситуации. На следующий день Рузвельт нанес визит на британский корабль, где под тяжелыми артиллерийскими орудиями состоялась военно — церковная служба. Выбор гимнов был под стать моменту: «*За тех, кто в опасности в море»* (в Америке известен под названием «*Вечный Боже, спаси и сохрани»*), «*Вперед, воины Христовы»* и «*О, Господи, наша помощь в столетьях*

минувших». Вся команда корабля присоединилась к гимну — Рузвельт и Черчилль были весьма тронуты. Событие, в особенности первый исполненный гимн, впоследствии стало пророческим в отношении британских матросов и офицеров. Многие из них утонули, когда этот большой линкор был потоплен японцами близ полуострова Малакка в Малайзии четыре месяца спустя.

После службы подали английский обед — никакого сухого закона, конечно, — затем последовали два дня официальных встреч. Во вторник после полудня корабли отплыли в разных направлениях. В каком-то смысле наиболее важной частью встречи было установление отношений между начальниками служб двух стран, что стало абсолютно необходимо в 1942, 1943 и 1944 годах. Президент и премьер — министр также сделали значительные шаги навстречу друг другу. Их совместное коммюнике, которое позднее станет известным под названием Атлантическая хартия, привлекло много внимания, но это, пожалуй, было наименее важным событием встречи. Коммюнике, конечно, не обязывало Рузвельта вступать в войну или проводить жесткую линию предупреждения по отношению к Японии, чего хотела Великобритания. Большая часть документа состояла из восьми довольно туманных пунктов послевоенного устройства мира; никакого вреда в ней не усматривалось, но Черчилль инстинктивно полагал, что победа над Гитлером — это значимая военная цель, и Рузвельта могли бы обвинить в том, что он опережает события, провозгласив цели войны, в которую он еще не вступил. В действительности, ФДР уже озвучил военные цели, когда изложил в своем январском обращении «О положении в стране» концепцию Четырех свобод: свободы слова, свободы вероисповедания, свободы от нужды и свободы от страха.

По возвращении в Вашингтон Рузвельт подготовил один из своих знаменитых «танцев» — два шага вперед и шаг назад. Когда его спросили о значении встречи в Ньюфаундленде, он ответил: «Обмен мнениями. Вот и все. Ничего больше». На вопрос о том, приблизились ли США хоть на шаг к тому, чтобы вступить в войну, ФДР сказал: «Я бы сказал, „нет“». Дебаты между изоляционистами и сторонниками вмешательства становились с каждым днем все ожесточеннее. Чарльз О. Линдберг, национальный герой, заявил, что «три наиболее важные группы, которые насильно склоняют страну к войне, — это британцы, евреи и администрация Рузвельта».

Общее отношение к еврейскому вопросу у Рузвельта было несколько противоречивым. Среди его советников было много евреев, и отчаянные оппоненты поносили его «новый курс»,

называя его «еврейским». Однако иммиграционные законы ограничивали въезд беженцев после жестоких погромов Гитлера, и антисемитизм с хорошими манерами того времени повлиял на Госдепартамент, в частности на друга ФДР из администрации Вильсона, Брекинриджа Лонга, который на тот момент был ответственным за выдачу виз беженцам. Тем не менее, в конечном итоге, как напоминает нам Герхард Л. Вайнберг, Соединенные Штаты «приняли в два раза больше еврейских беженцев, чем все остальные страны вместе взятые — около 200 тыс. из 300 тыс. человек».

Сменяя один испанский танец другим, Рузвельт добавил к каталонской сардане, в которой довольно уныло чередовал шаги назад и вперед, гораздо более сложный танец фанданго с японцами. Здесь трудности были практически бесконечные. Корделл Халл работал над урегулированием проблемы. Периодически на содействие соглашался император Хирохито (однако довольно слабо как для такой богоподобной и величественной особы) вместе со своим премьер — министром, принцем Фумимаро Коноэ, и двумя японскими послами: одним — постоянным, вторым — чрезвычайным. С другой стороны, американский посол в Токио Джозеф К. Грю, как и сам Рузвельт, окончивший школу Гротон, являл собой яркий пример посла, который не перенял местные обычаи и предпочитал держаться жесткой позиции. Точно так же вели себя и Стимсон, Айкс и Нокс. В Японии большинство военных начальников тоже гнули свою линию. В октябре премьер — министр Коноэ ушел в отставку, измученный сложными «па»; ему на смену пришел гораздо более воинственный Тодзио. Несмотря на это, Корделл Халл продолжал вести диалог (говорят, что он провел, по крайней мере, сто часов в переговорах с японским послом Кичисабуро Номура в Госдепартаменте), и его настойчивое желание прийти к соглашению полностью соответствовало мнению Рузвельта по этому вопросу. Одна второстепенная и одна веская причины заставляли Рузвельта соблюдать осторожность. Второстепенная причина — присущие ему постоянные сомнения. Веская — ФДР был полон решимости, если дело дойдет до войны, избрать Атлантическую стратегию: «сначала Германия». Ему, как сторонникy мнения американского народа, было бы легче сделать выбор в пользу Тихоокеанской стратегии. Британии повезло, что безотчетное предпочтение Рузвельта было обратным. Президент даже намеревался перебросить часть Тихоокеанского флота с Гавайских островов в Атлантику.

Когда Рузвельт одобрил эмбарго на поставки нефти, чтобы продемонстрировать свое негативное отношение к войне,

которую Япония развернула в Китае, и оккупации французского Индокитая, он не имел намерения тотчас втянуть Японию в войну с Соединенными Штатами. Именно Айкс был в ответе за драконовские меры эмбарго. Когда Рузвельт узнал об этом как о свершившемся факте он не стал отменять эмбарго. Вероятно, для Японии это стало основной причиной начала войны.

Тем не менее, переговоры Халла с японскими послами продолжались по требованию последних. Потому, когда без всякого предупреждения было совершено нападение на Перл — Харбор, целиком и полностью можно понять, что президент и Халл восприняли это как предательство. Когда в воскресенье седьмого декабря, в два часа дня (по Вашингтонскому времени и через час после атаки), Номура прибыл в Госдепартамент с целью объявить войну, Халл ответил с оскорбленным достоинством южанина: «За все пятьдесят лет государственной службы я ни разу не видел документа, в котором было бы столько постыдной лжи и искаженной правды — настолько необъятной постыдной лжи и искаженной правды, что я представить себе не мог до сегодняшнего дня, что какое-либо правительство на планете сможет выразить их словами». Рузвельт, большой мастер кратких и запоминающихся изречений, отозвался о седьмом декабря в своем обращении к Конгрессу на следующий день, как о «дате, которая будет жить в бесславии». В своей речи президент просил об объявлении войны Японии (едва ли это было бы сложно), а не Германии или Италии. Это решение оставили за Гитлером — удобно, но неблагоразумно. Несколько дней спустя Германия объявляет войну США. Италия послушно следует ее примеру.

Расходилась ли данное положение вещей с желанием Рузвельта? Крайней точкой зрения является то, что Рузвельт (посредством проекта Мэджик — дешифровки информации японской шифровальной машины, которую американцы на тот момент уже взломали) знал заранее о нападении на военную базу Перл — Харбор, но решил проигнорировать предупреждение, чтобы гарантировать вхождение США в войну. Это совершенный нонсенс. Мысль о том, что самый большой любитель флота из всех президентов США оставил на произвол судьбы восемь линкоров, поставленных на швартовы, чтобы японцы уничтожили их или нанесли серьезные повреждения, абсурдна. Более того, для такого заговора ему понадобилось бы согласие Стимсона и Нокса, а также генерала Джорджа Маршалла и адмирала Гарольда Старка. Кроме того, не было никакого смысла в уничтожении кораблей, пришвартованных у причалов, если их можно было предупредить об опасности и увести в море. Любая, самая безуспешная атака Японии была бы таким же *casus belli*, то

есть формальным поводом к объявлению войны. Но это нападение задумывалось как смертельное и беспощадное, которое, с учетом поражения британцев в районе Сингапура, временно сосредоточило в руках японцев контроль над всеми океанами, за исключением Атлантического.

Так же существует мнение, что за всем случившимся стоит Великобритания. Несомненно, Черчилль горел желанием, во что бы то ни стало, вовлечь США в войну. Когда Черчилль узнал о нападении на Перл — Харбор, он с циничной откровенностью заявил: «В конечном итоге, победа за нами». Причастен ли старый империалист к тому, каким образом США вошли в войну, другой вопрос. События, связанные с Перл — Харбор, привели к величайшим поражениям Британской империи за всю историю ее существования: линкор *Prince of Wales и* крейсер *Repulse о*казались на дне океана; Малакка, Сингапур, а вскоре и Гонконг были оккупированы новым врагом. Эти неудачи привели к тому, что начало 1942 года — один из худших периодов в премьерстве Черчилля во время войны.

Более того, вторым по значимости после желания видеть США вовлеченными в войну, было желание, чтобы, вступив в войну, Штаты отдали предпочтение театру военных действий на Атлантике, а не в Тихоокеанском регионе. На пути в Чесапикский залив, на другом линкоре, отправившись туда менее чем через неделю, Черчилль провел большую часть своего рабочего времени в размышлениях о том, как убедить президента. В Белом доме он обнаружил, к своему удивлению и радости, что ломится в открытые двери. Но организация (даже если бы он мог такое устроить) разрушительного нападения на Перл — Харбор вряд ли бы была эффективным методом, чтобы повлиять на это решение.

Итак, можно однозначно утверждать, что ни Рузвельт, ни Черчилль не принимали участия в организации нападения на Перл — Харбор. Отдельным вопросом является то, надеялся ли один из них или даже оба осенью 1941 года на возникновение какого-либо инцидента, желательно в Атлантике, который заставил бы США вступить в войну. В случае с Черчиллем ответ, естественно, да. В случае с Рузвельтом все гораздо более неопределенно. Летом 1941 года он заявил Айксу, что «не желает стрелять первым», а в разговоре с Моргентау сообщил: «Я жду, что меня втянут в эту ситуацию в силу не зависящих от меня обстоятельств». Джеймс Макгрегор Бернс полагает, что если и существовал момент, когда президент сознательно принимал решение между помощью Британии, чтобы остаться вне войны, или помощью Британии с целью принять войну, то июль 1941 года, вероятно, был тем самым моментом. С другой стороны, по

словам Гарри Гопкинса, когда седьмого декабря во время ленча с Рузвельтом стали приходить новости из Перл — Харбор, президент подробно обсуждал все возможные усилия против вовлечения страны в войну, и его искреннее желание было закончить срок президентства без войны. Однако, если действия Японии подтвердятся, то это коренным образом поменяет его планы, поскольку японцы приняли решение вместо него.

Гопкинс не помнит событий того дня с точностью до секунды, но попытался задокументировать их максимально правдиво. И это, вероятно, был тот самый момент, а Гопкинс тот самый собеседник, в который и которому Рузвельт, как можно ожидать, мог бы открыть свои сокровенные мысли. Тем не менее, вердикт таков: Рузвельт подошел к войне со свойственными ему сомнениями. Но как только он принял для себя такое решение, все сомнения исчезли. Теперь ФДР задался четкой целью стать президентом, который одержит победу в величайшей войне за всю историю США.

Глава 7 Ожесточенная борьба: декабрь 1941 — июль 1944 гг

Оглядываясь назад, кажется невероятным, что, несмотря на то, что Соединенные Штаты вступили в войну, а российский фронт уже держался шесть месяцев, победа союзников не была делом предрешенным. В данном контексте актуальным представляется изречение: «Мы не должны забывать, что было время, когда события дня сегодняшнего в прошлом были событиями дня грядущего». Если бы немцы первыми создали атомную бомбу или если бы они прорвались на Кавказ, а не были разгромлены под Сталинградом; если бы североатлантический канал снабжения ослабевал; если бы под давлением (преимущественно со стороны Советского Союза, но, в определенной степени, и США) Западные Союзники согласились раньше времени открыть второй фронт во Франции и были бы, вследствие неподготовленного наступления англо — американских войск, с чудовищными потерями сброшены в море; если бы даже последняя волна воздушных бомбардировок Великобритании с использованием зловещих крылатых ракет ФАУ-1 и ФАУ-2 затянулась на более длительный срок — ход войны, в случае создания атомной бомбы, мог пойти по другому сценарию, а по всем остальным сценариям победа могла бы быть отсрочена лет на пять.

Каков же вклад Рузвельта в дело сдерживания этих опасных событий и в их благоприятный исход? Во — первых, его слава и его личность практически без усилий сделали его общепризнанным лидером Западных Союзников. В начале 1942 года Черчилль после короткого отдыха в Оттаве вернулся в Вашингтон для создания Объединенных Наций [72] (название, которое с тех пор вводит в заблуждение из-за схожести названий с Организацией Объединенных Наций, созданной в 1945 году) — основного органа, отвечавшего за организацию совместных действий Союзников в войне. У участников Вашингтонской конференции не возникло споров по поводу того, что первой стороной, подписавшей Декларацию Объединенных Наций, будут Соединенные Штаты, а второй — Великобритания. Однако провалилось первоначальное предложение о том, что страны Британского Содружества (бывшие доминионы Великобритании) должны стать третьей подписавшейся стороной, а восемь европейских правительств в изгнании, в Лондоне и в Каире, — четвертой, тогда как Китаю и СССР было предложено замыкать

список. После совещания Китаю и СССР отдали третью и четвертую позиции соответственно. Несомненно, заслуживает внимания тот факт, что никому из Союзников даже не пришло в голову, что США, только недавно вошедшие в войну, могут занять какую-либо другую позицию, кроме первой.

Можно привести слабый аргумент, что это стало возможным вследствие того, что Рузвельт был единственным главой правительства среди Союзников, который являлся к тому же главой государства. На формальном уровне это могло бы быть в равной степени верно пятьдесят лет назад, но тогда никто бы даже не посмел допустить, что на международной встрече президенту Бенджамину Гаррисону предложили бы возглавить заседание, отодвинув лорда Солсбери, премьер — министра Великобритании того времени. Фактически председательство президента началось с церемонии подписания в Белом доме 1 января 1942 года Декларации Объединенных Наций, а личность и всемирная слава Рузвельта оказали ему в этом неоценимую услугу. Я сомневаюсь, что Черчилль, а тем более Сталин так же легко уступили бы главенство Уилки, не говоря уже о Стимсоне и Фарли, если бы кто-нибудь из них одержал победу на президентских выборах 1940 года. Стиль руководства Рузвельта внутри государства был гораздо спокойнее, чем стиль Черчилля, более невозмутимый, можно сказать, и, безусловно, несравнимо менее авторитарный, чем у Сталина.

На первой результативной встрече политических и военных представителей высшего эшелона власти двух стран — речь идет о Первой Вашингтонской конференции (конференция Аркадия) в декабре 1941–январе 1942 гг. — американская сторона пришла в изумление от беспрерывной суматохи британских секретарей, торопливо снующих из зала и обратно с тяжелыми красными вализами для официальных бумаг, которыми министры Великобритании пытаются впечатлить мир, продолжая использовать их в качестве исторических символов великих имперских обязательств. Сегодня эта традиция вызывает легкое недоумение у коллег Великобритании по Европейскому Союзу. Британцы, со своей стороны, были поражены атмосферой относительного спокойствия в стане американцев, а так же тем, что Рузвельт работал в гораздо более обособленной манере, чем Черчилль. Они здраво отнесли это не к апатичности, но к уверенному стилю руководства президента. В дневниках фельдмаршала лорда Аланбрука, начальника Имперского генерального штаба Великобритании с 1941 по 1946 гг., читаем иногда восторженные, но чаще критические строки, в частности о том, как он был вынужден просиживать на ночных заседаниях с

Черчиллем несколько раз в неделю, а также составлять мириады протоколов по просьбе премьер — министра.

Рузвельт встречался со своим начальником Генштаба генералом Джорджем Маршаллом не чаще нескольких раз в месяц, и никогда ночью, и редко просил его составлять протоколы, только лишь по случаю, для периодического официального утверждения. На деле оба начальника практически всегда в спорах со своим политическим начальством добивались своего, хотя Аланбруку с Черчиллем, которого он считал гениальным политиком и некомпетентным военным, приходилось спорить намного больше.

Тем не менее, Рузвельт никогда не выпускал из своих рук стратегию, и в дальнейшем ходе войны его влияние в Западном альянсе постоянно возрастало. Сначала Черчилль, если не по форме, то по сути, овеянный ореолом военной славы, в то время как Рузвельт занимался своими внутренними проблемами, мог претендовать если не на некоторое превосходство, то, по крайней мере, на равную позицию в этом дуэте. Так было на Первой Вашингтонской конференции (конференции «Аркадия») и, вероятно, на начальном этапе визита Черчилля в Гайд — Парк и Вашингтон в июне 1942 года. Однако в середине этого второго визита стало известно, что тридцатипятитысячный британский гарнизон в Тобруке — крепости в Восточной Киренаике — капитулировал, тем самым сведя на нет победы генерала Уэйвелла в Ливийской пустыне Египта и Ливии [73]. Вследствие этого Черчилль почувствовал необходимость заручиться американской психологической поддержкой; и с этого момента он начал сдавать свои позиции. К конференции в Касабланке в январе 1943 года Соединенные Штаты постепенно становятся признанным лидером Запада. Несмотря на это, генерал Маршалл и военный министр Стимсон считали, что Великобритания хитростью вынудила их принять «средиземноморскую», или балканскую, стратегию, вместо того чтобы избрать собственную, более сильную, и нанести удар по врагу во Франции [74], у выступа Западного вала (между Кале и Гавром). Однако именно Рузвельт выступил в роли главной свахи, пытаясь свести во временный брак без любви французских генералов де Голля и Жиро. Впервые фраза «человек блестящий — блестящий от носков сапог до верха голенищ» была высказана в отношении фельдмаршала Хейга, командующего британскими войсками во Франции во время Первой мировой войны. Но она как нельзя лучше подходит для описания Жиро. Де Голль быстро «съел» предполагаемого партнера. С гораздо более впечатляющим результатом Рузвельту удалось уговорить Черчилля поддержать

его неожиданно провозглашенную доктрину о безоговорочной капитуляции, которая, по неоднозначной оценке Эйзенхауэра, затянула войну на срок от двух до трех месяцев.

Превосходство американцев стало еще очевидней на Третьей Вашингтонской конференции под кодовым названием «Трайдент» в мае 1943 года, когда сам Рузвельт, как бы сильно он не противился разного рода конфронтациям, напрямую подверг сомнению периферийную стратегию Черчилля, направленную на Италию и Балканы. Доминирование Рузвельта усилилось и на двух англо — американских конференциях в Квебеке в августе 1943 и сентябре 1944 годов, и нашло свое подтверждение на двух трехсторонних конференциях, уже с участием Сталина: в ноябре 1943 года — в Тегеране, и в январе 1945–го — в Ялте. К моменту проведения конференции в Тегеране, а тем более, к Ялтинской конференции, русские превратились из угрюмых просителей англо — американской помощи (какими они были в 1941 году) в доминирующую военную силу в Европе. Сталинградская битва осенью 1942 года приблизительно совпала во времени со сражением при Эль — Аламейне, которое предотвратило наступление гитлеровской коалиции на Египет. В собственных глазах Великобритании существовала естественная тенденция считать себя главной действующей силой в войне. Но если сравнивать эти две битвы, необходимо вспомнить, что при Эль — Аламейне были задействованы две с половиной немецкие дивизии (и значительно большее количество итальянских), тогда как близ Сталинграда было 168 немецких дивизий.

Увеличение влияния США на западе произошло, в большей степени, благодаря наращиванию военной мощи американцев. В начале 1943 года численность британских войск на северо — западе Европы составляла лишь одну треть от числа американских. Но военная мощь США еще сильнее зависела от производства американцами боевой техники. Именно это, вместе с многомиллионной и постоянно пополняющей свои ряды в случае серьезных потерь личного состава Красной Армии, сделало поражение Антигитлеровской коалиции после 1942 года практически немыслимым. Вопрос заключался в том, сколько времени понадобится для победы и каких жертв она потребует. Организация работы промышленности США для военных потребностей зависела в значительной степени от правительства, и здесь у Рузвельта были все возможные рычаги влияния. С самого начала он изложил очень честолюбивые цели, к достижению которых многие из его аудитории отнеслись скептически, в то время как военное командование и вовсе выразило полное недоверие. В своем обращении «О положении

страны» 6 января 1942 года он заявил, что производство самолетов должно быть увеличено до 60 тыс. в 1942–м и до 125 тыс. в 1943 году. Производство танков должно было возрасти до 25 тыс. и 75 тыс., зениток — до 20 тыс. и 35 тыс. в 1942 и в 1943 годах соответственно. И, вероятно, наиболее существенно — строительство торговых судов должно было вырасти до шести миллионов тонн в 1942–м (по сравнению с 1,1 миллиона в 1941 г.) и до десяти миллионов тонн в 1943 году. Эти планы были не только выполнены, но в некоторых случаях и перевыполнены.

Какой вклад внес Рузвельт в дело совместной работы органов государственного управления и до сих пор враждебно настроенных капиталистов от промышленности? Президенту прекрасно удавалось то, что можно назвать монархическим аспектом поощрения военного производства. Он намеренно отстранился от партийной политики. Когда промежуточные выборы 1942 года привели к потере сорока четырех мест в Палате представителей и девяти мест в Сенате, тем самым создав почти равный баланс сил в Конгрессе, — то с чем президент еще никогда не сталкивался — его обвинили в том, что он упустил людей, которые его поддерживали и активно участвовали в его кампании. Однако два исключения из правила, в связи с его пассивным участием в жизни партии, вряд ли подтверждают мнение, что он мог бы спасти многих, лишь щелкнув пальцами. В штате Небраска Рузвельт активно поддерживал сенатора Джорджа Норриса, который потерпел поражение. А в штате Нью — Йорк, в его собственном округе Датчесс, он приложил все усилия, при мощной поддержке либерально настроенных республиканцев, чтобы избавиться от конгрессмена Гамильтона Фиша, который вместе с Бартоном и Мартином очернял репутацию Рузвельта во время кампании 1940 года. Фиш одержал триумфальную победу. ФДР также, используя парламентскую терминологию, «стал в пару» с Уэнделлом Уилки, которого он уговорил отправиться в мировое турне, таким образом, обе партии проводили кампанию 1942 года без участия людей, которые стояли во главе обеих партий последние два года. Промежуточные выборы 1942 года были примечательны появлением Томаса Э. Дьюи, который был избран губернатором штата Нью — Йорк с убедительным перевесом в 600 тыс. голосов, став первым с 1920 года республиканцем, которому это удалось. В действительности эти выборы привели к тому, что Дьюи, наряду с Уильямом Дженнингсом Брайаном и Эдлаем Стивенсоном, стал одним из трех величайших проигравших кандидатов в президенты двадцатого столетия. Он проиграл Рузвельту в 1944–м и Трумэну в 1948–м.

Во второй половине 1941 и в 1942 году Рузвельт был чрезвычайно недоволен продвижением дел в сфере промышленной мобилизации США. Производство росло, но слишком медленно, чтобы всецело удовлетворить многочисленные обязательства США: снарядить свои собственные силы, поддержать на должном уровне поставки в Великобританию, согласно Закону о ленд — лизе, и, начиная с середины лета, удовлетворить, по крайней мере, хотя бы часть растущих с каждым днем потребностей Сталина. Что касается последнего пункта, в общественном мнении американцев существовали серьезные сомнения по поводу того, следует ли вообще оказывать такую помощь. Изоляционисты, осознав свой проигрыш в вопросе помощи Великобритании, принялись яростно противодействовать помощи коммунистам.

Газета *Chicago Tribune*, экс — президент Гувер и сенатор Роберт А. Тафт (штат Огайо), который тогда только появился на государственной арене, составили трио сопротивления. Тафт заявил, что победа коммунистов будет гораздо более опасной, чем победа фашизма (маловероятная перспектива летом 1941 года; многие другие возражали против помощи России исходя из иных соображений, что это значило бы разбрасываться хорошей военной техникой после поставок устаревшей или, по крайней мере, непригодной). И даже такой здравомыслящий человек, как сенатор Гарри Трумэн выступил с довольно экстравагантной теорией, что, если бы Германия выигрывала войну, то Соединенным Штатам следовало бы помочь СССР, но, если бы побеждал СССР, то, вероятно, нужно будет поступить наоборот. Однако он все же добавил, что самое последнее, чему он хотел бы стать свидетелем, — так это победе нацистов. Сначала это звучит как невероятно глупое предложение от человека, который впоследствии проявит такой недюжинный здравый смысл, но, я полагаю, можно утверждать, что он фактически предвидел, заглядывая вперед, будущую блокаду Берлина в 1948 году.

Все эти тревожные сигналы и экскурсы нисколько не поколебали позицию Рузвельта. Он держался своих стратегических решений: о том, что Германия должна быть разбита первой, а уж за ней — Япония. И даже до того, как США вступили в войну, это означало, что помощь СССР является более важной, чем пособничество антикоммунистическим веяниям. В некоторой степени президент в этом вопросе последовал примеру Черчилля, который имел больше исторического багажа за плечами и который был ярым сторонником скорейшего подавления социалистической революции в России, тогда как Рузвельт (в ноябре 1933 года) стал первым американским

президентом, провозгласившим дипломатическое признание советского правительства. Однако политика помощи России была спонтанным выбором Рузвельта, как до, так и после Перл — Харбор. Затем он очень быстро осознал, что он лучше, чем Черчилль, может договориться со Сталиным, несмотря на то, что они впервые встретились только на Тегеранской конференции в октябре 1943 года. Тем не менее, в его предложении был некий смысл. Со времени визита Гопкинса в Москву в августе 1941 года наметились симптомы, которые обеспокоили Черчилля. Премьер осознал, что одна большая страна может понять другую большую страну лучше, чем советские могут понять маленький остров, считавший, что его «нашивки за ранение» в 1940 году заслуживают более внимательного отношения и уважения, чем выказали Союзники. Рузвельт время от времени предлагал, что поскольку он в лучших отношениях со Сталиным, то Союзные Силы только бы выиграли, если бы он провел с ним двухстороннюю встречу. Это всегда задевало Черчилля за живое, хотя сам он провел две двухсторонние встречи со Сталиным и не меньше шести с Рузвельтом. Факт остается фактом, Черчиллю удавалось расстроить любые незапланированные советско — американские встречи, однако премьер — министр был каждый раз серьезно обеспокоен, когда Рузвельт, как в Тегеране, так и в Ялте, пытался показать себя независимым в равной степени от обоих.

Невозмутимость ФДР по поводу принятия стратегических решений (причиной, вероятно, являлось то, что Рузвельт знал о военных делах меньше Черчилля) проявлялась в настойчивом желании следовать принципу «сначала Германия», даже когда Стимсон и Маршалл были встревожены тем, что президент так легко принял концепцию периферийной войны и «средиземноморскую» стратегию Черчилля. Пентагон настоятельно советовал ФДР по крайней мере пригрозить возможностью начать разыгрывать «японскую карту» первой, что, кроме всего прочего, соответствовало бы общественному мнению американцев. Рузвельт, однако, никогда не давал слабину в этом вопросе. Впрочем, на англо — американской встрече «Трайдент» (Третья Вашингтонская встреча) в мае 1943–го он почувствовал, что настал час говорить с Черчиллем без обиняков — в ограниченном кругу людей, а именно, в присутствии начальников штабов двух стран — о желании премьера развивать «балканскую» стратегию, в частности, о его навязчивой идее вовлечения в войну на стороне Союзников Турции.

В решении внутренних проблем страны деятельность Рузвельта была весьма неоднозначной. Президент

санкционировал интернирование этнических японцев (насильственное перемещение в специальные лагеря около 120 тысяч японцев с западного побережья США), причем это касалось как тех, кто все еще оставался поданным императора, так и рожденных в США, т. е. имеющих американское гражданство. Он разрушил их жизнь, отправив в лагеря, официально называвшиеся «военными центрами перемещения». Ответственным за данную операцию был назначен министр юстиции Фрэнсис Биддл (с целью справиться с его излишним либерализмом). От участия в диспутах о расовой сегрегации в армии президент отказался, полагая, что у него и так достаточно дел. Рузвельт посчитал, что назначение трех чернокожих полковников к концу 1942 года должно было бы стать адекватной мерой, чтобы смягчить ситуацию. Однако позволил, чтобы его любимый род войск, Военно — морские силы США, оставались почти полностью «белыми». Гораздо лучше удалось при посредничестве Комиссии по вопросам справедливого найма на работу обеспечить соответствующие возможности чернокожим на оборонных предприятиях. Хотя и над этим пришлось долго ломать голову. Легко предположить, что бы он сказал о карьере генерала Колина Пауэлла, который стал председателем Объединенного комитета начальников штабов и Государственным секретарем США. Конечно, президент высказался бы одобрительно, хотя, вероятно, добавил бы, что не может идти против общественного мнения, которое в 2001 году сильно отличалось от мнения в 1942–м.

В вопросах общей обороны ФДР был склонен назначать временных «царьков» вне механизмов управления в мирное время, обязанности которых скорее дублировали друг друга, чем были четко обозначены для каждого по отдельности. Исключением из правила, вероятно, было Ведомство по вопросам управления ценами, возглавляемое Леоном Хендерсоном, трезво мыслящим и преданным идее «нового курса» человеком, который при активном содействии Джона Кеннета Гэлбрейта (на его первом правительственном посту) делал все возможное, чтобы снизить уровень стоимости жизни. Ведомство по вопросам управления производством находилось под совместным управлением этакого «двуглавого орла» — Сидни Хиллмана, сына иммигрантов, и Уильяма С. Надсена, иммигранта, который преуспел благодаря конвейерной линии *General Motors,* став гением производства в этой корпорации. На пресс — конференции Рузвельт отказался назначить одного из них главой ведомства, сославшись на то, что они могут работать как одно целое. Эта благодушная идея провалилась, и Хиллман вернулся в свой Объединенный профсоюз работников швейной и

текстильной промышленности, один из самых известных профсоюзов Нью — Йорка, превосходно управляемый иммигрантами или их потомками по прямой линии. Ведомство по вопросам управления производством было позднее вытеснено Ведомством по вопросам военного производства. После долгих уговоров Джеймс Ф. Бирнс покинул Верховный суд, чтобы войти в штат Белого дома в качестве управляющего по вопросам военной мобилизации при президенте, личные встречи с которым были редкими и недолгими. Фьорелло Ла Гуардиа, мер Нью — Йорка, был назначен главой Управления гражданской обороны, где он скорее выступал в роли пропагандиста, чем реального управляющего, но поскольку США никогда особенно не нуждались в гражданской обороне, то это не имело большого значения.

Помимо кадровых перестановок в этих организациях, Рузвельт весьма серьезно отнесся к резким критическим замечаниям, высказанным Сенатским комитетом по расследованию программ национальной обороны, возглавляемым Гарри Трумэном, относительно несоответствия оборонных мер необходимым требованиям. Критика была чаще всего основана на фактах, потому Рузвельт считал ее конструктивной, в отличие от критики комитета Дайса по расследованию антиамериканской деятельности при Палате представителей, названной в честь ее председателя Мартина Дайса, конгрессмена от Демократической партии (штат Техас). Дайс был ярым противником Рузвельта; он проложил дорогу сенатору Джозефу Маккарти. Рузвельт полагал, что сотрудничество с комитетом Трумэна было наилучшим способом продемонстрировать свой интерес к Конгрессу. ФДР оказался прав, поскольку, несмотря на то, что комитет высказывал острую критику, это помогло Гарри Трумэну приобрести репутацию государственного политика и не мешало Рузвельту остановиться на кандидатуре Трумэна на пост вице — президента на выборах 1944 год. По сравнению с остальными кандидатурами — Уоллесом, Бирнсом, Баркли, даже судьей Верховного суда Уильямом О. Дугласом — выбор в пользу Трумэна оказался весьма выгоден западному миру.

Мнение о Рузвельте как о человеке, который сыграл главную роль в преобразовании США в «арсенал демократии», было явно положительным. Президент столкнулся с серьезным сопротивлением деловых кругов из-за необходимости перехода на военное производство, а комитет Трумэна выявил растраты и мошенничество в большом объеме. Тем временем, несмотря на некоторые препятствия, военная промышленность быстро развивалась; эта военная машина была в США настолько мощной

по сравнению с остальными странами, что, предоставь ей свободу действий и задай верное направление, объемы производства были бы колоссальными. Благодаря рабочим ресурсам (не в последнюю очередь женскому труду), а также производительным мощностям, которые не использовались в течение восьми с половиной лет «нового курса», стало возможным создание вооруженных сил солидных размеров — не таких огромных, как у СССР, но значительно больше, чем у британцев. И все это на фоне того, что повысился уровень жизни большей части населения и снизились темпы инфляции. Но, как говорилось ранее, именно «монархический» способ наращивания военного производства удавался ФДР лучше всего. Классическим примером этого может служить его поездка в конце сентября 1942 года. Президент покинул Вашингтон на две недели, проехав 8 754 мили (со скоростью менее 35 миль в час) на своем любимом поезде специального назначения. Он отправился в Детройт с целью проинспектировать завод компании *Chrysler,* который переквалифицировался на выпуск танков, а после этого на завод компании *Ford в* Уиллоу — Ран, где, в сопровождении Генри и Эдсел Форд, он осмотрел знаменитый конвейер длиной в полмили, который был переоборудован с производства автомобилей на производство самолетов. Затем ФДР поехал через Миннеаполис и озеро на севере Айдахо, достаточно большое, чтобы его можно было использовать в качестве военно — морской тренировочной базы, к тихоокеанскому побережью. Он посетил завод компании *Boeing в* Сиэтле, завод компании *Douglas в* Лонг — Бич, знаменитые портлендские верфи (Орегон) промышленника Генри Кайзера, где наблюдал спуск на воду корабля, киль которого был заложен всего десятью днями ранее.

В истинно царственной манере Рузвельт совместил официальные визиты с визитами к своим родственникам и бывшим чиновникам высокого ранга, жившим в разных уголках страны. Президент навестил свою дочь Энн и ее супруга в Сиэтле; в Техасе он встретился со снохой, Фэй, женой Эллиота Рузвельта (полковник Эллиот — «Я бы тоже хотел быть полковником, дорогая», как в сатирической песенке того времени — уже был на войне).

Помимо этого он не забыл Джона Нэнса Гарнера, своего бывшего вице — президента, с которым он помирился после того, как все страсти улеглись; каждый сказал лестные слова по поводу прекрасного внешнего вида своего старого знакомого. Нельзя сказать, что Рузвельт выглядел прекрасно — через восемнадцать месяцев его врачи будут потрясены высоким кровяным давлением и ухудшением работы сердечной мышцы — скорее он излучал

спокойную уверенность. Небрежно зажатый в уголке губ мундштук и упрямо вздернутый вверх подбородок были также важны для боевого духа американцев, как изжеванные сигары и рычащий тембр Черчилля — для британцев, хотя США никогда не сталкивались с вероятностью поражения, с которой столкнулась Великобритания в 1940 году. Некоторая царственность манер Рузвельта также способствовала поднятию боевого духа. Убежденный республиканец, Рузвельт всегда обращался к коронованным особам, как если бы они были, используя подходящий оксюморон, младшей по чину ровней. ФДР, тем не менее, оказал исключительное внимание престарелой королеве Нидерландов Вильгельмине и ее дочери, принцессе (позднее королеве) Юлиане, причем ни о какой сексуальной искре, пробежавшей между президентом и этими дамами, речи не могло быть. Чего нельзя сказать в случае с кронпринцессой Мартой Норвежской, к которой он особенно благоволил. Личный секретарь президента Уильям Хассет, суровый представитель Вермонта, выражал некоторое удивление по поводу того, что Рузвельт готов посвящать столько времени таким (по его мнению) фривольным встречам. Привязанность ФДР к принцессе Марте не стоит преувеличивать, помня о том, что в начале 1942 года он после двадцатилетнего перерыва начал встречаться и выезжать на загородные прогулки с Люси Резерфорд (Мерсер), чей невозмутимый, но доброжелательный супруг перенес инсульт и стал инвалидом в 1941 году. (Он уйдет в лучший мир в 1944–м.) Хотя было бы ошибочно предполагать, что Рузвельт, который в политике мог жонглировать многими мячами одновременно, не смог бы справиться с двумя дамами (вдобавок к супруге).

Итак, после трехсторонней конференции в Тегеране в октябре 1943 года открытие второго фронта во Франции было делом решенным. Обязательства, данные укрепившему свое положение Сталину, необходимо было выполнять. Черчилль не имел возможности более тянуть время, поскольку это привело бы к разрыву с США, что не входило в его планы. Тем не менее, я считаю, что избранная Черчиллем политика отсрочки в вопросе о высадке десанта во Франции до тех пор, кода ее можно было проводить с высокой вероятностью успешного исхода, является одним из его наиболее удачных решений военного времени. По своей значимости оно уступает только расстройству планов Галифакса и Чемберлена, направленных на умиротворение Германии путем удовлетворения ее требований в сложный для Великобритании период — в конце мая 1940 года. Если бы второй фронт был открыт преждевременно, в 1942–м, возможно, в 1943–м, результат оставлял бы желать лучшего — оттеснение к морю

англо — американских войск, страшные потери и победа, отсроченная на конец 1940–х или даже на 1950 год.

Когда вопрос, бывший яблоком раздора с британцами, был наконец-то решен, появилась еще одна, хотя и меньшая проблема. Американцы были полны решимости, помимо высадки войск на французской стороне Ла — Манша, направить часть войск не в Италию, а на юг Франции для захвата плацдарма, в то время как Черчилль хотел атаковать немцев в Италии (где все еще шли тяжелые бои), после чего двинуться в сторону Венеции и на Балканы. В этот раз последнее слово осталось за американцами. Операция на юге Франции, в целом, была успешной. Несмотря на то, что в контексте общей стратегии достижения были скромными, это решение предвещало серьезные споры 1945 года, так как дало возможность, и даже благоприятствовало продвижению русских войск далеко на запад, в Центральную Европу. Черчилль, утвердившись в мысли, что 1944 год должен стать годом открытия второго фронта, с энтузиазмом взялся за его подготовку. Деятельность премьера была настолько всеобъемлющей, что любой другой, менее уверенный в себе президент, чем Рузвельт, был бы оскорблен асимметрией между постоянным вмешательством премьер — министра и своей собственной, более отстраненной позицией, учитывая расстояние в три тысячи миль от театра военных действий.

Вмешательство Черчилля приняло форму регулярных встреч с участием его самого, британских начальников штабов, одного — двух других министров и Эйзенхауэра или его начальника штаба, Уолтера Беделл Смита, с правом совещательного голоса. Среди других вопросов, поднимаемых на этих встречах, разрабатывались планы искусственных гаваней «Малберри» [75], которые так успешно использовались в «день Д» (день высадки союзных войск на Атлантическое побережье Европы 6 июня 1944–го) и в последующих событиях. Помимо этого, Черчилль установил еженедельные завтраки на Даунинг — стрит, на которых, кроме него самого, присутствовали генерал Эйзенхауэр и Беделл Смит. По мере приближения назначенного дня, Черчилль все чаще появлялся на южном побережье Англии, встречался с войсками, которые ожидали погрузки на суда. К середине мая — высадка была запланирована на пятое июня (позднее операцию отложили на двадцать четыре часа из-за плохих погодных условий) — Черчилль с трудом уговорил главнокомандующего в Дувре принять план, который бы позволил премьер — министру наблюдать за операцией высадки с ближайшего к берегу крейсера. И потребовалось личное (довольно умелое) вмешательство короля Георга VI, чтобы

расстроить этот безрассудный по всеобщему мнению план.

Еще одним удивительным примером уверенного поведения Рузвельта и его чувства меры является то, что он абсолютно не беспокоился по поводу деятельности, которую развернул вокруг этой операции Черчилль. ФДР занимался своей главной задачей — отправкой основных американо — британских войск для фронтального наступления на позиции противника на Западе. Он совершенно спокойно позволил другим заняться деталями, и если Черчиллю так хотелось поиграть в солдатиков, — игра, к которой у Рузвельта не было особой любви, а если учесть инвалидное кресло, то и возможности, — то президент совершенно не возражал.

Первые сорок дней военного вторжения не принесли ожидаемого успеха. Американцы без проблем высадились на полуостров Котантен, а британцы — в заливе Арроманш, однако им не удалось существенно продвинуться вперед. Возникла опасность повторения ситуации с высадкой войск в итальянском городке Анцио [76] четырьмя месяцами ранее. Это разочарование ярко демонстрирует высказывание Черчилля: «Я думал, мы выпустили на берег дикую кошку, а это оказался полусдохший кит». В случае с Нормандией, кит был намного крупнее, однако операция сдвинулась с мертвой точки только после двадцать пятого июля.

Затем начались маневренная война. Правильность решительной стратегии Рузвельта и Маршалла относительно второго фронта (в отличие от более нерешительного подхода Черчилля и Аланбрука) подтвердили громкие успехи в наступлении американской двенадцатой группы армии под командованием генерала Омара Брэдли [77]. Двадцать первая группа армий Союзников [78] фельдмаршала Монтгомери вела тяжелые, но успешные бои за Кан и за соединение своих флангов в районе Фалез — Шамбуа, чтобы взять немцев в «котел». Войска фельдмаршала Монтгомери, отвлекая внимание немецких сил на оборону Кана, позволили американцам осуществить прорыв в южном направлении и, продвигаясь на огромные расстояния, взяли полуостров Котантен и вышли на открытую местность Бретани, продолжая двигаться на юг и запад практически без сопротивления. После чего, повернув вправо, через три недели они вышли к городам Дре, Шартр и Орлеан.

Двадцать четвертого августа союзники заняли Париж, а третьего сентября — Брюссель. После этого, осенью 1944–го и зимой 1944–45 гг., военные действия на западе перешли в новую сложную фазу. Удивительно, с каким упорством немцы отстаивали свои позиции близ Арнема, в Арденнских горах, а

затем в Рейнской области, несмотря на то, что, по всем объективным критериям, их кампания была уже проиграна.

Итак, к 3 марта 1945 года, когда завершался двенадцатый год пребывания ФДР на посту президента, стало очевидно, что поражение Германии не за горами. Роль США в жизни послевоенной Германии решалась долгие месяцы, хотя решения не устроили Рузвельта. Характерно, что он заявил своим военноначальникам о желании оккупировать северную зону с прямым выходом к морю, но не удосужился проинформировать об этом Государственный департамент. В итоге, зона, о которой говорил Рузвельт, досталась Великобритании, тогда как США досталась территория, не имеющая выхода к морю, и которая меньше всего устраивала президента. Однако соглашение было достигнуто участниками переговоров, которых он не побеспокоился проинструктировать заранее, потому у него не было другого выхода, как только нехотя согласиться. Что он и сделал в 1944 году. К марту следующего года он был ближе к смерти, чем нацистская Германия к своей гибели; до которой он не дожил всего несколько недель.

Глава 8 Смерть на пороге победы

Существует два основных вопроса, которые касаются последнего года жизни Рузвельта. Первый — как и когда он пришел к мысли о четвертом президентском сроке; второй — когда появились первые признаки ухудшения здоровья. Решение баллотироваться на четвертый срок далось Рузвельту гораздо менее болезненно, чем решение о третьем президентском сроке в 1940 году. Хотя на тот момент в остальном мире уже гремели бои, США еще не вступили в войну, и решиться на этот шаг после ста пятидесяти лет мирной жизни в 1940 году было очень непросто. Однако в 1944 году все было иначе. После вступления Соединенных Штатов в войну, конца которой не было видно, потребность в сильном главнокомандующем была более чем очевидной. Тем не менее, небесспорное решение баллотироваться на пост президента в 1940 году принесло большую пользу всему миру, тогда как сравнительно уверенное решение пойти на четвертый срок, очевидно, имело меньшую значимость.

Решение 1944 года практически полностью подтверждало то правило, что редко кто из лиц, занимавших высокие посты в течение десяти, и уж тем более двенадцати, лет могут и дальше вносить сколько-нибудь значимый вклад в развитие страны. Это правило подтверждается на примере Конрада Аденауэра в Германии, Шарля де Голля во Франции и Маргарет Тэтчер в Британии; его можно применить и в отношении к великому Рузвельту в США, с одной оговоркой. Мир понес бы великую утрату, умри Рузвельт в самый разгар войны, в марте 1943 года (после десяти лет на президентском посту). Однако утрата была бы гораздо менее заметной, уйди он в январе 1945–го, по истечению третьего срока. И то, в том маловероятном случае, если бы ни сам Гарри Трумэн, ни кто-либо другой с теми же набором качеств, что у Трумэна, не смог бы занять место ФДР в первой строке списка демократов на Национальном съезде Демократической партии в июле 1944 года.

Конечно, утрата была бы менее заметной, однако на новоиспеченного президента неизбежно обрушилось бы огромное количество проблем. В Соединенных Штатах, в Конституции которых заложен принцип разделения властей, по которому Федеральное правительство состоит из законодательных, исполнительных и судебных органов, действующих отдельно друг от друга, — вновь избранные президенты неизменно проходят длительный переходный период ознакомления со своими обязанностями, связанными со многими неизвестными для них

аспектами политики. Их знакомство с новыми программами и договоренностями часто весьма поверхностно и неполно. Опасности переходного периода, конечно, повлияли на Трумэна, как в некоторой степени они бы повлияли на любого вновь избранного президента того времени. Однако 1945 год, год окончания войны и начала формирования пост — военного мирового пространства, был тем периодом, когда, более чем обычно, опытный президент мог бы принести больше пользы и повернуть решение определенных важных вопросов в иное русло.

Ухудшение здоровья Рузвельта, безусловно, негативно повлияло на работу президента в последний год правления, однако нельзя сказать, что его ослабленное состояние было единственной причиной всех проблем. Недомогание ФДР не стоит сравнивать с болезнью Вудро Вильсона, который был выбит из политического седла тяжелым инсультом в 1919 году. Даже помимо уродующего «подарка» в виде полиомиелита и проблем, связанных с ним, Рузвельта нельзя было назвать здоровым человеком. Его характер, его сила духа всегда были крепче, чем его физические данные. В этом отношении он был похож на Гладстона, который в возрасте восьмидесяти восьми лет, когда не страдал от одного из своих многочисленных заболеваний, являл собой образец физической и умственной активности. Так же, как и Черчилль, который, дожив до девяноста лет, часто страдал от недомоганий, в отсутствие которых, а иногда и вне зависимости от оных, сохранял ясность мысли, даже когда тело подводило его.

Состояние Рузвельта начало ухудшаться в марте 1944 года. Бронхиальная инфекция и температура в 40 ˚С вынудили его пройти полную проверку в военно — морском госпитале города Бетесда. Результаты проверки выявили печальную картину. Ему диагностировали острый бронхит, сердечную недостаточность левого желудочка, высокое кровяное давление, отдышку и некоторые симптомы запущенной болезни сердца — отсюда землистый цвет лица и апатия. Рузвельту прописали традиционное лечение — постельный режим — в течение нескольких недель, значительное снижение веса (он весил всего 85 кг, но из-за усохших от паралича ног вес концентрировался в области груди и живота), большое количество успокоительных препаратов. Президент отказался от всего, аргументировав это тем, что такое лечение не совместимо с обязанностями президента. В конечном итоге было решено, что он будет принимать дигиталис для лечения хронической сердечной недостаточности, ограничит курение до шести сигарет в день, сократит потребление пищи и будет делать короткую серию упражнений после ленча. Рузвельт соблюдал все предписания, но

не задавал лишних вопросов. Возможно, он не хотел знать ответ; возможно, он уповал на судьбу, или Бога; возможно, ему было все равно.

Наблюдал Рузвельта довольно молодой врач, капитан — лейтенант Медицинского корпуса военно — морских сил США, Говард Дж. Брюнн. Он навещал Рузвельта три — четыре раза в неделю, а когда президент отправился в двухнедельный отпуск в имение Бернарда Баруха в штате Южная Каролина, Брюнн отправился вместе с ним. Это было весьма кстати, поскольку личный врач Рузвельта, Росс Т. Мак — Интайр, не сумел вовремя и точно диагностировать болезнь, несмотря на ранг адмирала. Более внимательный Брюнн был поражен апатией Рузвельта во время их пребывания в Южной Каролине. Большую часть времени президент просто сидел, ни работая, ни читая, ни даже рассматривая свою коллекцию марок. По той же причине Моргентау, министр финансов, который знал Рузвельта намного лучше, был так же удивлен поведением Рузвельта на заседании Кабинета министров восемнадцатого марта, по возвращении последнего в Вашингтон; президент не выказывал обычного рвения и осведомленности.

Несмотря на свои шестьдесят два года, Рузвельт в последний год жизни был в той или иной степени нетрудоспособным. Тем не менее, это не удержало его от намерения баллотироваться на четвертый срок. В данный момент его больше занимал вопрос о выборе кандидата на пост вице — президента. По всеобщему мнению, Генри Уоллес не подходил на эту роль; ФДР полагал, что кандидатура Уоллеса оттолкнет от Демократической партии миллион избирателей, а непревзойденный мастер покритиковать других Гарольд Айкс предположил, что таковых наберется не менее трех миллионов. При выборе кандидата в вице — президенты Рузвельт вел себя очень неоднозначно, даже по его собственным меркам. Вероятно, он считал, что поскольку выдвижение его кандидатуры на пост президента являлось делом предрешенным — он даже не удосужился посетить съезд демократов в Чикаго, — то для поддержания интереса делегатов необходима томительная неизвестность. Единственная попытка протеста в Чикаго возникла со стороны штата Техас. Джесси Джонс, который до выборов был министром торговли (но не после них), организовал сопротивление правых сил, единственной целью которого было исключить Сэма Рэйберна, лидера большинства в Палате представителей и либерального конгрессмена от штата Техас, из числа потенциальных кандидатов на пост вице — президента. Мотивом для данного протеста послужило то основание, что Рэйберн не способен

справиться с полномочиями, делегированными ему его собственным штатом.

Четырнадцатого июля Рузвельт составил письмо, предназначенное для общественного обсуждения, которое являло собой шедевр лицемерия. Он заявил, что Уоллес — его личный друг (это была сомнительная правда, разве только в наиболее широком политическом смысле), и что он «лично голосовал бы за его повторное выдвижение, если бы был делегатом съезда». Однако президент воздержался от полной поддержки, хотя он с легкостью мог бы добиться ее, и призвал собрание внимательно взвесить все «за и против своего выбора». Затем он набросал записку — говорят, что видели два варианта этой записки. В первой значилось, что он «будет, безусловно, рад баллотироваться „в связке“ с любым из них (судьей Верховного суда Уильямом О. Дугласом или сенатором Гарри С. Трумэном)», тогда как во второй записке имена перечислялись в другом порядке, и положение дел было настолько щекотливым, что даже такая мелочь играла огромное значение. (Все равно, что наблюдать, шевельнуться ли святые мощи загаданное тобой количество раз).

Однако на этом сложности не закончились. Джеймс Бирнс решил, что Рузвельт отдает предпочтение его кандидатуре, и это письмо, в любой из его версий, глубоко разочаровало его. По указанию Рузвельта, он покинул свой пост в Верховном суде США, чтобы принять на себя обязанности управляющего по делам военной мобилизации при Белом доме. Он ведь снял с плеч президента бремя принятия решений по спорным ситуациям военного времени, которые возникали между военными ведомствами и службами в сфере расчета заработной платы, ценообразования и производства. Бирнс проделал колоссальную работу и надеялся на соразмерное вознаграждение. Он мужественно отреагировал на записку Рузвельта, связавшись с Гайд — Парком по телефону, и, по его версии — однако, другой, более сильной не нашлось, — получил следующий ответ: «Джимми, меня не так поняли. Я им такого не говорил. Это они мне сказали. Они спросили меня, не возражаю ли я против Трумэна или Дугласа, и я сказал, что не возражаю. Я не употреблял слово „предпочитаю“, это большая разница». В конце разговора Бирнс вновь уверился в мысли, что ФДР хотел бы, чтобы тот не отказывался от борьбы за эту должность.

В какой-то степени это стало оперой — буфф, поскольку Трумэн на том этапе не знал о том, является ли он фаворитом и хочет ли он эту должность. Он говорил об исторической безвестности, в которой растворились многие вице —

президенты. Однако Трумэн давал себе отчет, более чем Рузвельт, в том, что в случае его избрания существовала вероятность того, что не далее как через четыре года он мог бы стать президентом. И даже этот факт не особенно привлекал Трумэна. По некоторым источникам, он произнес такую фразу: «Я бы предпочел не входить через черный ход». Когда Трумэн выехал из города Индепенденс в штате Миссури, чтобы преодолеть 350 миль до Чикаго (традиционно в своем, довольно скромном седане, вместе с женой и дочерью), он полагал, что его задача состояла в том, чтобы выступить с речью о выдвижении Бирнса. Сославшись на приведенные выше обстоятельства, он отказался от подобной просьбы со стороны Баркли.

На съезде Трумэн обнаружил, что Бирнс остался без поддержки президента, а потому был бессилен, — и что именно на него, Трумэна, обрушилось бремя позволить, чтобы его собственное имя выдвинули на этот пост. Давление, в первую очередь, исходило со стороны акул от политики, на которых полагался Рузвельт (за исключением Фарли на тот момент), но когда дело дошло до определения окончательной позиции, Рузвельт тоже стал настаивать. Трумэна уверяли, что партийная машина не поддержит Уоллеса, а профсоюзные боссы не согласятся на Бирнса. А против кандидатуры Трумэна ни одна из групп не возражала. Более того, он был ставленником Роберта Ханнегана, председателя Демократической партии, тоже из штата Миссури, который особо сильно лоббировал его кандидатуру. И Рузвельт, вероятно, достиг желаемого. Естественной реакцией Трумэна было: «Какого черта он мне первому не сказал об этом?»

Правда заключалась в том, что Рузвельт, хоть и остался доволен выставлением кандидатуры Трумэна, никогда не придавал большого значения роли вице — президента. В различной степени это было справедливо как по отношению к Гарнеру, так и к Уоллесу, но тот факт, что пост, именно на данном этапе, мог иметь иную значимость, тем не менее, серьезно не изменил отношение президента. Оптимизм и самоуверенность Рузвельта не давали ему заглянуть далеко в будущее, в котором его самого уже могло и не быть. Он встретился с Трумэном лишь однажды между совместной номинацией и выборами, а затем еще один раз через семьдесят шесть дней между выборами и инаугурацией; в течение следующих восьмидесяти двух дней, когда Трумэн стал вице — президентом, Рузвельт встречался с ним только на коллективных собраниях.

Бесспорным остается тот факт, что Рузвельт, несмотря на слабое здоровье, решил гораздо быстрее и легче, чем в 1940 году,

что он хочет баллотироваться и хочет выиграть войну. Приняв такое решение, ФДР был нацелен на победу, которая не вызывала сомнений летом 1944 года и о которой стало известно в ночь на пятое ноября. Предварительный опрос общественного мнения в начале июля показал, что Рузвельт опережает Дьюи только на два пункта: 51 к 49. [79]

<…>

В виду этого, Рузвельт развернул широкомасштабную предвыборную кампанию, поставив во главу четыре основных компонента. Во — первых, главный акцент был сделан на то, что ФДР — это опытный в военных делах лидер, главнокомандующий, стоящий выше партийной политики и тем самым привлекательный для избирателей, которые еще не утвердились в своем выборе, а также для некоторых республиканцев, готовых идти на уступки. Вместо того чтобы отправиться на съезд партии в Чикаго, президент сел на поезд в Сан — Диего, а оттуда направился по морю в Гонолулу, чтобы проинспектировать военные объекты и обсудить с командным составом ход войны на Тихом океане, которая, по всеобщему мнению, могла продлиться как минимум до середины будущего президентского срока. Такова была позиция Рузвельта вплоть до официального старта кампании в начале сентября. Затем, не умаляя своей роли в войне, Рузвельт принялся за агитацию среднего класса, сторонников профсоюзных движений и групп меньшинства в избирательной коалиции демократов. Для осуществления данного намерения президент в каждой своей последующей речи тщательно обрисовывал экономический «Билль о правах» для послевоенной Америки, который он в общих чертах представил в Конгрессе в своем январском обращении «О положении страны». Теперь Рузвельт придал ему более конкретную форму, очерчивая или намекая на ряд мероприятий, которые станут основой для грядущей программы «Справедливый курс» Трумэна (частично не реализованной). В программу входили меры по поддержанию полной занятости населения (на тот момент — весьма сомнительные) при содействии государственного планирования и, в случае необходимости, финансирования. Необходимо было создать 60 миллионов рабочих мест — этот план был перевыполнен в послевоенные годы — вместе с Комиссией по вопросам справедливого найма на работу, способствуя получению рабочих мест группам меньшинства. Одной из мер стало стимулирование производства дешевой электроэнергии путем расширения юрисдикции федерального агентства «Администрация ресурсов долины Теннесси» на территорию бассейна реки Миссури. В программу

также были включены мероприятия, которые гарантировали пристойную минимальную зарплату, пенсию для пожилых, субсидии для фермеров, приобретение достойного жилья для ветеранов, улучшение системы здравоохранения на общих основаниях. Все это Рузвельт давно мечтал осуществить, но ранее не решался оказывать давление (не сделал он этого и сейчас; давление пришлось оказывать Трумэну, который не справился с этой задачей, как и ни один другой президент с тех пор).

Не случайно данный экономический Билль о правах имел фамильное сходство с предложениями Отчета Бевериджа в Великобритании от того же года. Сторонники «нового курса» всегда были большими почитателями либеральной реформистской традиции, присущей Англии. На этом этапе Рузвельт выдвинул их предложения с таким красноречием, которое уже не услышишь в США даже в годы плодотворной реализации программ Великого общества, принятых по инициативе Линдона Джонсона. Тогда было сделано гораздо больше, чем последний Конгресс при Рузвельте когда-либо пытался сделать.

Третий элемент предвыборной кампании Рузвельта 1944 года проявился в начале сентября. Речь идет о горячем стремлении верно организовать работу своих активистов, гарантировать явку избирателей, избежать усталости в рядах, порожденную его собственной усталостью. Кульминацией стала памятная речь, произнесенная в Нью — Йорке перед членами профсоюза «Международное братство водителей грузовиков» в которой президент, энергично и с хорошим юмором, атаковал позиции республиканцев в ответ на ложные слухи о коррупции в правительственных рядах. Речь транслировалась по радио, а основные моменты были освещены в кинохронике. Особенно запомнился эпизод, когда Рузвельт, в весьма вольной форме, с удовольствием говорил об обвинении в том, что он, якобы, отправил на Аляску эсминец, стоимостью в два миллиона или двадцать миллионов, чтобы привезти домой своего скотч — терьера Фалу, которого, по слухам, забыли захватить с собой. Это не так, говорил Рузвельт, ни слова правды — и хотя сам он философски отнесся к данной утке, «шотландская душа Фалы в неистовстве. Пес теперь сам на себя не похож». Толпа в зале, а позднее и в кинотеатрах, взрывалась хохотом. Республиканцы сухо парировали, что военному лидеру не пристало говорить в такой манере. Возможно, это стоило президенту некоторого количества голосов колеблющихся избирателей, но очевидная энергия, энтузиазм и удовольствие, с которым он проводил эту кампанию, стали заразительными для его однопартийцев.

Шестьдесят лет спустя демократы той эпохи все еще смеялись над шуткой о собаке по кличке Фала.

Четвертой и последней отличительной чертой кампании Рузвельта было проведение эффективных мер для устранения слухов о его здоровье, а, следовательно, способности руководить страной. Об этом никогда прямо не упоминалось в речи его оппонентов или его собственной, но за спиной президента много шептались по этому поводу, и Рузвельт об этом знал. Речь перед водителями грузовиков сыграла значительную роль в демонстрации хорошего состояния здоровья, но наивысшей точкой данного мероприятия стало более сложное испытание: в начале ноября он планировал проводить кампанию в Нью — Йорке. Целый день он переезжал с места на место, в своеобразном автомобильном туре, с остановками по требованию. В тот день шел сильный непрерывный дождь. Рузвельт также проявил сильное упорство и провел весь тур в машине с открытым верхом под проливным дождем — с полей шляпы стекала вода, голос был тверд, подбородок упрямо вздернут вверх. Фоторепортеры и кинохроника сделали остальное дело по опровержению всевозможных слухов. Через пять месяцев он умер, и события этого дня, возможно, сыграли не последнюю роль, но в ноябре об этом никто не знал.

В день выборов, в 1944 году, усилия Рузвельта были вознаграждены уверенной победой. Народ проголосовал за него в соотношении 25,6 миллионов голосов избирателей против 22 миллионов за Дьюи, что в пересчете на голоса коллегии выборщиков составило 432 к 99 голосов. В сравнении с 1940 годом результат был неплохой, хотя не шел ни в какое сравнение с триумфальной победой 1936 года. Однако выборы в Конгресс принесли разочарование, оставив места за номинальным большинством демократов в обеих палатах, но большинство это было меньше, чем четыре года назад, и несоизмеримо меньше, чем восемь лет назад. Это значило, что фактический контроль, впервые с 1938 года, теперь сосредоточился в руках «консервативной» группы (в вопросах внутренней политики) республиканцев Среднего Запада и демократов Юга, сдерживаемых только тенденцией южан голосовать по вопросам внешней политики вместе с республиканцами преимущественно с востока страны, приверженцами политики вмешательства. Гарри Трумэн имел дело с этими двумя схожими коалициями в течение полутора лет после окончании войны, до выборов в 1946 году, когда они, с приходом республиканского большинства, твердо стали на ноги. Смерть уберегла ФДР от испытаний, которые выпали на долю Трумэна.

Война не прекратилась во время кампании 1944 года, как не исчезло и беспокойство Рузвельта о проблемах послевоенного периода, которые президент надеялся разрешить во второй половине своего четвертого срока и после него при сохранении заложенного им курса. Экономический Билль о правах является свидетельством этой озабоченности в делах внутренней политики. Но ФДР в равной степени, или даже в большей, был озабочен будущим положением дел во внешней политике. Памятуя о неудачах Вудро Вильсона в 1919–20 гг., о которых Рузвельт знал ввиду непосредственного участия, президент стремился (просто горел желанием) видеть все институты послевоенного мира устроенными, на своем месте и работающими. Налаживать работу необходимо было еще до окончания войны, а не после нее — пока у Союзников все еще были общие враги, с которыми предстояло бороться, и американцы все еще были объединены в стремлении к победе, а Сенат более чем обычно был готов к подписанию международных соглашений.

Новый виток депрессии, сопровождаемый утратой иллюзий, связанных с национальной политикой изоляционизма, а также существенные несогласия между участниками антигитлеровской коалиции особенно волновали Рузвельта осенью 1944 года, когда война в Европе близилась к завершению. В этой связи он настоял на соглашении о создании Всемирного банка и Международного валютного фонда, которое позднее в том же году одобрил. ФДР так же упорно трудился над вопросом, который являлся для него краеугольным камнем, а именно, над договором Объединенных Наций, Советом Безопасности с пятью постоянными членами в его составе, правом вето, равно как правом на применение силы, над базовыми улучшениями Лиги Наций. Если бы Большая тройка продолжила свое существование, они смогли бы использовать этот инструмент для обеспечения порядка в мире. Хартия ООН должна была быть подписана в апреле 1945 года в Сан — Франциско. Рузвельт лично выбрал место и планировал присутствовать там.

В середине сентября 1944 года, до разгара политической кампании, президент отложил все, чтобы встретиться с Уинстоном Черчиллем в Квебеке, задолго до трехсторонней конференции с Иосифом Сталиным, которая была запланирована после Рождества. В Квебеке Черчилль сообщил Рузвельту, что Великобритания — банкрот, и ей понадобится после капитуляции нацистов вливание в экономику шести миллиардов долларов. Президент принял это во внимание, как тогда казалось, отдавая себе отчет в том, что он обязан протянуть Великобритании руку

помощи, но каких-либо определенных планов о том, как это осуществить, он не строил. Черчилль надеялся, что ленд — лиз сможет стать таким связующим механизмом, и ФДР, очевидно, также рассматривал эту идею. Некоторые должностные лица, отвечающие за программу, впоследствии утверждали, что президент уже принял такое решение. Черчилль также хотел убедиться, что военное партнерство между США и Великобританией в вопросе развития атомной энергии продолжится и после окончания войны. На тот момент никто не знал, будет ли реализована программа срочных мероприятий по разработке атомного оружия до окончания войны, но эти политики — которые сами запустили программу — очевидно, полагали, что рано или поздно это станет возможно, как и последующее использование атомной энергии на внутреннем рынке. Рузвельт с готовностью согласился продолжать сотрудничество в этой сфере. Одиннадцать месяцев спустя Трумэн, не вникая в детали, даст задний ход этой договоренности.

Это были основные вопросы, но конференция в Квебеке прославилась еще по одной причине — первоначальному одобрению Рузвельтом так называемого плана Моргентау по преобразованию послевоенной Германии, названного по имени его автора и организатора министра финансов и соседа Рузвельта по Гайд — Парку, где жила мать президента. Программа предусматривала превращение Германии в аграрную страну, как это было до 1870 года, ликвидацию тяжелой промышленности, демонтаж оборудования и пересылку его в СССР в качестве репараций. Таким образом, индустриальная база, благодаря которой сначала Вильгельм II, а затем Гитлер близко подошли к тому, чтобы стать доминирующей силой в Европе, исчезнет навсегда. Армия США была всецело против такой идеи, поскольку тогда военным пришлось бы оккупировать страну, у которой не было бы ресурсов, чтобы восстанавливать и поддерживать экономику, а также развивать ее в дальнейшем. Государственный Департамент также встал на сторону армии, заявив, что индустриальная база Германии необходима для восстановления и развития всех районов западной и центральной Европы. Большая часть британской делегации также поддержала эту позицию. Тем не менее, Рузвельт парафировал план Моргентау и даже убедил Черчилля сделать то же самое. Причины положительного ответа Черчилля легко объяснимы: стране нужны были деньги. Кроме того, он, вероятно, рассматривал Германию в качестве торгового конкурента на мировом рынке. Впоследствии, однако, он поспешил смягчить условия этого соглашения. Но что двигало

Рузвельтом?

Ответ кроется в усталости и невнимательности, которые усугубились вследствие пошатнувшегося здоровья президента. Не последнюю роль сыграли его искренняя любовь к Германии, с которой он познакомился в детстве, и глубокое отвращение к Германии, которую он видел сегодня. Но важнее всего было ощущение, что на этот раз, в отличие от 1918 года, необходимо было принять определенные меры, чтобы обезопасить мир от повторной агрессии Германии. Добавьте к этому чувство неподдельной симпатии к Моргентау, который был верен ФДР на протяжении трех сроков. Если это не подходит в качестве серьезного и понятного объяснения, то его можно усмотреть в той спешке, с которой Рузвельт отказался от этого плана, как только его советники разъяснили ему суть проблемы. За шесть месяцев до смерти он постепенно отклонил план Моргентау, хотя Трумэну понадобилось еще два года для того, чтобы исчезли последние следы этой программы из военной политики оккупации американской зоны Германии.

По окончании ноябрьских выборов Рузвельт сосредоточил всю энергию на подготовке к Ялтинской конференции с участием Сталина, запланированной на февраль. Последнее наступление немецких войск было направлено на Антверпен. Апогеем этой операции стала битва в Арденнах. Данное наступление имело целью не позволить Западным союзникам продвинуться слишком далеко на восток, прочно и на длительное время стабилизировать здесь положение и перебросить войска на советско — германский фронт, не допустив их соединения с советскими войсками. Но ФДР и его окружение восприняли это немецкое контрнаступление тогда как незначительную неудачу. Ялтинская конференция стала завершающим этапом в переговорах Большой тройки на высшем уровне до капитуляции Германии.

Необходимо было урегулировать, утвердить или, по крайней мере, поднять множество проблем: вопрос о характере управления в Польше, которая на тот момент была почти полностью уже занята советскими войсками, и об установлении ее новых границ; о судьбе Венгрии и балканских стран, которые тоже уже занимались советскими войсками (за исключением Греции). Помимо этого, обсудили вероятное место встречи войск Союзников и процедуры, связанные с этим, а также их последующее дислоцирование в заранее оговоренных зонах оккупации; формы репараций; возобновление требования о безоговорочной капитуляции Германии; и после этого согласие Советского Союза на вступление в войну против Японии — то, о чем мечтало военное командование США на Тихом океане, в

особенности генерал Макартур. Рузвельт также рассматривал Ялтинскую конференцию как возможность убедить Сталина вступить в ООН и Совет Безопасности вместе с США еще до капитуляции Германии.

Поскольку маршрут президента лежал через Ближний Восток, то Рузвельта убедили в пользе остановки в Саудовской Аравии на обратном пути для обеда с Ибн Саудом, королем Саудовской Аравии, запасы нефти которой чрезвычайно интересовали Военно — морской флот США. Таким образом, ФДР стал первым, но не последним, президентом, который обхаживал саудовцев.

Рузвельт провел большую часть декабря и января, пересматривая предложения и доклады от своих подчиненных, помощников и дипломатов, а также из неофициальных источников по всем вышеупомянутым вопросам. Это были месяцы, обычно посвященные, помимо всего прочего, ежегодному посланию президента Соединенных Штатов Америки Конгрессу «О положении страны» и представлению ежегодного федерального бюджета, однако в этом году Рузвельт тайно делегировал принятие всех решений своему доверенному руководителю Административно — бюджетного управления при президенте. Он также сократил время ожидания инаугурации, назначив церемонию на 20 января 1945 года — начало его нового срока на посту президента США. Вместо традиционного принесения клятвы на ступенях Капитолия в присутствии народных масс, длительного парада и бала в честь инаугурации Рузвельт провел короткую церемонию на балконе Белого дома, которая завершилась коротким приемом для относительно ограниченного круга гостей. Народу сообщили, что эти перемены связаны с необходимостью выделить дополнительные средства для войны, и народ, по — видимому, не возражал. К тому же, шел дождь. В своей биографии Трумэна Рой Дженкинс обрисовывает такую сцену: «Рузвельт слишком часто принимал уже в этом участие, так что его это мало интересовало». Президент обратился с довольно формальной речью к 7800 гостям, среди которых немало было из Миссури (один из знаков уважения к Трумэну), удостоенных чести стоять на залитом дождем газоне. Затем ФДР быстро поднялся на верхний этаж, оставив миссис Рузвельт и чету Трумэнов принимать гостей, в промокшей обуви и удрученном настроении.

Два дня спустя президент тихо покинул Вашингтон и на крейсере совершил первый отрезок пути, целью которого был Крым. По возвращении в Вашингтон через месяц он (не вставая с кресла, впервые за все годы президентства) доложил о результатах конференции в Конгрессе, которые первоначально

были восприняты благожелательно. Но в последующие годы, когда «холодная война» станет решающим фактором в жизни страны, Рузвельта будут критиковать за достигнутые соглашения на Ялтинской конференции гораздо больше, чем за что-либо другое из двенадцати лет президентства. Говорили, в особенности республиканцы, что он отдал Польшу коммунистам, так же как и страны Балтии и Балканы, обменяв все это на членство СССР в ООН и на надежду, что Советский Союз вступит в войну на Тихом океане, — то, без чего, при сложившихся обстоятельствах, можно было обойтись. Так же говорили, что ФДР, глупо или неосторожно, пытался подыграть Сталину за счет Черчилля, питая иллюзии, что он является посредником между ними; но о каком посредничестве между советскими триумфаторами и британскими банкротами могла идти речь?

По независимому мнению, такие суждения требуют внесения поправок, по крайней мере, в двух отношениях. Во — первых, ФДР и Черчилль «не дали» Сталину ничего из того, чего он сам не получил вследствие военной оккупации, — то, о чем они сожалели, особенно Черчилль, но никоим образом не могли изменить ситуацию. По вопросу Польши, в частности, они выступили в защиту польского правительства, пребывающего в изгнании в Великобритании, которое держалось до конца войны как настоящий преемник того режима, который Франция и Великобритания гарантировали в 1939 году, и в действительности вступило в войну с целью оказать поддержку. Но русские уже начали устанавливать в Варшаве свое так называемое Люблинское правительство, включавшее только обученных Москвой коммунистов и подчиненных им социалистов; ни один из них не имел никакого отношения к Лондону. В Ялте Рузвельту и Черчиллю удалось получить обещание Советского Союза о слиянии двух польских правительств до начала свободных выборов. Обещание осталось только на словах, естественно, и последующие действия СССР не оправдали ожиданий Вашингтона и Лондона.

Во — вторых, эти слова имели значение для ФДР, поскольку давали ему возможность испытать поведение СССР — союзника на фактическое выполнение договоренностей, не в военном контексте, а, скорее, в контексте политических соглашений, даже в тех вопросах, в которых у русских были материальные преимущества. Это неминуемо станет частым контекстом в послевоенных отношениях.

Итак, президент рассматривал Ялту как проверку намерения СССР сохранить добрые отношения в рамках Большой тройки после войны, тем самым укрепляя свои надежды на Совет

Безопасности и мир без войны. По словам Чарльза Болена, сотрудника дипломатической службы, который был переводчиком Рузвельта в Ялте, президент четко осознавал, что Ялта является, в определенной степени, тестом. И ФДР был абсолютно уверен, что если СССР провалит этот тест, США будут вынуждены в перспективе столкнуться с чем-то вроде «холодной войны», которая, собственно, не преминула случиться. Рузвельт считал, что крайне необходимо избежать, если возможно, этого сценария ради спокойствия всего мира. Об этом Болен сообщил Ричарду Нойштадту пять лет спустя в разговоре во время войны в Корее.

К концу марта 1945 года, добавил Болен, Рузвельту стало ясно, что Москва провалила тест, поскольку отказывалась пойти на уступки по поводу Люблинского правительства. По мнению Болена, если бы Рузвельт вернулся в Вашингтон в апреле, он бы пришел к соглашению с Черчиллем об использовании военного присутствия на реке Эльбе, а также близ Праги. Такое решение, равно как и отказ выводить войска из ранее договоренных зон оккупации до тех пор, пока СССР не станет соблюдать условия Ялтинского договора касательно правительства Польши, стали бы хорошим противовесом действиям Сталина. Рузвельт уже готовился в мае отправиться с супругой в Лондон, как только Германия объявит капитуляцию, с целью нанести визит королю с королевой, гостившими в Гайд — Парке как раз перед войной. Болен предполагал, что за этим немедленно последует трехстороннее экстренное совещание, взамен которому позже прошла Потсдамская конференция. О ее результатах, если таковые и были, никому ничего не известно.

Болен по воле случая, вероятно, был последним из представителей дипломатической службы, кто видел президента в марте, незадолго до того, как тот в последний раз уехал из Вашингтона. Причина произошедшего является поучительной и проливает свет на природное чутье Рузвельта как администратора и управленца. Очевидно, что при таких обстоятельствах он был на страже интересов страны, несмотря на усталость, даже в конце жизни. Воспользовавшись болезнью и последовавшей за ней отставкой Корделла Халла, который долгое время был госсекретарем и с которым у президента никогда не было сходства ни в складе характера, ни в программных вопросах, Рузвельт заменил его Эдвардом Стеттиниусом, фотогеничным бизнесменом, который имел опыт работы в правительстве военного времени. Вскоре Болена перевели в личный штат президента при Белом доме на должность помощника президента по связям Белого дома с Госдепартаментом. Очевидно, Стеттиниус был послушным номинальным главой ведомства,

тогда как Болен нажимал и отпускал нужные рычаги в Департаменте, чтобы оказать содействие Рузвельту, когда тому это было нужно. ФДР, применяя разнообразные схемы, пытался проделать нечто подобное во время двенадцатилетнего пребывания на посту государственного секретаря Корделла Халла, но редко был доволен исходом, а Халл — никогда. Теперь, наконец, дела пойдут по сценарию, предложенному Рузвельтом. Распространено мнение, что Рузвельт знал о своей скорой кончине. Назначение Болена опровергает сей факт.

В конце марта Рузвельт вновь покинул Белый дом, на этот раз, чтобы отдохнуть в Уорм — Спрингс, где, по мнению его близких, он мог бы восстановить силы, как это случалось прежде. Действительно, казалось, что отдых пошел ему на пользу; президент подлечился и отдохнул. 12 апреля 1945 года пополудни у него в гостях находилась Люси Резерфорд, в это же время приглашенная художница работала над его портретом, а две племянницы Рузвельта благодушно хлопотали по дому. Внезапно Рузвельт пожаловался на «ужасную» головную боль, а затем впал в кому. Через два часа, не приходя в сознание, он умер. Трумэн стал президентом.

В то время как поезд вез усопшего Рузвельта в Вашингтон, где его тело должно было быть выставлено для прощания, вдоль путей в знак уважения выстроились скорбящие. Это напомнило похоронную процессию Авраама Линкольна в 1865 году и Роберта Кеннеди в 1968–м, как и в этих двух случаях, многие скорбящие были темнокожими. Нельзя сказать, что Рузвельт выделял их или заботился об их интересах так же, как два других президента. Однако необходимо сказать, что все, сделанное им для пожилых и безработных в целом, для кропперов [80], членов профсоюза, работников оборонной сферы и для всего народа в общем, вернуло им надежду в будущее. Необходимо вспомнить и все то, что сделала Элеонора Рузвельт в своих статьях, во время путешествий, приемов в Белом доме — все это возымело эмоциональный отклик в душах темнокожих граждан, в отличие от ударов, которые им в разное время нанесли другие президенты.

Шесть месяцев после смерти Рузвельта служат прекрасной иллюстрацией особого американского феномена перехода президентской власти, связанного с трудностями для новоиспеченных президентов, с которыми их опытные предшественники могли бы справиться намного лучше. Трумэн был намерен выступить с резкой критикой в отношении СССР по польскому вопросу, что он и продемонстрировал, когда министр иностранных дел СССР Вячеслав Молотов нанес визит вежливости

по пути в Сан — Франциско. Однако вслед за этим советники президента, перешедшие «по наследству» от Рузвельта, поспешили заверить, что их «босс» намерен воздерживаться от каких-либо действий, а Трумэну посоветовали сменить тон. Болена среди советников уже не было, поскольку он автоматически был отправлен назад, в дипломатическую службу. Не было и Гарри Гопкинса, который в то время находился в больнице. Вместо этого Трумэн прислушивался к адмиралу Лехи, звание которого — начальник штаба Верховного главнокомандующего — производило сильное впечатление. Новый президент принял это звание за чистую монету, не зная, что ФДР использовал Лехи в качестве посыльного в разные военные ведомства и поставщика всех возможных сплетен. Трумэн принимал советы от нового государственного секретаря, который знал только то, о чем ему докладывали его подчиненные, а также почтенного военного министра Генри Стимсона, которого Рузвельт считал давно отжившим свой политический век. Президент искал совета у Джимми Бирнса, человека, которого он намеривался сделать государственным секретарем, что Трумэн вскоре и осуществил, частично по той причине, что Рузвельт брал его на конференцию в Ялту (в качестве утешительного приза за несостоявшееся вице — президентство). Но у Бирнса было мало опыта во внешней политике, и он знал меньше, чем предполагал, о важных диалогах в Ялте (на которые его не допустили).

Мы не можем знать, как бы поступил ФДР на месте Трумэна по польскому вопросу или по вопросам, которые вскоре возникнут — прекращения после капитуляции Германии поставок СССР по программе ленд — лиза; продолжения тех же поставок Великобритании для ведения войны против Японии. Равно как мы не можем знать реакцию Рузвельта на успешные июньские испытания ядерной бомбы на полигоне Аламогордо. Или на неопровержимые доказательства того, что японцы сосредоточили настолько большие силы на острове Хонсю, что вторжение на остров нужно было бы перенести с ноября 1945 года на март 1946–го, и, возможно, не спешить применять атомное оружие, как это сделал Трумэн. Все, что мы знаем наверняка, так это то, что все эти вопросы, так же как средства для Черчилля и продолжение сотрудничества в ядерной сфере, были хорошо известны Рузвельту и, вероятно, были тесно взаимосвязаны, по мнению Рузвельта, но не по мнению Трумэна.

Через полгода после смерти Рузвельта, когда обе войны, благодаря капитуляции Японии на год «раньше», уже закончились, Трумэн направил в Конгресс США послание,

содержащее законодательную программу из двадцати одного пункта по вопросам внутренней политики. Среди представленных вопросов были все экономические мероприятия ФДР, наряду с другими либеральными предложениями о развитии ресурсов, о продолжении контроля над ценами и зарплатами в течение следующего года, пока промышленность перестраивается с военного производства на мирное. Этой программой Трумэн хотел сказать, что он верный последователь Рузвельта, а не относительный консерватор, каким его считали в кулуарах. Таким образом, мирная повестка дня заседаний Конгресса по вопросам внутренней политики была впервые принята после пяти лет, прошедших с момента капитуляции Франции. В отношении официального представления программы, которая подавалась в письменном виде, а не в устном, и включала двадцать один пункт, не сопровождаясь при этом эффектным представлением, можно сказать, что она была провальной. И снова нельзя сказать, что бы сделал Рузвельт в такой ситуации, но в случае с Рузвельтом можно было бы, по крайней мере, ожидать эффектного шоу.

Существенны ли такие вещи? Имея таких оппонентов, как Сталин, с одной стороны, и Конгресс США, с другой, могли ли последствия быть иными, даже если детали были бы разными? Скорее всего, нет. Но изменения в деталях наверняка были бы, проживи Рузвельт еще год, и в совокупности это помогло бы облегчить в более короткий период и с меньшими побочными эффектами переход страны от реальной открытой войны к «холодной войне», которую впоследствии спровоцировала политика Сталина. Самым крупным и серьезным побочным эффектом стал маккартизм начала 1950–х годов, подогреваемый Корейской войной, что, в свою очередь, привело к гораздо более дорогостоящему эффекту — милитаризации периода «холодной войны». Но к тому времени, доживи Рузвельт до конца своего президентского термина, он бы уже год как покинул президентский пост. Но были некие предшествующие обстоятельства, которые, несомненно, имели бы большое значение. Они концентрировались вокруг польского вопроса, истечения срока ленд — лиза, атомной бомбы, британского кредита, сотрудничества в ядерной сфере, а в делах домашних — повестки дня Конгресса послевоенного периода. Некоторые бы добавили к этим вопросам авторитет, который мог бы справедливо завоевать Рузвельт после окончания войны, что не удалось Трумэну. Однако, памятуя об авторитете Вильсона в 1918 году и о том, как быстро он был потерян, думаю, не стоит придавать веса вопросу авторитета.

Остается сказать о молчаливом согласии американцев, когда Великобритания после окончания войны на Тихом океане перебросила французские войска назад в Индокитай. Рузвельт говорил своим военачальникам блокировать данное предприятие, зная, что у французов был недостаток в кораблях и, будучи уверен в том, что французы утратили свое право на регион, покорно приняв японскую оккупацию после собственной капитуляции перед Гитлером в 1940 году. (Рузвельт был убежденным сторонником антиколониальной политики и также хотел, чтобы Великобритания покинула Индию.) Однако военачальники не поняли мотивов Рузвельта и после капитуляции Японии не выдвинули никаких возражений относительно возвращения французов. Трумэн, зная мало или вовсе ничего о взглядах своего предшественника на этот предмет, не предпринял никаких действий к тому, чтобы воплотить эти идеи в жизнь. К примеру, Хо Ши Мин, самопровозглашенный президент Вьетнама, повел страну по коммунистическому пути, но был таким же националистом в Азии, как Тито в Европе, и США, вероятно, смогли бы наладить отношения как с одним, так и с другим. Таким образом, можно было бы избежать известной трагедии продолжительностью в тридцать лет.

Оценивая через полвека с лишком деятельность ФДР, можно сказать, что он оставил глубокий след в истории своего времени; проживи он на полгода дольше, этот след мог бы быть еще глубже. Тем не менее, с позиций современности остается очевидным тот факт, что страны Большой тройки, Союзники во Второй мировой войне, в истории занимают различные позиции. Мир, в котором мы ныне живем, — это не мир Черчилля с его исчезнувшей Британской империей, и не мир Сталина с его Советским Союзом, который отошел в область воспоминаний, и полностью разоблаченной тиранией; коммунистические партии потеряли свой вес везде, кроме Кубы, или значительно поменяли свой облик, как в Китае. Мир, в котором мы живем, — все еще мир Франклина Рузвельта, более разобщенный, но с населением, выросшим вдвое; с оружием и средствами связи, которые радикально изменились; опасный уже по — новому, но, в общем и целом, узнаваемый. Хорошо это или плохо, но сегодня Соединенные Штаты Америки в этом мире доминируют — то, чего ФДР добился в свое время, — а ключевой фигурой в политической жизни страны является президент США — тоже не в последнюю очередь благодаря усилиям Рузвельта. А для смутного будущего история его жизни, как и его личность, не утрачивают своего значения.

Основные вехи жизни Франклина Рузвельта

1882 Родился 30 января в Гайд — Парке, штат Нью — Йорк

1900 Закончил школу в Гротоне и поступил в Гарвардский университет

1904 Закончил Гарвардский университет

1905 Женитьба на Элеоноре Рузвельт, 17 марта

1907 Закончил юридический факультет Колумбийского университета

1910 Избран в сенат штата, представляет округ Датчесс

1912 Вудро Вильсон побеждает на президентских выборах, обойдя Теодора Рузвельта и Уильяма Говарда Тафта

1913 Назначен на пост заместителя военно — морского министра

1914 Начало Первой мировой войны в Европе

1917 Соединенные Штаты вступают в Первую мировую войну

1918 Первая мировая война заканчивается заключением перемирия

1920 Баллотируется от Демократической партии в вице — президенты США в паре с кандидатом в президенты Джеймсом М. Коксом; проигрывают Уоррену Гардингу и Кальвину Кулиджу

1921 Заболел детским полиомиелитом на острове Кампобелло

1924 Первое появление на национальном съезде Демократической партии в Нью — Йорке с целью предложить кандидатуру Альфреда Э. Смита на пост президента США и представить его в качестве «счастливого воина»

1928 Выигрывает губернаторские выборы в штате Нью — Йорк

1929 Крах фондового рынка; начало Великой депрессии

1930 Переизбрание на пост губернатора штата Нью — Йорк с оглушительным перевесом голосов

1932 Избран президентом США

1933 Начало «нового курса», «сто первых дней» и создание Гражданского корпуса охраны окружающей среды (CCC), Администрации регулирования сельского хозяйства (AAA), Управления ресурсами бассейна Теннесси (TVA), Национальной администрации восстановления (NRA) и других «алфавитных агентств» [81]; Адольф Гитлер становится канцлером в Германии

1934 Принят Закон о торговле ценными бумагами с целью защитить инвесторов и навести порядок на рынке ценных бумаг

1935 Принят Закон о социальной безопасности и Национальный закон о трудовых отношениях (Закон Вагнера), Управление общественных работ (WPA); Верховный суд отменяет Управление общественных работ (NRA); Закон о нейтралитете США призывает к эмбарго на экспорт оружия в случае внешней войны; убийство Хьюи Лонга

1936 ФДР избран на второй срок, одержал победу в сорока шести штатах из сорока восьми; Верховный суд США продолжает борьбу с «новым курсом», аннулируя ААА и другие законы ☺«нового курса»

1937 ФДР проигрывает попытку реформировать Верховный суд США; президент произносит речь о «карантине»

1938 Подписание Мюнхенского соглашения в качестве политики умиротворения; неудача ФДР в проведении «чистки» среди консервативных демократов

1939 Вторжение Гитлера в Чехословакию знаменует несостоятельность политики умиротворения; пакт о ненападении между Германией и Советским Союзом; вторжением в Польшу начинается Вторая мировая война

1940 Рузвельт решает баллотироваться на третий срок; Черчилль избран премьер — министром Великобритании; блицкриг Гитлера разворачивается в Бельгии, Нидерландах, Люксембурге и Франции; битва за Британию; впервые в истории США президент [Рузвельт] избран в третий раз

1941 ФДР выдвигает «Четыре свободы»; Конгресс утверждает Закон о ленд — лизе; серьезные споры между сторонниками политики изоляционизма и вмешательства; Гитлер нападает на Советский Союз; Рузвельт и Черчилль провозглашают Атлантическую хартию; Япония нападает на Перл — Харбор

1942 Стратегия «сначала Европа» через Северную Африку и Италию; битва за Мидуэй наносит урон японской военно — морской мощи; Манхэттенский проект по разработке и исследованиям в области ядерного оружия

1943 Встреча Рузвельта и Черчилля в Касабланке; трехсторонняя встреча с участием Сталина в Тегеране

1944 Высадка союзных войск на Атлантическое побережье Европы (6 июня 1944–го); американские вооруженные силы вновь захватывают Филиппины; планы о создании ООН в Думбартон — Окс; Рузвельт избран на четвертый срок

1945 Ялтинская конференция; Рузвельт умирает 12 апреля в Уорм — Спрингс; конец войны в Европе; образование ООН в Сан — Франциско; атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, ставят точку в войне на Тихом океане.

Избранная библиография

Acheson, Dean. Present at the Creation. New York: W. W. Norton, 1969.

Alsop, Joseph. FDR: A Centenary Remembrance. New York: Viking, 1982.

Asbell, Bernard. The FDR Memoirs. New York: Doubleday, 1973.

Berlin, Isaiah. Personal Impressions. New York: Viking, 1980.

Biddle, Francis. In Brief Authority. New York: Doubleday, 1962.

Blum, John M. From the Morgenthau Diaries. 3 vols. New York: Houghton Mifflin, 1959–67.

Brinkley, Alan. The End of Reform: New Deal Liberalism. В кн.: Recession and War. New York: Knopf, 1995.

Burns, James MacGregor. Roosevelt: The Lion and the Fox. New York: Harcourt Brace, 1956.

Burns, James MacGregor. Roosevelt: The Soldier of Freedom. New York: Harcourt Brace, 1970.

Burns, James MacGregor, and Susan Dunn. The Three Roosevelts: Patrician Leaders Who Transformed America. New-York: Atlantic Monthly Press, 2001.

Byrnes, James F. Speaking Frankly. New York: Harper, 1947.

Cook, Blanche Wiesen. Eleanor Roosevelt. 2 vols. New York: Viking, 1992–99.

Dallek, Robert. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. New York: Oxford University Press, 1979.

Daniels, Jonathan. White House Witness. New York: Doubleday, 1975.

Davis, Kenneth. FDR. 5 vols. New York: Random House, 1971–2000.

Eisenhower, Dwight D. Crusade in Europe. New York: Doubleday, 1948.

Farley, James A. Behind the Ballots. New York: Harcourt Brace, 1938.

Farley, James A. Jim Farley's Story. New York: McGraw-Hill, 1948.

Ferrell, Robert H. Choosing Truman. Columbia, Mo.: University of Missouri Press, 1994.

Ferrell, Robert H. The Dying President. Columbia, Mo.: University of Missouri Press, 1998.

Flynn, John T The Roosevelt Myth. New York: Devlin-Adair, 1956.

Freidel, Frank. Franklin D. Roosevelt. 4 vols. New York: Little, Brown, 1952–73.

Freidel, Frank. Franklin D. Roosevelt: A Rendezvous with Destiny. New York: Little, Brown, 1990.

Gaddis, John Lewis. The Long Peace. New York: Oxford University Press, 1987.

Gaddis, John Lewis. We Now Know. New York: Oxford University Press, 1997.

Goodwin, Doris Kearns. No Ordinary Time. New York: Simon & Schuster, 1994.

Gunther, John. Roosevelt in Retrospect. New York: Harper, 1950.

Hamby, Alonzo. Man of the People: A Life of Harry S. Truman. New York: Oxford University Press, 1995.

Hull, Cordell. Memoirs. 2 vols. New York: Macmillan, 1948.

Ickes, Harold. Secret Diary. 3 vols. New York: Simon & Schuster, 1953–54.

Kimball, Warren E, ed. Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence. 3 vols. Princeton, N. J.: Princeton Univer sity Press, 1984.

Kimball, Warren E. Forged in War. New York: Morrow, 1997.

Lash, Joseph P. Eleanor and Franklin. New York: W. W. Norton, 1971.

Lash, Joseph P. Life Was Meant to Be Lived: A Centenary Portrait of Eleanor Roosevelt. New York: W. W. Norton, 1984.

Lash, Joseph P. Roosevelt and Churchill, 1939–1942. New York: W. W. Norton, 1976.

Leuchtenburg, William. Franklin D. Roosevelt and the New Deal. New York: Harper, 1960. Leuchtenburg, William. In the Shadow of FDR. Ithaca, N. Y: Cornell University Press, 2001.

Mackenzie, Compton. Mr. Roosevelt. New York: E. P. Dutton, 1944.

Moley, Raymond. After Seven Years. New York: Harper, 1939.

Morgan, Ted. FDR: A Biography. New York: Simon & Schuster, 1985.

Perkins, Frances. The Roosevelt I Knew. New York: Viking, 1946.

Roosevelt, Eleanor. This I Remember. New York: Harper, 1949.

Roosevelt, Franklin D. His Personal Letters. Ed. Elliott Roo sevelt and Joseph P. Lash. 4 vols. New York: Duell, Sloan and Pierce, 1947–50.

Roosevelt, Franklin D. Public Papers and Addresses. Ed. Samuel I. Rosenman. 13 vols. New York: Harper; Random House, 1938–50.

Roosevelt, James, and Sidney ShaUet. Affectionately, FD. R. New York: Harcourt Brace, 1959.

Rosenman, Samuel I. Working with Roosevelt. New York: Harper, 1952.

Schlesinger, Arthur M., Jr. The Age of Roosevelt. 3 vols. Boston:

Houghton Miflin, 1957–60.

Sherwood, Robert E. Roosevelt and Hopkins. New York: Harper, 1948.

Stimson, Henry L. On Active Service. New York: Harper, 1947.

Tugwell, G. Rexford. The Democratic Roosevelt. New York: Doubleday, 1957.

Tugwell, G. Rexford. In Search of Roosevelt. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1972.

Tully, Grace. FD. R. My Boss. New York: Scribner, 1949.

Ward, Geoffrey. Before the Trumpet: Young Franklin Roosevelt. New York: Harper, 1969.

Ward, Geoffrey. A First-Class Temperament: The Emergence of Franklin Roosevelt. New York: Harper, 1989.

Об авторе

Рой Дженкинс был автором двадцати одной книги, включая бестселлеры *Нью — Йорк Таймс — Черчилль и Гладстон*, которые удостоились Уитбредовской премии в разделе «*Биография*». Более полувека активно участвовал в британской политике, в 1948 году стал членом Палаты общин от партии Лейбористов; в дальнейшем занимал должности министра авиации, министра внутренних дел и министра финансов. С 1977 по 1981 год являлся председателем Европейской комиссии. В 1982 году Дженкинс стал лидером новой партии Социал — демократов, которая впоследствии слилась с Либеральной партией, сформировав Партию либеральных демократов. В 1987 году становится ректором Оксфордского университета и занимает место в Палате лордов как лорд Дженкинс Хиллхедский. Рой Дженкинс также являлся председателем Королевского литературного общества. Его не стало в январе 2003 года.

Примечания

1

Feather duster — перьевая метелка для смахивания пыли (англ.); обыгрывание инициалов FD.

2

ФДР (FDR) — сокращение от Франклин Делано Рузвельт: так стала звать его вся страна.

3

Протей — в греческой мифологии морской бог, обладавший даром предсказания, который отличался способностью принимать, по желанию, всевозможные образы и, следовательно, легко скрывался; в переносном значении — изменчивый, непостоянный и хитрый человек.

4

Биркенхед (1872–1930) — лорд, до возведения в пэры — Фредерик Смит, английский юрист и государственный деятель, один из столпов британского империализма. Принадлежит к т. наз. «твердокаменным» консерваторам.

5

Виги — представители либеральной оппозиции, предшественники Либеральной партии в Великобритании.

6

Гомруль — движение за автономию Ирландии на рубеже XIX-XX веков.

7

4 июля — День независимости США.

8

В результате сражения за высоту Сан — Хуан, произошедшем 1 июля 1898 года, испанские войска были окружены и разбиты «Лихими всадниками» недалеко от г. Сантьяго: американцы заняли высоты, господствующие над городом, и блокировали его. Теодор Рузвельт стал известен всей стране как геройски проявивший себя заместитель командира этого полка. Это сражение в большой степени повлияло на победу американцев в американо — испанской войне.

9

В 1895 году Черчилль был направлен на Кубу в качестве военного корреспондента газеты Daily Graphic освещать восстание местного населения против испанцев, но продолжал при этом числиться на действительной службе. Прикомандированный к испанским войскам, он впервые побывал под огнем.

10

Осенью 1897 года Черчилль добивается прикомандирования к экспедиционному корпусу, направленному на подавление восстания пуштунских племен в горной области Малаканд на северо — западе Индии.

11

Сражение при Омдурмане (2 сентября 1898 года) — генеральное сражение Второй англо — суданской войны между англо — египетским экспедиционным корпусом фельдмаршала Герберта Китченера и силами суданских повстанцев. В сражении при Омдурмане Черчилль командовал эскадроном 21–го уланского полка. Книга Черчилля о Суданской кампании «Война на реке» стала бестселлером.

12

Олбани — столица штата Нью — Йорк.

13

В 1911–1912 годах бывший президент США от Республиканской партии Теодор Рузвельт, недовольный политикой своего преемника на президентском посту Уильяма Тафта, начинает активную предвыборную борьбу за президентский пост. Рузвельт намеревается стать кандидатом в президенты США от Республиканской партии вместо Тафта, который собирался баллотироваться на второй срок. Рузвельт сумел одержать убедительную победу на праймериз среди кандидатов в президенты от республиканцев. Тем не менее он не получил поддержки при выдвижении своей кандидатуры в президенты США от Республиканской партии на партийном съезде республиканцев в Чикаго 7 июня 1912 года. Возмущенный Рузвельт обвинил Тафта в нарушениях при подсчете голосов. Это стало началом формирования новой политической партии в США, актив которой составили сторонники Рузвельта из прогрессивного крыла Республиканской партии.

14

«Партия сохатого» — так называли Прогрессивную пар— тию США, которая была создана в 1912 году и распалась в 1916–м. Символом партии был лось. Появление символики связано с прозвищем «партия сохатого», появившимся после покушения на лидера партии Теодора Рузвельта в 1912 году. В ответ на вопрос, не помешает ли ранение его предвыборной кампании, Рузвельт заявил: «Я здоров, как сохатый».

15

«Великая старая партия» — второе название Республиканской партии США.

16

Т. е. очень богат, но реформатор.

17

Таммани — холл — политическое общество Демократической партии США в Нью — Йорке, контролировавшее выдвижение кандидатов и наиболее влиятельное в конце XIX — начале XX века.

18

Кникербокер, или Никербокер — фамилия голландского происхождения, от которой происходит несколько имен собственных и нарицательных. Дитрих Никербокер — литературный псевдоним американского писателя Вашингтона Ирвинга, под которым он написал «Историю Нью — Йорка» (1809), «Рип ван Винкль» (1819) и некоторые другие произведения из американской жизни. С течением времени слово «никербокер» стало нарицательным, обозначая коренного белого ньюйоркца, в идеале ведущего свою родословную из голландского Нового Амстердама XVII века; в крайнем случае из XIX века.

19

Это один из престижнейших американских клубов, ос— нованный в 1822 г. Фенимором Купером и названный псевдонимом друга — Вашингтона Ирвинга, первый культурный клуб США.

20

Имеется в виду профессиональный баскетбольный клуб «Нью — Йорк Никербокерс», более известный как «Нью — Йорк Никс», базирующийся в Нью — Йорке. По состоянию на 2013 год считается самой дорогостоящей командой в НБА.

21

Фобур Сен — Жермен — подлинно аристократический квартал Парижа.

22

Долли Мэдисон — супруга 4–го президента США Джеймса Мэдисона (1809–1817), первая леди США с 1809 по 1817 год. Еще в президентство вдовца Томаса Джефферсона (1801–1809) она, как жена государственного секретаря, фактически заняла положение первой леди. Долли Мэдисон прославилась прекрасной организацией приемов и светских мероприятий. 4 марта 1809 года, в день инаугурации ее мужа в качестве президента США, организовала в Вашингтоне бал, который с тех пор является одним из традиционных событий Дня инаугурации.

23

2 октября 1919 года 28–й президент США Вудро Вильсон (1913–1921) перенес тяжелый инсульт, в результате которого у него парализовало всю левую сторону тела, и был практически полностью недееспособным до конца президентского срока,

однако этот факт был скрыт от широкой публики. Остается неясным, кто был ответственен за принятие решений исполнительной власти в период нетрудоспособности Вильсона, хотя считается, что, скорее всего, это были первая леди и президентские советники. Ближний круг президента во главе с его женой полностью изолировал вице — президента Томаса Маршалла от хода президентской переписки, подписания бумаг и прочего, а сам Маршалл не рискнул взять на себя ответственность принять полномочия исполняющего обязанности президента, хотя некоторые политические силы призывали его сделать это.

24

Фредерик Гаррисон — представитель контовского позитивизма в Англии.

25

Беатрис Вебб (1858–1943) — крупный английский общественный деятель, ученый, историк рабочего движения Великобритании. Вместе с мужем Сиднеем Веббом и Бернардом Шоу являлась руководителем Фабианского общества, которое положило начало Лейбористской партии Англии.

26

По аналогии с ad hominem: аргумент, основанный на личности оппонента, а не на сути дискуссии, объективных фактах и логических рассуждениях.

27

Перевод стихотворения A Woman's Shortcomings Элизабет Барретт Браунинг выполнен Т. Лукьяновой.

28

Речь идет о книге: Joseph P. Lash Eleanor and Franklin: The Story of their Relationship, Based on Eleanor Roosevelt's Private Papers. New York: W. W. Norton, 1971.

29

Режим Виши́ — коллаборационистский режим в Южной Франции времен оккупации Северной Франции нацистской Германией после поражения в начале Второй мировой войны и падения Парижа в 1940–м. Существовал с 10 июля 1940–го по 22 апреля 1945–го. Официально придерживался политики нейтралитета.

30

Аллюзия на роман Ивлина Во «Возвращение в Брайдсхед».

31

«Счастливый воин» — название главы из романа Джона Лос Пассоса «1919», посвященной Теодору Рузвельту.

32

Бауери — улица в Нью — Йорке, известная дешевыми

гостиницами и барами, часто посещаемыми пьяницами и бродягами.

33

«Характер Счастливого Воина» («The Character of the Happy Warrior») — стихотворение английского поэта — романтика Уильяма Вордсворда, сочиненное в 1806 году после смерти лорда Нельсона, героя наполеоновских войн, которое имеет своей целью описать идеального «воина» и которое на протяжении уже двух веков является источником многих метафор для политической и военной жизни.

34

Буквальный перевод: «Это — счастливый Воин, это и есть он, / каким каждый человек с оружием должен мечтать стать».

35

89 градусов по Фарангейту = 36,67 градусов по Цельсию.

36

Эрл Миллер служил в охране губернатора Рузвельта, который ценил в нем надежность, смелость, прямоту и попросил Эрла принять на себя обязанности телохранителя «первой леди штата Нью — Йорк». Сын Рузвельтов Джеймс рассказывал впоследствии: «Я полагаю, что при жизни отца у матери был один роман — с Эрлом Миллером. Разница в возрасте им не помешала. Эрл научил ее быть собой и гордиться этим, не бояться вставать лицом к лицу с окружающим миром. Много хорошего он сделал для нее. Когда он был рядом, она черпала в нем душевные силы, всегда могла положиться на него. Он стал как бы частью семьи и давал ей то, чего ни отец, ни мы, ее сыновья, дать не смогли. Главное — он дал ей почувствовать себя женщиной. Биографы, пытающиеся подрумянивать ее образ, на самом деле обедняют его, лишают женственности. Если отец знал об их отношениях, он, похоже, не имел ничего против».

37

У королевы Виктории был в услужении шотландский горец по имени Джон Браун. После смерти принца Альберта в 1861 году Браун стал опорой вдовствующей королевы. Ходили слухи о том, что королева и Джон Браун состоят в тайном браке. Джон Браун и вправду вел себя по — королевски, как член семьи, вальяжно разгуливал по дворцу, отдавал приказы, забыв при этом, что официально он до сих пор являлся слугой королевы. Королева Виктория оплакивала его смерть так же долго, как и смерть своего мужа, до своего последнего дня.

38

В политическом сленге США a smoke-filled room — «задымленная комната» — понятие, обозначающее тайное

политическое собрание или процесс принятия решения за круглым столом. Это выражение используют для обозначения группы могущественных, курящих сигары, людей со связями, которые собрались на негласную встречу для выдвижения политического кандидата, «темной лошадки», или любых других решений, закрытых для общественности.

39

Название «новый курс» восходит к названию политики популярного президента США в 1901–1909 годах Теодора Рузвельта «честный курс». «Новый курс» Франклина Рузвельта продолжал политику ряда президентов (Теодора Рузвельта, Говарда Тафта, Вудро Вильсона), которые последовательно усиливали участие государства в экономической деятельности.

40

В январе 1932–го по инициативе Герберта Гувера Конгресс принял решение о создании корпорации финансирования реконструкции для выдачи займов на спасение железных дорог, банков, кредитно — строительных ассоциаций и других финансовых институтов.

41

Основную массу членов так называемой бонусной армии составляли бывшие участники Первой мировой войны. Исполненный благодарности за их службу, Конгресс в 1924 г. постановил выплатить им премию. Выплаты должны были производиться по частям до 1945 г. Великая депрессия ударила по ветеранам, лишив их сбережений и работы. Таким образом, возникла идея добиться немедленных выплат. Кампании с этой целью были начаты по всей стране. В июле 1932 года законопроект, предусматривающий единовременную выплату по постановлению 1924 г. рассматривался в Конгрессе и даже был принят Палатой общин, однако потерпел неудачу при прохождении через Сенат. В Вашингтоне начались демонстрации ветеранов и членов их семей, иногда перераставшие в столкновения с полицией. Президент Герберт Гувер через военного министра отдал приказ начальнику штаба Дугласу Макартуру окружить территорию, охваченную народными волнениями. На Пенсильвания — авеню произошло столкновение между толпами демонстрантов и военными подразделениями. Солдаты применяли слезоточивый газ, были вооружены саблями и шашками. В результате столкновения сотни манифестантов получили ранения.

42

Многие во время «Великой депрессии», будучи не в состоянии платить за жилье, лишались крова, ночевали на улице и строили

себе сараи из картона. На окраинах городов вырастали целые поселения, состоящие из подобных временных жилищ, — т. н. «Гувервилли». Такое гетто возникло и в Вашингтоне за рекой Анакостия, где располагались лачуги ветеранов, съехавшихся в Вашингтон со всей Америки.

43

Мэр Нью— Йорка от Демократической партии с 1926 по 1932 год.

44

В американской политической практике период «подбитой утки» обозначает срок нахождения у власти избираемого чиновника, например президента, после того, как тот не смог переизбраться на должность, до инаугурации преемника. В 1933 году были предприняты шаги по решению проблемы периода «подбитой утки» — была принята XX поправка, значительно сократившая длительность этого срока: после 1933 года срок президентских полномочий заканчивался двадцатого января (до того — 4 марта). В течение периода «подбитой утки» — между избранием президента Франклина Д. Рузвельта и его инаугурацией 4 марта 1933 года — Соединенные Штаты практически оставались без руководителя на протяжении 17 недель в разгар Великой депрессии, в то время как экономика страны была подорвана, тысячи банков обанкротились, а каждый четвертый американец искал работу.

45

В переводе с французского: «Я вас понимаю».

46

Чермак прожил три недели и, умирая на больничной койке, пришел к мысли, что именно он — мэр Чикаго, а вовсе не Рузвельт, был объектом нападения. Эта гипотеза была достаточно правдоподобна, так как в своем городе Чермак вел нешуточную борьбу со знаменитым гангстерским кланом Аль Капоне, а Зангару вполне могли нанять для убийства (хотя тот это всячески отрицал), а выступление Франклина Делано Рузвельта помогло бы сбить всех с толку.

47

Военные министры в администрации Франклина Рузвельта: Джордж Дерн (1933–1936), Гарри Вудринг (1936–1940), Генри Стимсон (1940–1945).

48

Административно — распорядительные функции в сфере обеспечения общественной безопасности, охраны правопорядка, борьбы с преступностью, которые в большинстве стран выполняются министерством внутренних дел, в США возложены

на министерство национальной безопасности (англ. Department of Homeland Security) и министерство юстиции (англ. Department of Justice).

49

Одним из первых шагов Ф. Рузвельта было объявление 6 марта «банковских каникул» на неделю, во время которой были закрыты все банки США. Далее с целью «очистки» банковской системы была проведена тотальная ревизия всех банков.

50

Гражданский корпус охраны окружающей среды (Civilian Conservation Corps, CCC) — программа государственного трудоустройства безработных в рамках «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта, действовавшая в 1933–1942 гг. и направленная в основном на сохранение природных ресурсов. Законопроекты, связанные с созданием корпуса, были представлены Рузвельтом в Конгресс США 21 марта 1933 года, и «Закон о чрезвычайных работах по сохранению окружающей среды» (Emergency Conservation Work Act) был принят 31 марта 1933 года. Хотя программу осуществил Рузвельт, сама идея принадлежала республиканскому сенатору Джеймсу Казинсу из Мичигана, которому, в свою очередь, предложил ее в своем письме избиратель Арчибальд Сан из Детройта. Организацию корпуса поручили генералу Дж. Маршаллу. Члены корпуса жили в специальных лагерях с почти военной дисциплиной и носили униформу.

51

«Закон о регулировании сельского хозяйства» 1933 г. (The Agricultural Adjustment Act, AAA) — один из правовых актов, принятых в США в процессе проведения «нового курса». Он устанавливал некоторую компенсацию для фермеров за сокращение посевных площадей под пшеницу, кукурузу, хлопок и т. п. Это мероприятие должно было, по теоретическим расчетам, поднять цены на продукты сельского хозяйства и тем самым спасти фермеров от разорения. Одновременно с этим поощрялось уничтожение части уже полученной продукции, за что давалась определенная премия. Предусматривалось создание специального административного органа по сельскохозяйственному регулированию. Верховным судом США он признан неконституционным. Администрация регулирования сельского хозяйства — правительственное ведомство, созданное в рамках программы «нового курса» по Закону о регулировании сельского хозяйства 1933–го, перед которым была поставлена задача стабилизации доходов фермеров путем частичного субсидирования, позволяющего снизить цены и ограничить объем

производства сельхозпродукции.

52

Ф. Рузвельт 18 мая 1933 г. подписал закон о создании принадлежащей правительству США корпорации «Управление ресурсами бассейна Теннесси» (Tennessee Valley Authority, TVA). Это — одна из наиболее знаменитых структур, созданных во времена Нового курса Ф. Д. Рузвельта. Ее цель — поощрить экономическое развитие в долине реки Теннесси путем строительства плотин и дамб для содействия навигации, недопущения наводнений, выработки электроэнергии. За 30–е годы корпорация построила 6 громадных плотин и множество мелких.

53

Во время предвыборной кампании 1940 года ФДР часто сравнивал заявления республиканцев с их реальным голосованием в Конгрессе. Он составил список законопроектов, против которых голосовали республиканцы, указывая на конкретные голосования лидеров республиканцев в Палате представителей конгрессменов Брюса Бартона, Гамильтона Фиша и Джозефа Мартина в наиболее благозвучной последовательности Мартин, Бартон и Фиш. Президент во время выступления на Мэдисон — сквер повторял имена этих конгрессменов несколько раз и, начиная со второго раза, стоило Рузвельту назвать имя Мартина, как публика подхватывала «Бартон и Фиш». То же продолжалось и на других встречах.

54

Прогрессивизм в США — реформаторское движение, преобладавшее в политической жизни Америки в начале XX века. Его социальной опорой стал средний класс. Американский прогрессивизм стал ответной реакцией на модернизацию американской экономики и общества, в частности, на появление крупных промышленных и железнодорожных корпораций, а также на засилье коррупции в американской политике. Многие прогрессисты считали, что монополии в американской промышленности нарушают естественные экономические законы конкуренции, необходимой для прогресса страны. В то же время ряд прогрессистов указывал на необходимость консолидации капитала и промышленности и даже монополизации некоторых отраслей под контролем правительственных органов.

55

С 1919 г. в США действовал «сухой закон», запрещавший производство и продажу всех видов спиртного, включая и пиво. В 1933 г. «сухой закон» был отменен; сначала была разрешена продажа пива, а в декабре 1933 г. после принятия Двадцать

первой поправки к Конституции США, и других алкогольных напитков.

56

Дж. М. Кейнс впервые предложил теоретическое обоснование экономической политики, практическое осуществление которой привело к формированию смешанной экономической системы, сочетающей рыночное и государственное управление экономикой. Кейнс разработал широкий комплекс мер государственного регулирования экономики путем изменения бюджетных расходов в соответствии с экономической и рыночной конъюнктурой. В частности, основные положения кейнсианства получили практическое применение в период «нового курса» Ф. Д. Рузвельта.

57

Закон о восстановлении национальной промышленнос— ти — часть программы «нового курса». Разрешал работникам предприятий объединяться для ведения через своих представителей переговоров о заключении коллективного договора с нанимателями. Обязал Национальную администрацию восстановления (National Recovery Administration) контролировать соблюдение отраслевых «кодексов честной конкуренции», которые устанавливали объемы производства, цены и правила сбыта и условия труда на предприятиях. Приостанавливал применение к отраслям, в которых были введены такие кодексы, положений антитрестовского законодательства. В мае 1935 ряд положений Закона был отменен Верховным судом США как неконституционные в деле «„Шехтер поултри корпорейшн“ против США».

58

Выборы в Палату представителей происходят каждый парный год, и каждый представитель штата занимает свое место в течение двухгодичной каденции. Выборы в Сенат проводятся одновременно с выборами в Палату представителей, но сенатор избирается на 6 лет; при этом каждые два года в порядке ротации переизбирается 1/3 состава Сената.

59

Хьюи Пирс Лонг — сенатор от штата Луизиана, который на президентских выборах 1932 года поддержал Франклина Рузвельта, а в июле 1933–го заявил о намерении принять участие в следующих президентских выборах. В годы Великой депрессии возглавил массовое движение правопопулистского толка против политики «нового курса» Рузвельта. Выдвинул программу «раздела богатств», что привлекло к его движению «Share Our Wealth» более 7,5 млн сторонников. Основой его программы был

жесткий прогрессивный налог. Беднейшие американцы освобождались от налогообложения, тогда как для миллионеров налог был очень высок. Постоянно конфликтовал с крупнейшими корпорациями. Намеревался участвовать в президентских выборах 1936 года, однако в сентябре 1935–го был застрелен доктором Карлом Вайссом в Капитолии Луизианы в Батон — Руже. Биография Лонга стала основой для романа американского писателя Роберта Пенна Уоррена «Вся королевская рать», по которому в СССР был снят фильм с Георгием Жженовым в главной роли, получивший большую популярность. Также Хью Лонг стал прототипом героя романа Синклера Льюиса «У нас это невозможно».

60

Верования, разделяемые членами определенных видов религиозных движений, согласно которым в ближайшем будущем произойдут катаклизмы, предвещающие наступление новой эры.

61

James MacGregor Burns and Susan Dunn, The Three Roose-velts: Patrician Leaders Who Transformed America (New York: Atlantic Monthly Press, 2001), c. 288.

62

Веранда при входе в дом, характерная для индивидуального американского дома большинства районов США, традиционное место отдыха семьи, бесед с соседями по улице. Первоначально — неотъемлемая принадлежность дома южного колониального стиля. В богатых домах плантаторов часто строилась вдоль всего фасада с колоннами на два этажа. Первая веранда с такой колоннадой в США была построена в усадьбе Дж. Вашингтона «Маунт — Вернон».

63

«Великая старая партия» (Grand Old Party) — неофициальное название Республиканской партии США.

64

Неудачная попытка Ф. Д. Рузвельта в 1937–м ввести в состав Верховного суда США дополнительных судей, которые поддерживали бы законодательство «нового курса». Рузвельт попросил Конгресс одобрить его предложение о расширении состава Суда и прибавить к каждому судье старше 70 лет еще одного судью (это позволило бы ему ввести в состав суда 6 новых членов, и, таким образом, суд состоял бы из 15 человек). Конгресс не поддержал предложение, но вопрос вскоре отпал сам по себе, так как Суд неожиданно стал одобрять новые законы. Эта перемена вошла в историю как «смена вех, спасшая девятку»(the switch in time that saved nine).

65

Под нажимом Германии без участия Чехословакии было заключено четырехстороннее Мюнхенское соглашение 1938 г., в результате которого территории судетских немцев — наиболее промышленно развитые и важные, в том числе для военной промышленности, районы — оказались в составе Германии.

66

Т. е. сторонником вовлечения США в дела иных государств в отличие от изоляционистов, которые во внешней политике выступали за сокращение вмешательства в конфликты вне американского континента.

67

Речь, вероятно, идет о еврейском миллионере Генри Стракоше, который предоставил политику заем в 150 тысяч фунтов стерлингов и стал его «советником».

68

Заднескамеечник — рядовой член Парламента в Велико— британии.

69

С другой стороны, Черчилль также сказал (по пути в Вашингтон после нападения Японии на Перл — Харбор, в декабре 1941 года): «Ранее мы пытались их соблазнить. Теперь они находятся в надежном гареме». Даже самые близкие отношения между государствами и государственными деятелями — это смесь сентиментальных чувств и реальной политики. И то и другое не обязательно является лицемерием.

70

На обеде в Марракеше 1 января 1944 года Черчилль сказал своему адъютанту, коммандеру (капитану второго ранга) Томпсону: «Впрочем, Томми, ты сам свидетель, что я не повторяю свои истории так часто, как это делает мой дорогой друг, президент Соединенных Штатов».

71

Интересно, был ли временно отменен сухой закон для флота США в честь высоких гостей и их пристрастий. В противном случае у Черчилля, должно быть, был пренеприятный день, в частности, когда ему предложили выступить (с кока — колой?) после обеда.

72

Декларация Объединенных Наций (Декларация двадцати шести государств, англ. Declaration by United Nations) была подписана 1 января 1942 года во время проведения Первой Вашингтонской конференции. Название «Объединенные Нации» для Союзников по антигитлеровской коалиции предложил в

декабре 1941 года Рузвельт. Декларация Объединенных Наций от 1 января 1942 года послужила основой для будущей Организации Объединенных Наций. Во время войны термин «Объединенные Нации» стал синонимом Союзников по антигитлеровской коалиции.

73

Арчибальд Уэйвелл — британский фельдмаршал, главнокомандующий британскими войсками на Среднем Востоке (район включал территорию от Северной Африки до Ирака). С началом Второй мировой войны на этом театре (в июне 1940–го) руководил боевыми действиями в Северной Африке, в декабре 1940 года разгромил втрое сильнейшие итальянские войска у Сиди — Баррани и к февралю 1941 года занял фактически всю Восточную Африку Итальянской империи. Однако вскоре часть его сил была отвлечена на неудачную операцию в Греции, а после высадки в феврале 1941 года в Африке германского экспедиционного корпуса под командованием Роммеля события приняли совсем неблагоприятный оборот.

74

1 апреля 1942 г. Маршалл и Стимсон предложили «схематический план вторжения» президенту, который был одобрен им. В документе отмечалось, что Северо — Западная Европа — «единственное место, где в ближайшем будущем союзные государства смогут подготовить и осуществить мощное наступление».

75

Гавани Малберри — искусственные гавани, сооруженные союзниками для вторжения в Нормандию (1944–й). Они были возведены из готовых бетонных секций, доставленных по морю к побережью Франции, что позволило в кратчайший срок построить гавань для выгрузки войск, техники, амуниции и снаряжения.

76

В поисках путей прорыва «зимней позиции» немцев в Италии, проходившей в 40 милях северо — западнее Неаполя, генералы Эйзенхауэр, Александер и Кларк решили начать разработку планов высадки десанта позади нее, где-нибудь поблизости от Рима. Наилучшим участком высадки мог стать район порта Анцио, расположенный в 37 милях юго — восточнее Рима и в 20 милях к югу от гор Альбани, господствующих над шоссейными железными дорогами, ведущими от Рима на юг. Высадка у Анцио вызвала у немцев панику и заставила их временно эвакуировать Рим. Но нерешительность командиров десанта позволила немцам восстановить положение и укрепить свою оборону. Запоздалая попытка союзников прорваться к горам Монти — Альбани

провалилась — высадка была проведена слишком небольшими силами, чтобы позволить выполнить все поставленные задачи, а подкрепления прибыли слишком поздно и могли только удержать плацдарм.

77

Солдаты Брэдли первыми высадились на французский берег и выдержали тяжелейший бой на плацдарме Омаха. Но на тот момент Брэдли командовал 1 американской армией. Эйзенхауэр создал 12–ю группу армий только первого августа.

78

В состав 21–й группы армий под командованием Б. Монтгомери входили 1–я британская, 2–я американская и 2–я канадская армии.

79

Дальше автором текста является Ричард Нойштадт.

80

Кропперы — арендаторы — издольщики на Юге, получавшие за работу часть собранного урожая. После окончания Гражданской войны рассматривались как самостоятельная социальная группа. В 50–60 годах XX в. практически исчезли.

81

Многочисленные федеральные ведомства, созданные в целях регулирования социально — экономической сферы в период «нового курса» президента Ф. Д. Рузвельта, главным образом в 1933–1935 гг. Стали широко известны по их сокращенным буквенным наименованиям. Критикуя «новый курс», губернатор штата Нью — Йорк Эл Смит говорил, что он «утонул в супе с буковками».